

The background of the poster is a detailed illustration of a Victorian library. On the left, a woman with dark hair, wearing a blue high-collared dress with a purple skirt, looks towards the viewer. In the center-right, a man in a brown coat and white shirt stands near a bookshelf. On the floor in the foreground, a man in a green suit lies face down, with a red sword or dagger stuck into his back. The room is filled with bookshelves, a globe, and a chandelier. The entire scene is framed by a large, ornate, golden archway with intricate scrollwork.

Алена
Кручко

Жаркая зима

Менталисты и Тайная Канцелярия

Серия

Алена Кручко

Менталисты и Тайная Канцелярия. Жаркая зима

АННОТАЦИЯ

Королевство Андар стоит на пороге войны. Начальнику Тайной Канцелярии графу фор Цирренту, принцу Ларку, адмиралу фор Гронтешу и даже самому королю хватает дел, но могли ли они думать, что в их делах поможет обычная девушка? Правда, она появилась из другого мира, но к этому-то миру ей еще привыкать и привыкать!

Женя и привыкает — и в этом ей помогают ее новая семья и друзья. А тенденция постоянно оказываться «не в том месте не в то время» создает немало проблем ей, зато решает проблемы королевства...

ГЛАВА 1, в которой тетушка Гелли представляет обществу свою племянницу Джегейль фор Циррент, а в Тайную Канцелярию приходит анонимный донос

Вечер был скучен, как монотонный осенний дождь за окном, и утомителен, как никому не нужное совещание. Впрочем, о совещаниях, «дорогом» начальстве и прочих прелестях прошлой жизни Женя вспоминала все реже. Вспоминать было банально некогда. Да и не очень хотелось, если уж честно. Конечно, по достижениям цивилизации Женя тосковала, но скучать по нелюбимой работе, нервирующим новостям по телевизору, очередному экономическому кризису — увольте! Уж лучше сосредоточиться на изучении нового мира. Жить ей теперь здесь, и думать нужно о будущем.

— Тянуть с представлением тебя обществу нельзя, — объяснила ей вчера после ужина тетушка Гелли. Виконтесса Эбигейль фор Циррент, которую Женя и в самом деле должна теперь называть тетей. А графа фор Циррента, начальника Тайной Канцелярии — дядей, разве не смешно?

— Я опозорюсь, — жалобно возразила Женя. — Может, подождать? Пока я хотя бы в платье не перестану дура душой выглядеть?

— Не выдумывай, — отмахнулась тетушка. — Ты выглядишь всего лишь неловко. А вот время играет против нас. Поползут слухи, и чем глупей они окажутся, тем сложнее будет опровергнуть. Приглашения разосланы, платье готово, необходимый минимум манер ты более-менее усвоила. Некоторое отсутствие воспитания, конечно, заметно...

— Но это даже к лучшему, — подхватил граф. — Ваша невоспитанность, милая Джегейль, отдает не вульгарностью, а неким иноземным шармом. В вас ощущается налет чуждости. Я предрекаю вам успех, дорогая племянница.

— Главное, не паникуй, — подмигнула тетушка. — Танцевать завтра не придется.

— И на том спасибо, — только и вздохнула Женя.

И вот теперь она старательно изображала из себя милую и относительно воспитанную девушку из далекой варварской страны, предоставляя столичному обществу материал для увлекательных сплетен. В малой гостиной особняка фор Циррентов собрались приятельницы тетушки Гелли, довольно тесный круг: «Чтобы не смущать милую девочку», — как объяснила она вслух. Правда, позже добавив заговорщицким шепотом, только для Жени: «Они будут гордиться причастностью к столь волнующей новости и разнесут ее мгновенно. Завтра вся столица будет говорить только о тебе».

Не то чтобы «младшую виконтессу фор Циррент» так уж это радовало, но необходимость она понимала. Смешно, наверное, но Женя мысленно сравнивала этот кружок скучающих дам с какой-нибудь тусовкой на форуме или в дневниках: хочешь запустить нужную тебе сплетню — расскажи ее в привате десятку подружек.

От сплетни, которую собрался запустить граф фор Циррент, напрямую зависело выживание Жени. Никто не должен заподозрить, как именно она сюда попала. Еще бы: хотели призвать неиссякаемые запасы магической энергии из иного мира, а призвали девушку! И много вы дадите за жизнь этой девушки, если магия здесь — стратегический ресурс, а методы выкачивания ее из человека давно известны? И кому докажешь, что в Жене магии сроду не было дома и не появилось здесь? Сама Женя, по крайней мере, работай она в

страховой компании, собственную жизнь при таких условиях не застраховала бы.

Ей несказанно повезло трижды.

Во-первых — ритуал проводили в Чародейном саду во время праздника с массовым гулянием. Казалось бы, глупее места и времени не придумаешь! Но именно на время этого праздника отменялся королевский эдикт, и маги могли творить любую волшебу, а магистр, который хотел таким способом пополнить запас личной силы, должен был находиться именно в Чародейном саду. Один из четырех Переломов года, традиционная волшебба, в общем, работа у него была такая.

Во-вторых — магистр понял, что ритуал пошел неправильно, но о появлении Жени так и не узнал. А она тоже не успела наворотить глупостей — пока ошарашенно глазела вокруг, на рыжие осенние клены вместо привычных тополей, на толпу странно одетых и поголовно пьяных мужиков, на искрящиеся радуги вокруг собственных пальцев, ее заметил один из людей графа фор Циррента, начальника Тайной Канцелярии. Принял, правда, за парня, но какая разница. Выглядела она так же странно, как окружающие — для нее, к тому же растерянность и непонимание происходящего были у нее на лице написаны, так что ее аккуратно выцепили из толпы и привели напрямиком «куда следует»: разобраться.

И наконец, в-третьих. Граф фор Циррент, который оказался на удивление приличным человеком при такой-то должности. Начал он, конечно, с подозрений — так ведь скудное содержимое Жениного рюкзака и впрямь выглядело подозрительно для этого мира! — но, выяснив правду, взял девушку «под крыло». Причем не то чтобы совсем без задних мыслей, но с мыслями исключительно приличными! Новые знания, свежий взгляд, в перспективе — работа. А чтоб совсем уж привязать к себе такую полезную чужеземку, взял да и принял ее в семью. Решили выдать Женю за дочку пропавшего давным-давно без вести кузена графа — Арбальда фор Циррента, брата тетушки Гелли. Романтическая получилась история: жила себе девочка на далеких Огненных островах, зная об отце только имя, и вдруг нате вам — маг наворожил через пень-колоду, и выдернуло ее напрямиком к отцовым родичам. Дурацкая, если трезво подумать, версия, но тетушка Гелли сказала, что такое в столичном обществе пойдет на ура, под всеобщие охи и восторженный слезоразлив.

Так Женя стала Джегейль фор Циррент.

Надо сказать, здешняя ее жизнь началась как-то слишком уж бурно. Труп в Чародейном саду, два покушения на принца Ларка, а она вечно где-то поблизости — в нужное время в нужном месте, что называется. Принца, вон, вообще спасла, заслужив королевскую благодарность и слишком пристальное внимание — отчего граф и поторопился с представлением «племянницы» обществу. Она еще даже платья здешние толком носить не научилась! Хотя, как «утешил» граф, это лишь придает достоверности ее истории.

Женя аккуратно придерживала подол, усаживаясь рядом с тетушкой. Она уже запомнила всех пришедших в гости дам, с каждой немного поговорила, придерживаясь подсказанных тетушкой тем: портной, столичные магазины, кондитерская, разные сорта чая тириесского и восточного, на вопросы о встречах с принцем Ларком — неопределенное пожатие плеч и таинственный полупшепот: «Его высочество интересовался местами, где я жила раньше, но больше я ничего не могу сказать». И еще более таинственное на расспросы о прежней жизни: «Ах, оставьте, это слишком печально. Я так счастлива, что нашла родственников!»

— Развлечение на славу, верно, деточка? — шепнула на ухо тетушка. Женя тихонько фыркнула: как ни странно, несмотря на ее страхи, на скуку монотонных разговоров, на охи и ахи, от которых хотелось даже не смеяться, а ржать или хрюкать от смеха, она и в самом

деле начала находить от этого вечера некое извращенное удовольствие. Приглашенные тетужкой дамы с их «отпечатком столичной утонченности» — это не Женя придумала, это одна из дам так и сказала! — могли бы служить типажам для какого-нибудь романа девятнадцатого века, с ничемными салонными разговорами, любовными интрижками и горячими сплетнями. Ощущение, что она чужая и чуждая в этом кружке, было настолько ярким! Такая жизнь точно не по ней. А вот наблюдать это «мелкое коловращение» как бы со стороны, запускать в водоворот сплетен хорошо обдуманнные фразы и представлять, как они кругами по воде расходятся по столице — и дальше... пожалуй, и впрямь забавно. По крайней мере, чем развлекается тетужка Гелли, Женя теперь понимала. Даже жаль, что сама она никогда не любила сплетничать, а то была бы в своей стихии!

Здесь процветал, в каком-то смысле, натуральный обмен. Рассказала о том, как пьют чай на Огненных островах — получила в ответ адрес недавно открывшейся кондитерской с замечательными заварными пирожными. Призналась, что принц Ларк был с тобой любезен, но ты все равно не понимаешь, чем он так привлекает девушек — на тебя тут же вывалили самые романтичные из его любовных приключений. А могли бы и что-нибудь пикантное, будь Женя замужней дамой, а не «юной Джегейль, так неискушенной в столичной жизни... и вообще в жизни». Нравственность девушек здесь, оказывается, оберегали даже в сугубо женских разговорах.

Пожалуй, за этот вечер Женя узнала о столичной жизни и об этом мире не меньше, чем из бесед с графом, болтовни с тетужкой или прогулок с принцем. Но самое интересное ждало наверняка впереди, когда гости разъедутся по домам, а они с тетужкой и графом засядут обсуждать вечер между собой.

Женя успела полюбить язвительное остроумие и въедливые вопросы графа фор Циррента и очень ценила редкие вечера, которые он проводил с семьей. Иногда, конечно, он выделял время специально для Жени и среди дня, но тогда, как правило, расспрашивал ее на какую-нибудь наугад выбранную тему — чаще всего о странах ее мира, политике, истории, финансах и прочих государственных вещах. Совсем не то, что свободно текущие беседы, когда перескакиваешь от мушкетеров к де Голлю, от де Голля к финансовым пирамидам, а потом к пирамидам египетским...

Но все же нужно будет сказать графу: если он представляет себе будущую работу Жени на Тайную канцелярию как такое вот «вращение в обществе», то это чистое издевательство! Нет, она понимает, конечно, что ничего серьезного пока не сможет — просто потому, что в мире толком не обжилась. Но ее рассказы о политике, географии, медицине и прочих реалиях родного мира — и то, наверняка, в сто раз полезнее!

В общем, решено — срочно, срочно обживаться! А то сама не заметишь, как станешь не суперагентом-миледи, а штатным вбрасывателем слухов и собирательницей сплетен, вот уж спасибо за такую работенку!

— Вот уж спасибо, дорогой граф, за такую работенку, — виконт Фенно-Дераль, начальник королевской полиции, брезгливо повертел в руках лист дешевой серой бумаги, сложил его, как было, и спрятал в такой же дешевый конверт. — Проще выследить зайца по остывшему следу, чем найти отправителя такой вот анонимки, вам ли не знать.

— Знаю, Грент, — поморщился граф фор Циррент. — Потому и обратился к вам. Вы единственный, кто сможет хоть что-то выжать из такой малости.

— Разве что чудом, Варрен. Я попытаюсь, разумеется, но чудеса в наше время редки.

Полагаю, вы добьетесь большего со своей стороны.

— Думаете, адмирал фор Гронтеш знает, кто пишет на него доносы? Ну-ну.

Старые приятели невесело рассмеялись в унисон. Дело и впрямь представлялось почти безнадежным, но и оставлять письмо без внимания не следовало. Хотя бы потому, что неизвестный «бдительный подданный» ждет от Тайной Канцелярии хоть каких-то действий и, не дождавшись, может предпринять свои шаги, куда более опасные, чем анонимный донос.

Проводив Фенно-Дераль, граф фор Циррент развернул снятую с доноса копию и перечитал снова, как будто десятое прочтение могло дать мозгу свежую пищу для размышлений.

«Бдительный и верный подданный короны спешит уведомить, что прибывший недавно в столицу адмирал фор Гронтеш под видом слуги имеет при себе тайного шпиона и соглядатая Огненных островов. Каковой шпион в равной мере владеет оружием и магией и потому весьма опасен. Также следует обратить внимание на привезенные адмиралом из последнего плавания трофеи, среди которых имеются магические артефакты неизвестной силы и назначения».

Похоже, что незадачливый убийца, подбиравшийся к молодому фор Гронтешу, не был единственным, кому не давали покоя богатства этого рода. Наверняка маг — для остальных фор Гронтеши, несмотря на все боевые победы и сопутствующие трофеи, почти нищие, с их древним замком посреди бесплодных пустошей. А маги наверняка облизываются на мощный, стабильный, много лет не использовавшийся источник в древней священной роще, один из немногих, остающихся достоянием частной семьи, а не Гильдии или короны. Магов в роду фор Гронтешей давно не рождалось, черпать из источника было некому. Накопилось там, уж верно, немало, если даже на убийство идут ради законного доступа к этой силе. А тут всего-то анонимный донос.

Однако насквозь корыстный интерес магов вовсе не отменяет вероятности того, что адмирал и впрямь привез из своих плаваний неоднозначные в магическом плане трофеи. Очень даже может такое быть, и притом безо всякого умысла — адмирал насквозь чужд тонкому искусству волшбы и мог попросту не распознать в какой-нибудь безделке опасного артефакта.

Вопрос в том, как распознать такие безделки без помощи магов Гильдии? А никак! Место штатного мага давно пустует — нет надежного.

Хотя...

Фор Циррент вскочил, досадливо хлопнув себя по лбу. Как он мог забыть! Его «племянница» все еще может видеть магию! Умение случайное, плохо осознаваемое самой девушкой, в любой миг может исчезнуть. Но пока оно есть, нужно пользоваться!

Да и на слугу-шпиона поглядеть не помешает.

Граф пробежался туда-сюда по кабинету, взглянул на часы и, вздохнув, велел закладывать карету. Нет необходимости задерживаться на службе, его дамы наверняка ждут не дождутся возможности вывалить на него подробности первого появления юной Джегейль в столичном обществе. Хорошо бы то самое «общество» уже разошлось...

Графу повезло: Гелли и барышня Женя и впрямь ждали его, уже проводив последних гостей. Барышня выглядела немного утомленной, но Гелли так и лучилась довольством, и граф тайком перевел дух: похоже, вечер у дам вполне удался.

— Милые дамы, виконт Фенно-Дераль велел передавать вам наилучшие пожелания.

Гелли насмешливо фыркнула:

— Это намек на обстоятельства непреодолимой силы, вынудившие тебя задержаться, дорогой братец?

— Опять у вас там криминал? — посочувствовала Женя.

— Мелочи, право же, — отмахнулся граф. — На сей раз никаких таинственных убийств, обычная рутина. Надеюсь, для вас вечер прошел приятней, чем для меня.

Женя картинно застонала, Гелли рассмеялась:

— Да, вполне. Деточка пользовалась успехом.

— Даже ни разу не запуталась в собственных юбках, — торжественно уверила Женя. — Это, несомненно, успех!

— И это тоже, — не моргнув глазом, согласилась Гелли. — Пошли ужинать, Варрен. Мне почему-то кажется, что ты хочешь поделиться какой-то частью своей «обычной рутины», но вежливость требует от тебя сначала расспросить нас. Так вот, расспрашивать не о чем. Все прекрасно, завтра вся столица будет обсуждать удивительную судьбу Джегейль фор Циррент и наше с тобой чудесное обретение племянницы. Деточка умница, ни одной фальшивой ноты.

— Что очень удивительно, — встряла Женя, — все же первый раз...

— Это было видно, — кивнула Гелли, — но ведь так и должно быть. Милая, непосредственная, скромная девочка, неплохо, но по-чужеземному воспитанная, очень старается вести себя подобающе, очень счастлива таким поворотом в судьбе. Вот что все увидели.

— Что ж, отлично, — мгновение поколебавшись, граф приобнял Женю за плечи и добавил: — Дорогая племянница.

К счастью, девушка поняла его правильно. Слегка покраснела, но не отстранилась и ответила с улыбкой:

— Спасибо, дядюшка. И правда, пойдемте ужинать. Как сказал один мой любимый персонаж в одном хорошем фильме, я испытываю острое желание кого-нибудь укусить, ну хотя бы баранью ляжку.

Граф рассмеялся:

— Поверьте, милая барышня, я с удовольствием послушал бы эту историю, но сегодня у нас найдется другая тема для разговора. Расскажите как-нибудь, хорошо?

— Конечно, — кивнула Женя. — Вам понравится. Там дворцовые интриги и очень много политики.

— Тогда, пожалуй, нужно будет пригласить в гости его высочество, ему полезно послушать о политике и интригах.

— Уж это точно, — Женя рассмеялась, вспомнив принца Ларка — кем-кем, но интриганом тот явно не был. На редкость прямодушный молодой человек — не наивный, конечно, но... В общем, одно слово — военный, а не политик!

На этом разговор сам собой прервался — как пишут в романах, «дабы отдать должное превосходному ужину». Впрочем, граф настолько задумался, что не особо замечал вкус еды. Донос на адмирала фор Гронтеша не давал ему покоя. Чудилось в этой презренной писульке нечто странное, неправильное. Как будто они с Грентом заметили то, что и должны были заметить, упустив менее очевидное — но именно то самое неочевидное и было истинной целью донощика...

В конце концов граф попросту отогнал это неприятное ощущение. Возможно, встреча с

адмиралом что-то прояснит — и, в любом случае, даст более внятную пищу для размышлений, чем несколько строк на дешевой бумаге. Пока же нужно эту встречу организовать.

Самое очевидное решение — пригласить адмирала для беседы в свой рабочий кабинет в Тайной Канцелярии — граф даже не рассматривал. Не того масштаба человек Оннар фор Гронтеш, чтобы давить на него, тем более когда вина не то чтобы не доказана, а вовсе не факт, что существует. Разговор должен быть в высшей степени частным, абсолютно, категорически неофициальным. Напроситься на визит, поинтересоваться привезенными из странствий редкостями... Рассчитывать на непонимание не стоит — адмирал, конечно же, догадается о подоплеке визита. Значит, нужно всего лишь играть с ним в открытую. Сам исключительно прямой человек, он должен оценить такую же прямоту. Есть шанс, что ответит откровенностью на откровенность. А нет — хуже не станет.

После ужина граф пригласил барышню в кабинет. Достал из сейфа два артефакта — рабочую волшебную палочку, заряженную переводческим заклинанием, и конфискованный года три назад у одного контрабандиста погодный амулет.

— Скажите, дорогая племянница, вы видите на этих вещицах следы магии?

— Да, — тут же ответила барышня. — Они как будто в ауре из радуг. Здесь ярче, — показала она на амулет. Надо же, а граф полагал эту шпучку почти бесполезным шарлатанством. Пожалуй, стоит отдать амулет его величеству, пусть найдет ему применение. Негоже полезной магии пропадать зря.

— Я собираюсь нанести визит одному... путешественнику. И хотел бы попросить вас сопровождать меня. Нужно по возможности выяснить, не привез ли он из своих странствий каких-либо магических вещей.

— Это если он вам их покажет, — непочтительно фыркнула девушка. — Будь я, скажем, злоумышленником, который хочет оставить такие вещи в тайне, я просто спрячу их подальше от гостей. Или вы устроите там обыск?

— Надеюсь, до обыска не дойдет, — абсолютно искренне ответил граф. — Я крайне уважаю этого человека. Надеюсь, он не впутается снова в нечистоплотные интриги, это не по его характеру. Первый раз был ошибкой, а он достаточно умен, чтобы не совершать одну и ту же ошибку дважды.

— Вы так старательно не упоминаете имени. Мне нельзя знать, кто он?

— Отчего же. Оннар фор Гронтеш, самый молодой адмирал королевства, легендарный путешественник и почти национальный герой. Отец Реннара фор Гронтеша, того самого шалопая, который лежит сейчас раненым вместо того, чтобы впутывать принца Ларка в очередные авантюры. Хотя там, конечно, еще вопрос, кто кого впутывает.

— Ага, тот самый, с которым мне не советовали разговаривать об Огненных островах, — вспомнила барышня. — И что мы ему скажем обо мне?

— Решим по ходу дела, — хмыкнул граф. — Возможно даже, нечто похожее на правду. Адмирал славится своей честностью, если он даст слово молчать, можно быть спокойным за любую тайну. Скажу прямо, Оннара фор Гронтеша я желал бы иметь в союзниках, но никоим образом не среди противников.

— Ну что ж, давайте посмотрим по ходу дела, — без особого энтузиазма согласилась барышня. — Я бы предпочла промолчать, конечно, но если он будет, как говорится, вращаться в столице, то всяко наслушается слухов обо мне, и наверняка заметит какие-нибудь несообразности.

— Вот именно, — кивнул граф. Раскрыл бювар с писчей бумагой, придвинул ближе чернильницу, задумался ненадолго. Он никогда не был в хоть сколько-нибудь дружеских отношениях со старшим фор Гронтешем, однако письмо не должно выглядеть официальным...

«Любезный адмирал, прошу простить мне возможную назойливость, однако для меня крайне важно навестить Вас в ближайшее время. Полагаю, Вам также окажется небезынтересной цель моего визита.

Я также возьму на себя смелость представить Вам свою кузину, виконтессу Эбигейль фор Циррент, и племянницу, Джегейль фор Циррент. Возможно, вы слышали о том, что брат Эбигейль пропал на Огненных островах. Долгие годы мы полагали его погибшим, однако сейчас возникли обстоятельства, заставляющие нас усомниться в этих сведениях. Возможно, Ваша консультация окажется бесценной для нашей семьи.

С искренним уважением,
граф Варрен фор Циррент».

Дав чернилам просохнуть, граф протянул письмо девушке. Она прочла довольно быстро — дни в библиотеке не прошли даром. Кивнула:

— Частный визит по всем параметрам. Бедный адмирал будет ждать двух безутешных женщин, цепляющихся за соломинку. Вы коварны, дорогой дядюшка.

— Приходится, — хмыкнул граф. Признаться, одобрение в голосе «племянницы» его крайне порадовало.

ГЛАВА 2, в которой история Джегейль фор Циррент подвергается сомнению, а у переводческого заклинания обнаруживается неожиданное свойство

Адмирал фор Гронтеш оказался, можно сказать, знакомым — тот самый мужик, которого Женя видела спорящим о чем-то с королем. Тогда, издали и в профиль, он напомнил Жене Шерлока Холмса, но вблизи сходство было не таким явным. Резкое, умное лицо, тонкие губы, слегка прищуренные темные глаза, черные волосы собраны в хвост, как здесь принято. Худощавый, бледный, щеки впалые, выбрит гладко — аж выскоблен. И ко всему этому — умилительно лопухий. Женя улыбнулась, отвечая на приветствие. Адмирал ей, в общем, еще тогда понравился, а сейчас, при личной встрече, приятное впечатление только усилилось.

Не сказать, что старший фор Гронтеш был рад гостям. В его любезности легко угадывалось вежливое недоумение, а при взгляде на графа фор Циррента губы дрогнули в скептической усмешке: мол, знаем мы, зачем начальник Тайной Канцелярии напрашивается в гости к опальному бывшему герцогу. Разрешение вернуться в столицу вряд ли означало конец опалы, не зря же принц так беспокоился, наблюдая беседу адмирала с королем?

Однако, проведя их в гостиную, адмирал все же поинтересовался, не откажется ли господин начальник Тайной Канцелярии выпить с ним вина и что предпочтут дамы — вино или чай.

— Чай, пожалуйста, — радостно попросила Женя.

— Мне, пожалуй, тоже, — вздохнул граф. — Поверьте, дорогой адмирал, я рад был бы посидеть с вами за бокалом вина, но сегодня дела не позволяют.

— У меня не тириский, — то ли похвастал, то ли предостерег адмирал.

Граф снова вздохнул:

— Догадываюсь. Что ж, все же мы нанесли визит человеку, избороздившему все океаны мира. В вашем доме, адмирал, экзотика более чем уместна.

Женя снова улыбнулась. Покосилась на тетушку Гелли: та не слишком хотела спекулировать своей любовью к пропавшему брату и дома высказала это графу прямо. Однако согласилась с его возражением: «Это нужно для безопасности Джегейль», — и сейчас улыбалась слегка виновато, всем своим видом демонстрируя абсолютную безобидность их визита. Вот только Женя готова была поспорить, что адмирал ничуть не повелся на тетушкин милый вид.

— Итак, чем могу быть полезен? — почти сразу перешел он к делу. — Признаться, я слабо представляю, какая именно консультация могла от меня понадобиться двум прекрасным дамам.

Вот интересно, подумала Женя, это комплимент или намек? Для комплимента сказано как-то очень уж без души. А то, что адмирал догадывается, какого рода консультации может попросить спутник «прекрасных дам» — ну так это очевидно.

И еще интересно, когда граф начнет играть в открытую? Если бы спросили Женю — она предпочла бы говорить с адмиралом откровенно сразу же. Все равно разоблачить ее он может в пять минут. Но решать не ей...

— Как я помню, в ваши привычки не входит прислушиваться к столичным сплетням, — с абсолютно серьезным лицом начал граф. — Полагаю, все то, что говорят сейчас о моей семье, также прошло мимо вашего внимания?

Граф подхватил адмирала под руку, отвел в сторону и негромко о чем-то заговорил. «Пошла работа», — мысленно кивнула Женья и оглядела гостиную, стараясь не глазеть слишком уж откровенно: неприлично все же. А посмотреть здесь было на что. Национальный герой, первый клинок королевства и кто там он еще был — адмирал фор Гронтеш не тащил из своих странствий все подряд. Здесь не было причудливых ракушек, каких-нибудь африканских масок или индейских трубок (если, конечно, они вообще существовали в этом мире) и туземных божков вроде тех, что Женья видела в колониальной лавке. Адмирал коллекционировал оружие.

Под коллекцию была отведена целая стена. Были здесь мечи с клинками самых неожиданных для Жени форм — один, например, напоминал лист ивы, а у висевшего с ним рядом лезвие шло волнами. Шпаги разной длины, кинжалы, топорики, похожие на томагавки, ножи огромные и совсем небольшие... В ножнах и без, с волнистым узором по ослепительно блестящей стали и зачерненные — наверное, для ночных вылазок. Это вам не единственный клинок в колониальной лавке. До которого, кстати, так и не разрешили дотронуться!

Женья сама не заметила, как оказалась у этой стены — будто притянуло.

Новых клинков здесь не было. Оплетенные кожаными полосками рукояти потерты, на деревянных ножнах подпалины и темные, словно от крови, пятна. Наверняка у каждого своя история...

Что-то на периферии зрения казалось неправильным, раздражало. Женья сделала несколько шагов влево, заслонила ладонью от бьющего в широкое окно солнце.

— Ой...

Она поспешно шагнула назад от зачерненной катаны, вокруг которой плясали и переливались черные же радуги. И только потом сообразила, что ойкнула вслух.

— Джегейль? — «дядюшка» обернулся резко, словно и впрямь к любимой племяннице. Заметившей какую-нибудь мышь и завизжавшей. Похоже, он и в самом деле ждет чего-то... неприятного?

Женья не знала, можно ли назвать то, что она видит, довольно-таки нейтральным словом «неприятно». Почти незаметное глазу сияние темной ауры, в которой переливались, вспыхивая и угасая, то ультрафиолетово-синий, то глубокий алый, то темный, ближе к черному, зеленый, и в самом деле чем-то напоминало радугу, только не настоящую, а как будто на очень затемненном снимке. Красиво и жутко до мурашек. То ли этот меч проклят, то ли на нем какое-то очень уж смертельное заклятие.

— Ваша племянница, граф, легко нашла бы общий язык с моей дочкой, — адмирал как-то очень насмешливо фыркнул. — На почве восхищения совершенно не женскими игрушками.

— Надеюсь, ваша дочка не хватается за них голыми руками, — этот меч и впрямь просился в руки, манил, желание стиснуть пальцы на рукояти стало почти нестерпимым. Женья с трудом нашла в себе силы отшагнуть назад и сцепить руки в замок за спиной. — Ничего себе у вас тут агрессор.

— Этот? — адмирал подошел, пробормотал что-то — Жене показалось, что по-японски, и почему-то подумалось, что он назвал меч по имени. — У вас счастливый взгляд, барышня.

Пожалуй, это самый любопытный экземпляр в моей коллекции. К нему прилагается довольно кровавая легенда, которую, впрочем, я не осмелюсь рассказать девушке.

— Я в нее заранее верю, — Женю передернуло. — Он проклят, да?

— Сложно сказать, — серьезно ответил адмирал. — Во всяком случае, последнего своего владельца этот клинок не подвел ни разу. Но выковал его проклятый кузнец, это точно.

Тут принесли чай, и Женя даже с некоторым облегчением отошла от стены с оружием. Хотя повернуться к проклятому мечу спиной почему-то так и не решилась, села так, чтобы его видеть. Черная радуга притягивала взгляд, Женя смаргивала, утыкалась в чашку, жадно вдыхая аромат настоящего, крепко заваренного черного чая.

Адмирал фор Гронтеш пил его правильно — без сахара, не разбавляя кипятком, а наливая в чашку из заварочного чайничка. Впрочем, и сласти, и кипяток на столе были, и Женя поухаживала за тетушкой Гелли, сделав ей так, как та любила — некрепкого. Тетушка разболтала в чае кусок сахара и взяла из вазочки дольку засахаренного яблока. Сказала, словно извиняясь:

— Что ни говорите, а к этому варварскому способу пить чай в мои годы уже не привыкнуть. И все же тирисские нравятся мне больше.

— Вы ведь к ним привыкли, тетя, — Жени налила себе, отпила немного и невольно вздохнула, прикрыв глаза. Этот чай был куда лучше купленного ими в колониальной лавке. Вяжуще-терпкий, насыщенный, свежий. Женя даже подумала, что при таком чае сумела бы отказаться от кофе. Да и что там осталось того кофе, на доньшке... — Прекрасный чай. Честное слово, господин адмирал, только ради этого чая стоило напроситься к вам в гости.

Племянница графа фор Циррента была... странной. Иного слова фор Гронтеш подобрать не мог, хотя сказать это вслух счел бы не вполне приличным. Граф зачем-то решил посвятить адмирала в последние столичные сплетни, касающиеся фор Циррентов: что семья и не подозревала о существовании Джегейль, пока та практически в буквальном смысле не свалилась им на голову непонятно откуда. Что девушка — дочь пропавшего еще в юности Арбальда фор Циррента. Тридцать лет прошло, и вдруг такой сюрприз!

«Вы сами-то в это верите?» — прямо спросил адмирал. Глупо было бы объяснять начальнику Тайной Канцелярии, насколько велика возможность обмана и как выгодно многим — очень многим! — подобраться настолько близко к графу фор Цирренту. Сам наверняка понимает. Скорей всего, он и привел-то девушку ради того, чтобы фор Гронтеш помог ее разоблачить. В лучшем случае — мошенница, в худшем — шпионка или убийца.

Граф помедлил с ответом, как будто ожидая, что адмирал сам предложит помощь. Но тот не торопился. Дело щекотливое, пусть инициатива исходит от того, кто больше всех заинтересован в правде.

«Давайте сделаем так, — наконец сказал граф. — Во что я верю и что знаю точно, я расскажу вам позже, обещаю. А пока мне нужно мнение человека, знающего Огненные острова не по слухам».

Что ж, по крайней мере, чай Огненных островов эта девушка пила не первый раз в жизни.

«Граф, вы ведь понимаете, что ее знакомство с Огненными островами никак не докажет родство? Или вам не это нужно?»

«После, дорогой адмирал, все после».

Как раз в этот миг «племянница» ойкнула и прикипела взглядом к Черному Лотосу. Легендарный меч храмовых убийц еще ни одного мужчину не оставил равнодушным, на него засматривались даже те, кто в жизни не брал в руки ничего опаснее столового ножа. Но чтобы девушка!.. Да еще и определила с первого взгляда, что меч проклят! Или она маг, или попросту знает об этом клинке.

Разговор с графом пришлось прервать, но главное уже было сказано. И теперь адмирал Оннар фор Гронтеш неторопливо пил чай и, почти не скрываясь, разглядывал виконтессу Джегейль фор Циррент.

Во внешности девушки не было на первый взгляд ничего необычного, таких в Андаре десятков на дюжину. Каштановые волосы убраны в очень простую, скромную прическу — никаких кудряшек и локонов, только несколько драгоценных шпилек с голубоватыми прозрачными камнями. Очень открытое лицо, прямой взгляд, начисто лишенный кокетства, радостная и заразительная улыбка.

Если ее подослали какие-то таинственные враги — самого ли фор Циррента или королевства, — понятно, почему ставку сделали на родство, а не на постель. Джегейль не настолько юна, чтобы называть ее девочкой, но мелькает в ней нечто по-детски наивное, непосредственное, искреннее. Взгляд, выражение лица, то громкое «ой» перед Черным Лотосом. Откровенное удовольствие, с которым она пьет чай — не просто пьет, наслаждается каждым глотком.

Даже жаль, что с этой девушкой что-то нечисто. У адмирала фор Гронтеша она вызывала невольную и почти неконтролируемую симпатию.

— Дорогой адмирал, — прервал его раздумья фор Циррент, — нас всех крайне занимает один вопрос. Мог ли уроженец Андара, затерявшись на Огненных островах, выжить там достаточно долго?

Джегейль на вопрос и бровью не повела — странно, отметил фор Гронтеш, разве она не понимает, как опасен для нее ответ?

— Разве что чудом. Простите, милые дамы.

— Чудеса случаются, — девушка повела плечами и отпила еще чаю. — То есть, я хотела сказать, случаются в принципе. Иногда.

Почему-то от этой игры, полной недомолвок и подводных камней, адмиралу стало тошно и тоскливо.

— Вы знали своего отца? — прямо спросил он. — Или мать рассказывала вам о нем? К слову, кто ваша матушка?

Джегейль поставила чашку и повернулась к графу. Тот встретил ее взгляд молча, вопросительно приподняв брови. Очевидно, девушка приняла это как приглашение к рассказу: слегка пожав плечами, она сцепила пальцы в замок и ответила:

— Как раз о матери я почти ничего не знаю. Только то, что мой отец не брал ее силой, как это случается у захватчиков. Мне говорили, что она была очень красива, и что он влюбился...

Сочинять на ходу мелодраму с этнографическим уклоном оказалось довольно забавно. Женья даже сказала бы «весело», если бы не взгляд адмирала Гронтеша — пристальный, оценивающий и тяжелый. Обманывать его было неприятно. Нет, Женья понимала, что так надо. Во-первых, полезно проверить легенду на человеке, который действительно может разоблачить их выдумку насчет Огненных островов. Во-вторых, она ведь не совсем фиалка,

понимает, что работа на Тайную Канцелярию подразумевает хотя бы иногда такие вот обманы, и совсем нелишне испытать себя в безопасной обстановке. Учебная тревога, можно сказать. Или маневры? В общем, как ни назови, если она проколется на неумении врать и не краснеть, пусть уж лучше это произойдет не там, где обманщицу ждут о-очень крупные неприятности.

Японского колорита Женя сыпала в рассказ умеренно и очень осторожно — все-таки ее представления довольно поверхностны и относятся не только к другому миру, но и к другому времени. А чем меньше врешь, тем меньше вероятность проколоться. И названий избегала — а то вот так ляпнешь, хоть реальное Токио, хоть анимешную Каракуру, а окажется, что здесь оно есть, и адмирал лично там бывал и в портовых тавернах sake пил.

Адмирал сидел, слушал, кивал то ли сочувственно, то ли скептически — такой тип мужчин Женя никогда не умела читать по лицам. А потом вдруг спросил что-то — не по-русски. То есть, не по-андарски.

Женя запнулась от чистого, незамутненного шока. В первый момент ей показалось, что адмирал переключился на японский — из которого она знала десятка полтора-два разрозненных слов, спасибо фанатской привычке смотреть анимэ только с сабами, без русской озвучки. А потом по мозгам стукнуло странное — что это, конечно же, не японский, а его местный аналог, но почему-то она понимает.

«А знаете, Джегейль-сан, мой повар делает отличные суши с тунцом и лососем. Вы не скучаете по привычной пище?»

Отвечать было дико. Мозг словно вскипал и сворачивался, пытаюсь совместить сразу два незнакомых языка. А глаза, кажется, уже горели от откровенного «хочу!» — суши Женя не просто любила, а обожала! И, господи, ладно еще тунец с лососем, но откуда его повар берет здесь нори?! Представить купца, который в условном восемнадцатом или девятнадцатом веке — точнее Женя еще не разобралась — везет в Европу из Японии водоросли для суши, решительно не получалось. Бред же!

Наверное, от шока именно это Женя первым делом и лягнула:

— Но откуда вы берете здесь нори?! Я тоже хочу!

— Вы умеете делать суши? — кажется, впервые за весь вечер адмирал откровенно удивился.

— На самом деле не очень, — призналась Женя. — Они у меня кривые получаются, и рис не всегда правильно удастся. Меня и не учили толком, — мастер-классы в интернете, конечно, нельзя назвать нормальным обучением, так что она даже и не соврала! — Но я их очень люблю. И, вы угадали, в самом деле скучаю. С удовольствием оценю искусство вашего повара!

Слова на незнакомом языке лились легко, почти как на родном, хотя Женя сомневалась, что верно строит фразы. Но само по себе ощущение разговора «почти на японском» было настолько сюрреалистичным... тут уж не до построения фраз! Как у нее вообще это получилось?! От единственного пришедшего на ум объяснения: «Это магия, детка!» — тянуло захихикать.

— В таком случае, надеюсь, я вас порадуя. Прошу простить, дорогие гости, — адмирал снова перешел на андарский, — я пойду отдам распоряжения. Граф, виконтесса, вы рискнете продегустировать крайне экзотическое блюдо?

Граф задумчиво посмотрел на Женю.

— Пожалуй, рискну. Моя дорогая племянница выглядит слишком, хм, предвкушающей.

Мне, признаться, любопытно.

— У деточки очень странные вкусы, — с явственным сомнением произнесла тетушка Гелли.

Женя решила, что предупредить этих завзятых европейцев будет, по крайней мере, человеколюбиво. А то еще станет плохо с непривычки...

— Дядя, тетушка, — негромко сказала она, — там будут сырая рыба и водоросли.

— Водоро... — граф закашлялся. — О святое древо, нет! Джегейль, ты уверена, что это вообще съедобно?!

Женя тихо рассмеялась:

— Вы же не думаете, что господин адмирал хочет нас отравить?

— Мне лучше еще чаю, — невозмутимо заявила тетушка Гелли.

В этот вечер граф фор Циррент откровенно любовался своей «племянницей». Барышня Женя и в самом деле была находкой для Тайной Канцелярии: она не терялась от внезапных замечаний, не смущалась и не нервничала, когда ее вполне откровенно пытались поймать на вранье, и прекрасно выкрутилась на довольно скользком вопросе о родителях — заранее они эту историю не придумали, потому что никто из них не знал достоверно обычаев Огненных островов. По правде говоря, граф очень рассчитывал, что с этой частью биографии Джегейль фор Циррент им в итоге поможет адмирал; но для начала было очень интересно взглянуть, как долго барышня продержится против человека, заранее настроенного ее уличить.

Однако чем дальше, тем больше скепсис адмирала сменялся откровенным непониманием. Похоже было, что картина для него в какой-то момент перестала складываться — если сравнить с работой самого графа, так бывает, когда одинаково доказательны несколько взаимоисключающих версий. Старший фор Гронтеш явно не знал, что и думать.

В какой-то момент то же чувство посетило и графа фор Циррента: когда адмирал наконец-то решил выяснить правду одним ударом и заговорил с Джегейль на языке Огненных островов. Графа весьма интересовало, сможет ли «племянница» выкрутиться, или на этом ее способность врать иссякнет и придется раскрывать карты. Однако Женя вдруг замерла, широко распахнув глаза, потом моргнула — и ответила. Тут, правда, граф вспомнил самое начало их знакомства, когда барышне стало нехорошо от переводческого заклинания. Учитывая, что в тот момент — сразу после Чародейного сада — она была по уши залита дармовой магией, неудивительно, что заклинание прицепилось качественно и надолго. Оттого и острая реакция в тот день: когда высшее ментальное заклинание встраивается в мозг, а не ложится поверху, не всякий выдержит.

А ведь повезло! Надо бы включить барышне в активную память и тириский, пока магия еще с ней. Впрочем, теперь с этим придется подождать какое-то время, даже при обычном действии этого заклинания его не применяют часто: слишком сильная нагрузка на мозг...

Что спросил у Джегейль адмирал, граф, конечно же, не понял, но реакция барышни его заинтриговала. От чего у спокойной и крайне рассудительной девушки могут так загореться глаза? В похожем оживлении граф ее видел в колониальной лавке. Но не мог же фор Гронтеш предложить девушке тот самый меч?

К счастью, его недоумение разрешилось почти сразу: оказывается, речь шла о каком-то экзотическом блюде. Что ж, туземная кухня и впрямь бывает очень странной, и со стороны адмирала вполне разумно проверить свои сомнения таким простым, в сущности, путем. Вот

только девушка явно знала, чем ее собираются угостить. И, суда по ее откровенной радости, это «что-то» было очень вкусным.

Граф совсем уж было настроился приобщиться к кухне Огненных островов, когда барышня предупредила их с Гелли о том, чем планирует угощаться.

Водоросли и сырая рыба!

Да что они там, в ее полном технических чудес мире, совсем уж беспросветно голодают?! Даже в самый лютый голод в самых бедных рыбацких деревушках не опускаются до того, чтобы питаться водорослями! И что мешает ту же рыбу сварить, зажарить, запечь?! То, что простительно дикарям, не пристало людям цивилизованным!

Пока граф пытался совместить подобное дикарство с тем впечатлением, которое у него уже сложилось о Жене и ее мире, адмирал успел отдать распоряжения, и вскоре повар-туземец принес... назвать это «едой» у графа не то что язык не поворачивался, а даже в мыслях не получалось. Да и подавали это не на подносах, как пристало еде, не в супницах или на блюдах, а в лакированных деревянных коробках. Что-то беспрестанно чирикавая на своем языке и кланяясь, туземец снял с них крышки и достал деревянные крошечные подносики со странными бурыми и розовыми кусочками. И вот это предполагается есть?!

Следом за подносиками на столе появились крохотные плоски, в которые туземец налил темную жидкость с острым и довольно гадким запахом, и глиняная бутылочка.

— Ой, пить я не буду, я чаем запью, — быстро сказала Джегейль. Взяла с края подносика две крохотных... указки? палочки? похоже, у этих дикарей все же имеются какие-то аналоги столовых приборов? Выдохнула, улыбнувшись, что-то на том же чирикающем языке, и адмирал, кивнув, повторил.

После чего эти два извращенца, народный герой Андара и его, графа фор Циррента, названная племянница, принялись чуть ли не наперегонки подцеплять указками-палочками неаппетитные комочки, макать в дурно пахнущую жидкость и отправлять в рот.

Граф зажмурился, сглотнул и спросил:

— Может, все-таки вина?

— А дядюшка-то у меня впечатлительный, — задумчиво проговорила Джегейль, и впервые графу захотелось назвать ее не барышней, а паршивкой. — Может, не нужно было предупреждать?

— Уж поверьте, — графа передернуло, — есть вот это я не стал бы в любом случае!

Паршивка переглянулась с адмиралом, хихикнула и сказала:

— Нам больше достанется. Господи, какое счастье!

ГЛАВА 3, в которой адмирала фор Гронтеша посвящают в правду, просят его вспомнить о своих врагах и предлагают внимательно посмотреть по сторонам

Повар у адмирала был отменный. Кое-что, правда, Женю в нем смутило, но подозрения могли подождать, а суши — нет. Адмирал ведь не боится, что его отравят. Значит, доверяет. А он не похож на человека, который станет доверять непонятно кому без веских причин.

Но все же ужасно любопытно, как адмирал обзавелся таким поваром, такой катаной, и научился с таким аппетитом есть суши! Времени на Огненных островах он явно зря не терял.

Женя надеялась, что граф объяснит адмиралу причины их невинного обмана, и тот не обидится. Честно говоря, она бы не отказалась бывать здесь в гостях почаще. Нет, в доме фор Циррентов тоже отлично кормили, да и вообще еда в этом мире получше, чем дома — все свежее, никаких полуфабрикатов, и рецепты очень даже интересные. Но суши! Привет из дома...

Женя тайком вздохнула, когда поданная порция закончилась, и налила себе еще чаю.

За столом установилась немного неловкая тишина — так бывает, когда вроде и пора бы расходиться, но жаль. Или когда предстоит не слишком приятный разговор и очень не хочется портить собеседникам настроение.

Нарушил молчание граф. Хмыкнув каким-то своим мыслям — Женя уже знала это его выражение, когда лицо делалось сначала отрешенным, а после в один миг — жестким, он спросил:

— В вашем доме, адмирал, можно не опасаться чужих ушей? Разговор пойдет крайне серьезный.

— На кабинете есть защита, — ничуть не удивившись вопросу, ответил Гронтеш. — Если желаете, можем пройти туда.

— Вместе с дамами, — словно извиняясь, добавил граф. — Они в курсе дела, к тому же разговор прямо касается судьбы Джегейль.

Надо будет спросить, подумала Женя, адмирал такой шовинист или здесь просто не принято приглашать дам в рабочие кабинеты мужчин? Ну, так же, например, как мужчин — в дамские будуары? Неприлично или даже предосудительно...

А что граф ее в свой кабинет постоянно водит, так у него работа такая. «Профдеформация», — хихикнула про себя Женя: мысль о том, что можно говорить о чем-то серьезном в гостиной, графу наверняка и в голову не придет! Даже в гостиной его собственного дома, где никто не станет подслушивать.

Однако если адмирал и был недоволен, он никак этого не показал. Провел гостей в кабинет, галантно придержал дверь перед дамами и предложил им располагаться на свое усмотрение.

Тетушка сразу же уселась на диванчик у окна, а Женя, не удержавшись, подошла к огромному глобусу, стоявшему на отдельном столике между окном и письменным столом. Глобус — это оказалось гораздо наглядней того атласа, который показывал ей граф, пусть и

не так детально. Не обозначены страны и города, зато можно рассмотреть очертания материков. Знакомые, но все же немного другие.

По странной иронии судьбы, сейчас на Женю смотрела как раз та часть Евразии, на которой глаза невольно искали родной город. Здесь были Черное море и Азовское, Крым и цепочка Кавказских гор, а вот Каспийского моря не было. Интересно, его в самом деле нет, или это «белое пятно» на карте мира?

Женя крутанула глобус. Тот вращался медленно, неторопливо и как будто даже степенно, если можно применить это слово к неживому предмету. С чувством собственного достоинства. Почему-то Жене он казался именно таким — почти живым и уж точно одушевленным. Знающим себе цену.

Вместо Австралии и Антарктиды на глобусе голубел океан с корабликами, китами и морскими чудовищами. А вот Америки оказались неплохо разведаны — на месте были и Великие Озера, и Анды с Кордильерами, и даже Амазонка. «И почему тогда нет картошки, помидорчиков, кукурузы?» — Женя попыталась вспомнить, какие еще любимые продукты родом из Америки. Семечки? Зато здесь не курят, а это уже плюс!

Адмирал подошел, остановился рядом. Спросил:

— Разбираетесь в картах, барышня?

— Не так уж, — Женя рассеянно пожала плечами. — Как все.

И тут же поняла: а вот теперь — прокололась! Не могут в этом мире «все» разбираться в очертаниях материков даже на среднем школьном уровне родного мира.

Адмирал положил ладонь на глобус, останавливая неспешное вращение — как раз на Японию. То есть, на Огненные острова, поправила себя Женя.

— Можете показать, где вы жили?

— Нет.

— Жаль. Мне, признаться, очень это интересно.

— А что вы сами сказали бы, дорогой адмирал? — спросил граф. «Давай уже, дядюшка, колись», — мысленно подстегнула Женя.

Между тем адмирал задумчиво обвел пальцами контуры Кюсю, Хонсю, Хоккайдо, Сахалина. С юга на север — наверное, как плавал... то есть, черт, моряки же не «плавают»...

— Это, получается, вы и до материка доходили? — пробормотала Женя. В этом мире даже если и есть Россия, до Владивостока она еще наверняка не доросла, и все же стало... приятно, что ли? Наверное, похожие чувства испытываешь, встретив в чужой стране земляка. Адмирал Гронтеш ей, конечно, ой как не земляк, ну так ведь и не страна чужая, а целый мир.

Гронтеш хмыкнул, бросив на Женю быстрый, почему-то слегка виноватый взгляд.

— Не знаю, граф, племянница она вам или нет, но если племянница, даже предположить боюсь, куда занесло вашего кузена. Я бы сказал, что вы, барышня, жили какое-то время на Огненных островах, скорей всего, у побережья где-нибудь к северу, но язык вам не родной. Да и внешность, сами понимаете.

— Внешность и язык объяснить легче, чем неумение есть, э-э... вот то, что вы ели. Дорогая племянница, я тебе аплодирую, — граф приподнялся с кресла и изобразил поклон.

— И совершенно не за что здесь аплодировать, — вздохнула Женя. — У нас это очень популярно, и я правда их люблю. Лучше расскажите адмиралу сами, в чем дело.

Что с Джегейль не так все просто — и даже не так сложно, как можно было бы подумать, а еще сложнее — адмирал фор Гронтеш понимал и без объяснений. Понял уже и

то, что граф фор Циррент «племяннице» верит и знает о ней и ее прошлом если не все, то, по крайней мере, главное. А поняв это, нетрудно было догадаться и о том, к чему затеян весь спектакль. Начальнику Тайной Канцелярии зачем-то потребовалась девушка, которую можно связать с Огненными островами.

Но зачем? Присутствие там Андара вот уж полтора десятка лет пусть и не чисто номинальное, но и не агрессивное, как прежде. Торговля идет ни шатко, ни валко, чужеземцев терпят в портовых городах, пускают в прибрежные деревушки, но не дальше. Хотя для самого фор Гронтеша это не стало таким уж неодолимым препятствием...

И все же — у Андара хватает проблем и поближе Огненных островов. Да хоть в собственной же столице!

На этой мысли адмирала и настигло озарение: разумеется, девушка нужна фор Цирренту здесь, а не там! А экзотичная биография — лишь способ привлечь внимание, сделать ее интересной для общества и замести реальные следы. У истории Джегейль есть два очевидных преимущества, если рассмотреть ее с этой точки зрения — о ней станут говорить, но проверить ее невозможно.

Последний обмен репликами между графом и Джегейль подтверждал эти выводы полностью. А вопрос графа давал понять, зачем понадобилось морочить голову ему, фор Гронтешу. Кто в Андаре знает об Огненных островах больше?

— Итак, господин начальник Тайной Канцелярии, вы решили проверить на мне, легко ли будет разоблачить вашу племянницу?

— Вам — легко, в этом мы не сомневались, — пробормотала девушка.

— И это тоже, — кивнул граф. — Но, видите ли, дорогой адмирал, не так все просто. Мы надеялись на вашу помощь. Возможно, на несколько подсказок. И, безусловно, на лояльность. Видите ли, столь экзотичная история, как бы сказать...

— Государственная необходимость, — вежливо подсказал адмирал. — Я понимаю.

— Нет, — возразил вдруг граф, одним словом напрочь ломая все логические построения и вполне очевидные расклады. — Его величество в курсе дела, принц Ларк — тоже, но необходимость скрыть истинное происхождение барышни не имеет ничего общего с делами государства или Тайной Канцелярии. Это всего лишь вопрос жизни или смерти самой Джегейль.

— А вы ведь почти угадали, господин адмирал, — девушка крутанула глобус. — Моя родина намного дальше ваших Огненных островов. — Она обернулась, взглянула в упор и сказала с ударившим в самое сердце внезапным отчаянием: — Там даже глобус другой.

Почему именно от вида здешнего глобуса Женю так накрыло, она и сама не понимала. Вроде привыкла уже к мысли, что останется здесь навсегда. Вроде даже начала находить в этом какие-то плюсы. А вот поди ж ты... ну казалось бы, по сравнению с магией, королевским дворцом, новой семьей, отсутствием кофе и, простите, прокладок — чем могут задеть иные очертания материков?!

Хорошо, что сейчас ее историю рассказывал граф, а то, наверное, расплакалась бы. Слушать оказалось легче, чем говорить. Может, еще и потому, что «дядюшка» где-то недоговаривал, а где-то перескакивал на местные дела, которые адмирал знал лучше Жени — и приходилось слушать внимательно, запоминать, сопоставлять. Тут уж не до слез!

Дослушав, адмирал помолчал, покачал головой:

— Знаете, граф, наверное, в этом есть что-то абсурдное, но я верю в вашу невероятную

историю лишь потому, что она слишком невероятна. Нет причин выдумывать столь запутанные небылицы.

— Полноте, дорогой адмирал, у меня и фантазии не хватило бы, — усмехнулся граф. — Итак, вы восьмой человек в королевстве, посвященный в тайну Джегейль. Полагаю, нет нужды говорить, что мы рассчитываем на ваше молчание.

— Вы говорили о подсказках, — вспомнил адмирал.

— Да, именно. Ваше знание Огненных островов восполнит пробелы в биографии Джегейль. Имена, названия, история матери.

— Я могу все это придумать, исходя из своего мира, для столичных дам сгодится, но кто-нибудь вроде вас сразу раскроет обман, — пояснила Женя.

— Да нет никого «вроде меня», — адмирал пренебрежительно хмыкнул. — Может, найдется пара-тройка авантюристов, но вам, барышня, в любом случае лучше с ними не встречаться. А матросы, солдаты, даже офицеры с наших кораблей не знают ничего дальше побережья.

— Но если я возьму, например, свое реальное имя, это будет звучать не... — «не японски», чуть не сказала Женя. — Неправдоподобно. То есть, понимаете, даже не зная языка, человек со слухом может определить, тот ли это язык. Звучит банально по-разному.

— А если я назову вам несколько настоящих имен, вы их не запомните, — адмирал возразил с усмешкой, и Женя мысленно согласилась: действительно, чем экзотичней имя, тем трудней его запомнить и произнести без запинки. Впрочем, одна идея у нее была...

— Японские мультики нам помогут, — решительно сказала Женя. — Уж оттуда я имен помню... Мно-ого! А главное, не запутаюсь. Как вам, например, Арисава Тацки?

— Главное, дорогой адмирал, не спрашивайте у нее, что такое «мультики», — пробормотал граф.

Адмирал рассмеялся, и Женя невольно засмеялась с ним вместе.

— Пойдет, — сказал он. — Звучит несколько по-северному, но приемлемо. Мы придумаем вам замечательную подробную биографию, милая Джегейль — вы разрешите так вас называть?

Женя кивнула. Адмирал сел за стол, достал лист бумаги и придвинул к себе чернильницу.

— Значит, что нам понадобится. Деревня, городок рядом. Мать, ее родители. Господин вашей деревни. Кстати, вы прекрасно воспитаны, я бы предложил сделать вас приемной дочерью господина. Следовательно, прибавятся его домочадцы, хотя бы несколько имен. Для пущего правдоподобия неплохо бы добавить местный храм и какую-нибудь банду поблизости. Хватит у вас имен?

— Вы даже не представляете, на сколько таких наборов мне их хватит, — Женя предвкушающе зажмурилась. Такой «привет из дома», по крайней мере, заставит ее и улыбаться, а не только ностальгировать. То, что доктор прописал! — Главное — выбрать, кого куда. Ой, а давайте еще брата мне придумаем? Знаете, когда я была девчонкой, ужасно хотела такого старшего брата, как Ичиго!

— Сводного — почему бы и нет, — кивнул адмирал, вписывая еще одну строчку.

Следующие полчаса Женю несло. Она смеялась, предлагая имена, рассказывала о характерах, вспоминала любимые моменты и чувствовала себя радостной школьницей-фанаткой. Адмирал записывал, хотя она уверяла, что и так не забудет, а когда поднимал взгляд от стремительно заполнявшегося именами листа, смотрел на Женю изучающе-

задумчиво. Но теперь его взгляд не казался тяжелым.

К концу вечера они совместными усилиями придумали Жене биографию такую подробную, что хоть кино снимай — и успех этому мыльному сериалу точно был бы обеспечен! По крайней мере, среди дам вроде давешних приятельниц тетушки Гелли, хотя адмирал уверял, что даже королевские офицеры, бывавшие на Огненных островах не раз, скушают эту историю и не подавятся.

К концу вечера граф фор Циррент поймал себя на некоторой ревности к фор Гронтешу — они с Джегейль прекрасно нашли общий язык, и Гелли глядела на них со странной, слегка печальной задумчивостью. Однако нельзя было не признать, что адмирал помог им куда больше, чем граф рассчитывал.

Когда пришло время прощаться, весь вечер молчавшая Гелли вдруг сказала:

— Вы, дорогой фор Гронтеш, заезжайте к нам по-простому, по-дружески. Думается мне, вам в столице будет скучно.

подавив изумление — на его памяти Гелли никого еще вот так не приглашала, — граф добавил:

— Скука скукой, но не забывайте, адмирал, что у вас есть враги. Я бы советовал вам внимательно смотреть и слушать. А то, знаете ли, сначала стреляют в вашего сына, потом пишут доносы на вас, как знать, чего ожидать дальше.

— Доносы? — переспросил адмирал. Ни удивленным, ни оскорбленным он не казался, и граф счел это хорошим признаком: похоже, одной ошибки хватило старшему фор Гронтешу для того, чтобы начать смотреть на столичное общество трезво.

— Анонимно, — уточнил граф, — и это меня тревожит куда больше, чем содержимое одного доноса. Будьте очень осторожны, дорогой адмирал. Здесь не море, шторма и шквалы в обществе куда коварней.

— Благодарю, — коротко кивнул фор Гронтеш. И добавил, мгновение поколебавшись: — Я и в самом деле рад буду нанести вам ответный визит. Прошу только сообщить удобное для вас время.

— Обязательно.

— Да в любой из ближайших вечеров, — снова встряла Гелли, и графу оставалось лишь подтвердить приглашение кузины. Нравится ему это или нет, Гелли в таких вопросах не ошибается.

Домой ехали молча: графу было о чем подумать, а обе его дамы прекрасно видели, когда его лучше не трогать. Однако дома Женя сказала тихонько:

— Нам есть что обсудить, э-э... дядюшка?

— «Дядюшка», — кивнул граф, — привыкай, дорогая племянница. И откуда вдруг неуверенность, у фор Гронтеша ты отлично держала нужный тон. В кабинет?

— Да.

Вот как... Значит, разговор у барышни серьезный. Что-то заметила, кроме того меча?

Об этом он и спросил, едва закрыв дверь кабинета. Почему-то не терпелось знать точно — хотя ясно, почему, обидно будет обмануться в своей симпатии к адмиралу. Старший фор Гронтеш был из тех очень немногих людей, которые для графа фор Циррента олицетворяли величие, силу и честь Андара, как бы пафосно это ни звучало.

— Меч жуткий, — барышню аж передернуло, — на нем такая черная аура, вы бы видели. Мрак как он есть. Если вдруг что — ну, мало ли, всякое в жизни случается, — в руки

его не берите. Честное слово, лучше табуреткой от врагов отмахиваться, чем той катаной. Кстати, в кабинете у адмирала есть еще пара штучек с магией, но вроде несильной. Послабей, чем защитка во дворце или ваша палочка с переводчиком. Я так понимаю, в принципе у вас здесь это в порядке вещей? То есть, теоретически, у каждого может зачарованный амулетик завалиться?

— Теоретически да, — согласился фор Циррент, — само наличие зачарованной вещи — не повод для интереса полиции и тем более Тайной Канцелярии. Но все же опишите мне их, на всякий случай.

Бдительная барышня кивнула, сосредоточилась — графу очень нравилось, каким делалось ее лицо в такие минуты, но все же, подумал он, нужно поучить «племянницу» сохранять более невинное выражение... По ее описанию выходило, что амулеты у адмирала не какие-нибудь привезенные, а вполне андарские, из тех, что каждый моряк с собой носит: моряки народ суеверный. Так граф и объяснил, и Джегейль кивнула, будто того и ждала. А потом сказала:

— Я вообще так и подумала, но мало ли, обещала ж глянуть. А вопрос у меня другой. Наверное, это не у вас бы спрашивать, а у адмирала, но, в любом случае, лучше не у него в доме. Хорошо, что тетушка его к нам пригласила. У вас здесь, то есть не у вас, конечно, а на Огненных островах, есть якудза?

Граф напрягся: что-то в голосе Джегейль обещало очень большие проблемы.

— Я даже не могу определить, сбоят сейчас переводчик или нет. Давайте-ка подробнее. Что это такое, как связано с нашим визитом к адмиралу и почему об этом лучше спрашивать не у него в доме?

— Якудза, — повторила барышня. — В нашем мире на наших Огненных островах это группы организованной преступности, очень сильные, с очень жесткой иерархией, дисциплиной, не банды вроде той, которую мы с адмиралом придумали, а намного серьезней. На самом деле как раз о них я почти ничего не знаю, только слово. И то, что члены якудза носят татуировку. Но ведь здесь это может ни о чем не говорить, правда? Или обозначать совсем другое?

— Татуировка, — медленно повторил граф. — Повар-туземец адмирала?

— Ну, я думаю, адмирал должен ему доверять, раз не боится, что отравит. И еще, если эти нюансы у нас совпадают, он адмирала называл не «господин», а «капитан».

А вот это уже было интересно. Крайне интересно. Хотя даже сам граф легко мог придумать с десяток вполне невинных объяснений, сбрасывать со счетов единственное не-невинное, пусть даже маловероятное, он попросту не имел права.

— Вот что мы сделаем, Джегейль. Не в том беда, что я не хочу оскорблять адмирала недоверием — он поймет, работа у меня такая, но если вдруг дело и впрямь нечисто, мои расспросы его насторожат. А ваш интерес к адмиральскому повару после сегодняшней дегустации, — граф невольно сглотнул, — будет понятен.

— Хорошо, спрошу. Про якудзу тоже? Или просто, как ему удалось разжиться таким поваром?

— Просто, — повторил прилипчивое словечко граф. — Никаких намеков на преступность. А вот почему туземец оставил свои острова и отправился в Андар — это крайне любопытно. Как и причины доверия адмирала.

Джегейль кивнула. Задумалась ненадолго, вздохнула:

— Гронтеш классный, мне понравился. Жаль, если там что-то не так окажется.

— Если понравился, тем больше причин убрать любой повод для сомнений.

— Понимаю...

Почему-то захотелось ее ободрить, и граф сказал:

— Знаете, дорогая племянница, будь вы знакомы с младшим фор Гронтешем, ваше «что-то не так» скорей всего вылилось бы в миссию по спасению этого бестолкового раздолбая. Старший, конечно, успел поумнеть и набраться опыта, но, я полагаю, в его случае тоже скорее возникнет необходимость спасать, чем арестовывать.

Странная мысль для поддержки и ободрения, но граф угадал: Джегейль и впрямь улыбнулась:

— Уж лучше спасать, правда?

ГЛАВА 4, в которой в Офицерском Собрании пьют и сплетничают, а принц Ларк, сам того не желая, подставляет Джегейль фор Циррент под пари

Что бы ни думали граф фор Циррент и в особенности виконт Фенно-Дераль, принц Ларк вовсе не был легкомысленным шалопаем. Он в полной мере осознавал свою ответственность перед троном и государством, внимательно слушал наставления деда и по мере сил вникал в экономические, политические и прочие проблемы, с которыми приходится иметь дело королю.

Однако здоровье у деда, несмотря на преклонные годы, было крепкое, и Ларк от души надеялся, что надеть корону придется не скоро. А пока он всего лишь один из наследников, иногда можно и расслабиться.

И вот здесь-то крылось коварное противоречие, которое Ларк понимал умом, но никак не мог воплотить понимание в жизнь. Если кому и можно расслабляться в столице, а тем паче в королевском дворце, то уж никак не наследнику престола. Между тем отдыхал душой принц Ларк в компании людей сугубо военных, испытанных в боях офицеров, и поневоле разделял их отношение к пребыванию «на зимних квартирах» — враг далеко, можно гулять.

Гуляли господа офицеры шумно. И правда, когда еще вознаградить себя за фронтовую дисциплину и воздержание? Вино в Офицерском Собрании лилось рекой, барышни и дамы всех сословий и моральных качеств купались во внимании бравых вояк, а заключавшиеся что ни день пари были одно причудливей другого. Ларк, правда, выбирался в теплый офицерский круг нечасто, но уж выбравшись, позволял себе ненадолго отбросить тщательно лелеемое дедом благоразумие.

Сейчас принц появился в Офицерском Собрании впервые со дня ранения Реннара — тот, наконец, пошел на поправку, и доктора разрешили перевезти его домой. Бедняга Рени угрюмо вздыхал, предвидя отцовские выволочки, но не спорил. Ларк проводил его, почтительно раскланялся с адмиралом, поблагодарил того за сына. Старший фор Гронтеш усмехнулся понимающе:

— Приятно видеть, что твоего лоботряса защищают даже от тебя самого. Благодарю, ваше высочество.

Откланяться сразу было бы невежливо, однако адмиралу наверняка хотелось скорее заняться сыном, и Ларк решил на некоторое нарушение этикета:

— Я буду заглядывать, если вы не против, господин фор Гронтеш. И, прошу вас, в случае проблем обращайтесь ко мне в любое время. Не смею более отнимать ваше внимание, Реннару оно сейчас нужнее.

Короткий разговор вымотал принца не меньше дедовых уроков. Наверное, всему виной давнее, еще детское восхищение первым адмиралом Андара, и глупая, иррациональная обида, когда выяснилось, что тот влез в грязные интриги, и боль за друга, запятнанного поступком отца... много всего, спутанный, болезненный клубок эмоций, не всегда понятных самому принцу. И все же он был рад, что дед решил вернуть адмирала фор Гронтеша в столицу и, возможно, станет доверять ему по-прежнему. Рад за друга, за страну, за самого адмирала — своего детского кумира...

Но все же, этот раздрай следовало запить, и принц отправился в Офицерское Собрание.

Встретили его с восторгом. Тут же освободили почетное кресло во главе стола, налили вина в чистый бокал, подвинули ближе остатки сыра и паштета — впрочем, красавица Мирабель уже несла свежие закуски, всю улыбаясь редкому, но любимому гостю. Ларк и сам соскучился по царившей здесь бесшабашной атмосфере, по дружеским подначкам, отсутствию продиктованной церемониалом почтительности, возможности чувствовать себя не будущим королем, а всего лишь офицером, одним из многих, своим среди своих.

Первым делом у принца поинтересовались здоровьем Реннара, затем разговор естественным образом перекинулся на старшего фор Гронтеша. Здесь собрались люди военные, склонные не одобрять политических «вывертов» и былую ошибку адмирала считать именно ошибкой, а не предательством. Пожалуй, лучше всех общее мнение выразил капитан ди Ланцэ:

— Огненный Гронтеш слишком прям для интриг, ему стоило бы оставаться в море, а не ввязываться в столичную грызню.

— Теперь станет умнее, — хмыкнул кто-то позади. Хор подтверждающих голосов ясно показал, что присутствующие здесь офицеры считают опалу адмирала если и не заслуженной, то закономерной. А еще — что слишком многие здесь думают: «Уж я бы не попался на лживые речи, как он».

Ларк молча покачал головой: Рени уже затеял бы с десяток дуэлей, так что, пожалуй, его сегодняшнее отсутствие к лучшему. Вполне естественно ждать, что возвращенный из домашней ссылки адмирал станет темой для не слишком приятных разговоров. Беда только в том, что нелестные высказывания вполне могут оказаться правдой. Старшему фор Гронтешу и впрямь нужно стать умнее относительно политических дел, а того лучше — вернуться в море, уж там он точно на своем месте.

— Но я рад, что он вернулся, — пробормотал принц. Налил себе еще вина и решил перевести разговор на другие темы. — А знаете ли, господа, есть немалая вероятность, что таланты адмирала фор Гронтеша понадобятся нам очень скоро. Одар объявил амнистию пиратам, которые решатся пойти на военную службу, причем приветствуются не отдельные перебежчики, а полностью укомплектованные корабли. Чуете, чем пахнет?

Ди Ланцэ кивнул первым:

— Как бы не пришлось выдвигаться к южным границам уже зимой. Иначе весенняя распутица может задержать нас здесь, и одарские стрелки первыми займут перевалы.

Рассуждения тут же подхватил еще один ветеран прошлой южной кампании, граф фор Виттенц:

— Стрелков перекинуть зимой, чтобы полк был наготове, едва сойдет снег в горах. И эскадру на море немедленно, его высочество прав, Огненный Гронтеш там будет к месту. До сих пор пираты больше мешали одарской торговле, чем нашей, но теперь...

— Именно, — кивнул принц. — Приятно иметь дело с ветеранами, господа. Вам ничего не нужно объяснять, а нашему верховному штабу я вчера два часа втолковывал очевидные истины. Они так привыкли, что король всецело полагается на их мнение, что начали считать себя непогрешимыми.

Что поделать, его величество Дионн-Горрент был гением экономических, а не военных стратегий. Конечно, в последние несколько лет победы принца Ларка несколько поколебали авторитет ослов из штаба, теперь король начал куда больше полагаться на мнение своего весьма одаренного в военном деле внука. Но, говоря откровенно, Ларк предпочел бы вовсе

разогнать прижившийся при деде штаб и набрать свой — а дед не желал обижать преданных ему людей, всю жизнь верно служивших и до Ларка худо-бедно все же защищавших Андар.

Перебив косточки штабным осликам, обсудив перспективы зимнего марша и весенней кампании в горах, порадовавшись, что за войну на море можно быть теперь спокойными, вернулись к столичным темам, и тут грянула катастрофа: кто-то вспомнил, что принца Ларка видели водившим по дворцу никому не известную барышню. И ладно бы только водившим, но еще и делавшим ей весьма откровенные авансы...

— Кто она?

— Барышня, я слышал, не настолько юна, чтобы не понимать нескромных намеков. Тебя поздравить с очередной победой, Ларк?

— Какая-нибудь вдовушка из провинции, разумно решившая, что незачем киснуть всю зиму в замеченном снегами поместье, когда можно повеселиться в столице?

— Моей кухне рассказывала ее подруга, что...

Ларк едва не утонул в поднявшемся гаме, и, уж конечно, ему было не до того, чтобы хоть как-то отвечать на вопросы, подтверждать или опровергать. Зайди речь о другой даме — о любой из тех, что одаривали благосклонностью его любовные маневры, а то и сами норовили шмыгнуть в постель... О, тогда он рассмеялся бы со всеми, выдал бы убойную характеристику прелестей очередной пассии, посетовал на скуку и в очередной раз пообещал, что никогда не женится, потому что подпускать слишком близко подобных дур, да еще и не имеющих понятия о женской чести — помилуйте, господа! Но уж кто-кто, а барышня Женя подобных разговоров не заслуживала. Она была... другая.

Бокал вина помог протянуть время до того момента, когда почти все присутствующие затихли и выжидающе уставились на Ларка. Наполнив бокал вновь, он отсалютовал шутливо и сказал:

— Господа, в нашем королевстве есть люди, шутить с которыми я никогда бы не осмелился. Боюсь, господин начальник Тайной Канцелярии счел бы весьма дурной шуткой, вздумай я ухлестывать за его племянницей. К тому же виконтесса Джегейль фор Циррент, насколько я успел ее узнать, не из тех, кто слишком легко дарит свою благосклонность. Так что, клянусь вам, мои «авансы» очень сильно преувеличены молвой.

Как выяснилось, слухи о чудесно найденной племяннице фор Циррентов дошли и до Офицерского Собрания, вот только с таинственной спутницей принца ее здесь связать не догадались. Ларк слушал вновь поднявшийся гвалт и с неожиданным для него самым стыдом думал, что впервые ему неприятен тот легкий тон, которым здесь обсуждают женщин. Спор завертелся вокруг нескольких «животрепещущих» тем: девица виконтесса или вдова, набивает себе цену или и впрямь строга в поведении, какие мужчины могут ей нравиться и кто осмелился бы породниться с ее дядюшкой. В Ларке все больше бурлило раздражение, и когда фор Виттенц спросил, как можно считать барышню недотрогой, не приложив достаточных усилий для ее покорения, принц, наконец, вспылал.

— Вы отличный офицер, граф, и совершаете ошибку, свойственную исключительно военным: сравниваете сердце девушки с вражеским фортом. «Покорить», «взять контрибуцию», «она выбросила белый флаг» — готов поспорить, что барышня фор Циррент за подобные термины в отношении своего сердца размажет вас без малейшей жалости.

— Да ладно вам, ваше высочество, — добродушно отозвался фор Виттенц, — все женщины одинаковы. Если барышня держала себя недоступно с вами, это может свидетельствовать о ее трезвом разуме или некоторой холодности темперамента, а может, ей

дядюшка так велел. Но, в любом случае, вы-то не вели планомерную осаду этого форта? Так что ваши утверждения, мой принц, имеют под собой весьма зыбкую почву.

— Вы хотите сказать, граф, что я совсем не разбираюсь в девушках, — Ларк слегка поклонился, и остальные грянули дружным хохотом.

— Помилуйте! Я хотел сказать, что вы совсем не разобрались в данной конкретной девушке. Вы утверждаете, что барышня фор Циррент безжалостно меня размажет? Хорошо. Я утверждаю, что если не пламенный штурм, то планомерная осада захватят ее сердце. Пари, господа? Не позднее нашей отправки к одарским границам барышня падет в мои объятия.

— Рискуете, граф, столь неопределенные сроки...

— Да нет же, господа, тут риск обоюдный, кампания может начаться уже через месяц, а может, и вовсе ближе к лету.

— Однако, дорогой граф, что вы будете делать, если сведения об этом пари дойдут до фор Циррента?

— Полноте, дядюшка нашей прелестницы не вчера родился и сам в юности был тем еще юбочником. А то он не понимает, что его племянница вызовет интерес!

— И то верно...

— Будьте осторожны, Никодес, иначе оглянуться не успеете, как проснетесь зятем фор Циррента!

— А я поставлю на мнение его высочества, я верю его оценкам.

Как это и бывает в подвыпивших компаниях давних приятелей, пари вспыхнуло и разрослось, словно само собой. Ларк еще и рта не успел раскрыть, и даже с мыслями справиться не успел, а его участие уже подразумевалось как дело решенное, и вокруг бились об заклад и записывали ставки на его или фор Виттенца победу. Отыгрывать назад было поздно.

Никодес фор Виттенц вовсе не считал себя сердцеедом и знатоком прекрасных дам, однако у него не было причин сомневаться в собственной неотразимости. Вести планомерную осаду ему не приходилось ни разу — женщины сами вешались на шею красивому и удачливому офицеру, наследнику одной из богатейших семей среди аристократии Андара. А он принимал это как должное, однако с изрядной долей презрения, с каждой «победой» все больше убеждаясь, что «все они одинаковы» и одна стоит другой. Но даже это презрение прибавляло ему шарма в женских глазах. Дамы прозвали Никодеса «ледяной красавчик» и наперебой спорили, кому же удастся растопить «это не способное к пылкой страсти сердце».

Кой черт дернул его спорить на любовь совершенно незнакомой ему девушки, о которой к тому же хорошо отзывался принц Ларк, Нико сам не знал. Возможно, именно слова Ларка были виной внезапно вспыхнувшему азарту. Принц Ларк был одним из очень немногих, кого Нико не просто уважал, а почти боготворил. Бог ведь, какой из него получится король, но для Никодеса фор Виттенца он навсегда останется Командиром. Тем, с кем рядом дрался насмерть и готов был прикрыть собой. Тем, кто выводил их победителями из почти безнадежных боев.

Может быть, сама судьба так, через Ларка, указывает ему девушку, на которую стоит обратить внимание? До сих пор Никодес фор Виттенц удачно избегал matrimониальных планов родителей, но рано или поздно отцу надоест ждать, пока наследник остепенится, и тогда... Чего он точно не хочет, это заполучить в жены сговоренную отцом дурищу!

А еще Нико был азартен. Пройти мимо интересного пари он не мог, даже если напрямую его спор не касался, а уж когда «готов поспорить, что...» относилось лично к нему, как сейчас!.. Размажет, говорите? Его, признанного храбреца, великолепного танцора, любимца женщин, одного из самых завидных женихов Андара? И кто? Девуца, судя по сплетням, не первой юности и не сногшибательной красоты, с неизвестным прошлым и без земель в приданом, а значит — не самый желанный приз на рынке невест? Да полноте! Женщины, конечно, дуры, но не настолько же! А если она умна, как намекнул Ларк, то тем более поймет, какую честь оказывает ей своим вниманием наследник фамилии фор Виттенц.

Что же касается графа фор Циррента... Для начала, конечно, не помешает прощупать мнение отца, но сам Нико вовсе не против породниться с ним. Уважаемая, верная короне семья, незапятнанная честь которой стоит никак не меньше иного приданого.

Поэтому фор Виттенц с легким сердцем ударил по рукам, заключая пари на незнакомую ему девушку. В конце концов, чем он рискует? Поражением на любовном фронте? Оно лишь придаст ему трагического флера в глазах других дам, которые поспешат утешить «несчастливого влюбленного». Публичным признанием собственной неправоты? Среди своих и перед принцем Ларком — что ж, признает, если окажется неправ. И посмеется над собой вместе со всеми. Но это вряд ли. С чего бы девушке его, как выразился Ларк, «размазывать»? Он ведь не собирается вести себя с ней недостойно.

— Итак, господа, кто-нибудь знает, где в ближайшее время может появиться эта барышня?

— Моя тетка их приглашала на чай завтра, — тут же отозвался ди Ланцэ. — Она приятельствует с виконтессой фор Циррент. Со старшей, само собой, с Эбигейль, кузиной графа, — усмехнувшись, уточнил он. — Но над младшей интересно поахать всем старым кошелкам столицы. Танцев не будет, но я попрошу у тетки разрешения представить тебя, хочешь?

— Буду счастлив, — от души обрадовался Нико. Уже завтра — это показалось ему добрым предзнаменованием.

— Тогда будь дома, я пришлю записку.

Разговор переметнулся на другое, но Нико скоро ушел. Странное дело, почему-то он был слишком взволнован. Наверное, из-за того, что тетушка Дастина ди Ланцэ, та еще старая перечница, вполне могла не принять боевого товарища своего племянника на сугубо дамском чаепитии.

И то... чай! Тьфу. Но ради возможности взглянуть поближе на Джегейль фор Циррент Нико согласен был давиться чаем.

Друг не подвел. «Приходи к четверем и приглуши свое обаяние. Тетушка не любит, когда от нее оттягивают внимание», — Нико расхохотался, прочитав. Парадный мундир ждал в идеальном порядке, сапоги сверкали — хоть глядись, как в зеркало, усы были подкручены на шомполе, щеки и подбородок выбриты дочиста, волосы заглажены, а полученный в прошлогодней кампании шрам припудрен. Короче говоря, самый пристрастный взгляд не нашел бы, к чему придраться.

Последним штрихом стала густо-алая с черным отливом роза — знак почтения хозяйке дома. И закрытый экипаж — верхом, конечно, было бы быстрее, да и привычнее, но топтать начищенный паркет пыльными сапогами — по меньшей мере, некрасиво.

— Мой племянник, шевалье Дастин ди Ланцэ, — чопорно представила графиня Дариана фор Ганц «зовите меня просто дама Дариана, милое дитя, ведь мы с вашей тетужкой давние подруги». — Младший сын моей сестрицы. Мог бы найти себе жену и заняться хозяйством, мало ли подрастает дочек там, где поместьем нужна мужская рука, но вместо этого стал военным. Мужчины!

— Капитан полка горных стрелков, — шевалье легко улыбнулся, явно привычно пропустив теткину шпильку мимо ушей. — Полк квартирует на юге, но зимой можно себе позволить навестить родственников и немного расслабиться.

«Зимние квартиры», — всплыло в памяти, и Женя понятливо кивнула.

— А из чего стреляете?

— Что, простите? — шевалье провожал взглядом даму Дариану, отошедшую встречать следующих гостей, и, похоже, не уловил вопроса.

— Горные стрелки, — повторила Женя. — Раз стрелки, должны стрелять. Но горы ведь! Пистолеты у вас на несколько шагов, а длинностволка, если я правильно представляю, какие у вас здесь длинностволки, для гор неудобна.

Ди Ланцэ натянуто рассмеялся:

— Какие странные вопросы для барышни. Может быть, показать вам тетужкину оранжерею?

Женя вздохнула:

— Простите, я не подумала, что это может быть военной тайной. Просто стало интересно. А оранжерею ваша тетужка покажет мне сама. Я думаю, ей будет приятно похвалиться своими растениями, а вас вряд ли обрадует перспектива обсуждать травы и цветочки. Или я не права?

— Увы, правы, — теперь он рассмеялся искренне, и Женя невольно улыбнулась в ответ. Заразительный был смех.

Шевалье ди Ланцэ Жене понравился. Располагающее лицо — уверенное, но не высокомерное. Слегка прищуренные карие глаза, четко очерченная линия губ, слегка выющиеся соломенные волосы — одна непослушная прядь постоянно выбивалась из слишком короткого хвостика, и шевалье досадливо заправлял ее за ухо. И никаких усов! Женя уже заметила, что часть здешних дворян брилась начисто, а часть щеголяла ухоженными пышными усами с длинными, зачастую закрученными кончиками. Кажется, это зависело исключительно от личных предпочтений, по крайней мере, какой-то закономерности Женя уловить не смогла. А спросить тетужку все забывала — находились темы и поинтереснее.

— Может быть, расскажете тогда о горах? — спросила Женя. Быстро огляделась: дама Дариана лобызалась с какой-то старухой в черном, рядом щебетали уже знакомые дамы, в дверях появилась еще одна. Гости собирались; кажется, вечер у графини фор Ганц обещал быть совсем не таким камерным, как посиделки с тетужкиными приятельницами. — Спасайте, шевалье, ваша тетужка и ее подруги так и мечтают взять меня в оборот и допросить с пристрастием, а я не люблю быть гвоздем программы.

— А придется, — шевалье улыбнулся не то сочувственно, не то насмешливо. — Сочувствую, но вы сейчас — главная столичная сплетня, милая виконтесса. Всем интересно узнать из первых уст о вашей жизни, разве я могу составить достойную конкуренцию.

«Да уж, любительниц мыльных опер военные драмы вряд ли устроят», — мысленно согласилась Женя. А вслух сказала:

— Вы можете хоть немного развлечь меня, это будет справедливо, разве нет?

Шевалье покачал головой:

— Мы с вами чем-то похожи. Я тоже не люблю быть гвоздем программы. Но, открою вам тайну, я пригласил своего приятеля. Провести вечер одному в дамском обществе — слишком суровое испытание. И, простите мой эгоизм, милая виконтесса, я рад, что сегодня внимание наших дам будет отдано вам. Тетушка слишком любит напускать на меня свой ковен, допытываясь, когда же я женюсь.

Женя расхохоталась. Ковен, надо же! Так мило и непринужденно обозвать всю эту дамскую стаю ведьмами!

— Сочувствую, шевалье. Вы правы, именно в этом вопросе у тетушек обычно прорежется редкостная напористость.

— А вон и мой приятель подрос, — шевалье чуть заметно кивнул на двери, где за очередной дамой маячил высокий брюнет. — Пойдемте, я вам его представлю.

Жене показалось, что последние слова шевалье сказал не вполне искренне, но какое чувство стояло за изменившимся тоном, она понять не могла. Впрочем, ее это не касается, да и гадать бессмысленно. Может, шевалье ди Ланцэ на самом деле не слишком дружен с этим «приятелем», а может, они просто хотели провести вечер более весело, но тетушка Дариана подрезала крылья на взлете.

«А вот тетушка Гелли на «меня не касается» предложила бы, наоборот, разузнать ненавязчиво, в рамках школы начинающей сплетницы. И дядюшка ее поддержал бы»...

ГЛАВА 5, в которой Никодес фор Виттенц развлекает виконтессу Джегейль фор Циррент, а та, соответственно, развлекается

Свою цель Нико заметил сразу. Хотя он вовсе не был уверен, что виконтесса Джегейль фор Циррент окажется единственной барышней, приглашенной попить чаю с отборнейшими столичными сплетницами, почему-то и тени сомнения не возникло: она. Девушка стояла рядом с Дастином и смеялась, слегка запрокинув голову, и взгляд охватил ее как-то сразу всю, от шпилек в очень простой прическе до выглядывающей из-под юбки туфельки.

Девушка была... обыкновенной. Не худышка и не пышечка, не утонченная блондинка и не жгучая брюнетка, не томно-изящная королева балов и не юная неловкая дебютантка. В ней не было крайностей, Нико не смог бы описать ее одним словом или хотя бы фразой. Обычные для андарских девушек каштановые волосы и бледная кожа — а ведь на Огненных островах, говорят, все сплошь смуглые брюнеточки. Красивая шея, тонкие руки, гибкий стан... Вот она сказала что-то, Дастин ответил, барышня развернулась к дверям, и Нико мгновенно понял, что она его увидела.

Как раз подошел его черед приветствовать хозяйку дома. Нико вручил графине фор Ганц припасенную для нее розу, рассыпался в благодарностях за приглашение, а старая ведьма как-то очень понятно усмехнулась, протягивая ему руку для поцелуя.

— Как поживает ваша матушка, Никодес?

— Благодарю, неплохо. Жалуются на скуку, но провести зиму в столичном имении почему-то отказалась.

— Вы ничего не понимаете в пожилых дамах, милый Никодес, — графиня печально улыбнулась. — На юге мягче климат.

— Только не летом, — вставил подошедший вместе с барышней ди Ланцэ.

— Но сейчас-то зима. Надеюсь, ваша матушка навестит нас летом, когда на побережье опустится жара. Однако я вижу, молодежь уже собирается вместе, не так ли? Дастин, Никодес, чай будет подан в сиреневой гостиной через полчаса, а пока я доверяю вам развлечь это милое дитя.

«Милое дитя» чуть заметно прищурилось, оглядев Нико одним быстрым взглядом. Дастин торопливо представил их друг другу:

— Граф Никодес фор Виттенц, виконтесса Джегейль фор Циррент.

— Счастлив знакомству, — Нико склонился, целуя руку милой виконтессе. Ладонь девушки отнюдь не показалась ему аристократической, хотя кожа была нежной и благоухала цветочными духами.

— Взаимно, — легко ответила барышня.

Распрямившись, Нико столкнулся с ней взглядами и привычно улыбнулся.

Первую классификацию девушек он проводил обычно именно в этот момент знакомства. Простушки в ответ на приветственный поцелуй и улыбку неудержимо краснели, скромницы быстро отводили взгляд и потом какое-то время осмеливались на него смотреть словно украдкой, исподтишка. Девицы, которые не прочь были углубить знакомство, зазывно улыбались в ответ, искательницы женихов опускали ресницы или начинали

стрелять глазами, в зависимости от искушенности — или того, что они сами принимали за искушенность.

Джегейль фор Циррент поймала его взгляд, но не покраснела, не улыбнулась, не опустила глаза, а лишь слегка приподняла брови, как будто удивляясь чему-то. Оглядела его с головы до ног, нисколько не смущаясь, перевела взгляд на ди Ланцэ и спросила с легким вздохом:

— Ну и как вы собираетесь меня развлекать, господа?

К собственному стыду, Нико не сразу нашелся с ответом. Однако барышня вряд ли заметила заминку: справившись с удивлением, он тут же поинтересовался:

— А как бы вы хотели развлечься, милая виконтесса?

— Как раз до вашего прихода я просила шевалье рассказать о горах.

— О-о, — Нико улыбнулся, лихорадочно размышляя, что именно в такой обширной и, говоря откровенно, не салонной теме может заинтересовать молодую девушку. — Вам приходилось путешествовать в горах? Возможно, по пути к нашему южному побережью?

Барышня неопределенно повела плечами:

— На вашем побережье я не была. А горы, что сказать, горы бывают разными.

Большая гостиная графини фор Ганц постепенно наполнялась дамским щебетом, на их маленькой группке скрещивались любопытные взгляды старых сплетниц, и Дастин, оценив обстановку, непринужденно увлек их на закрытый балкончик. Здесь было тише, что несколько компенсировало унылый вид на голый, облетевший сад, пожухлую траву и потемневшие от первых морозов высокие стебли каких-то цветов.

— Здесь уже почти зима, а в наших горах еще осень, — зацепился за универсальную тему Нико. — Осенью там льют такие дожди, что даже дороги становятся опасны, а по тайным тропам ходят разве что законченные авантюристы. В это время даже контрабанды становится меньше, — он невольно усмехнулся, припомнив, как однажды такой же осенью чуть не свернул себе шею во время охоты на банду, переправлявшую в Одар партию украденного с полковых складов оружия. Горячее было дельце, кровавое и неприятное в целом — кому приятно, когда в собственном полку обнаруживается крыса, работающая на врага? Но не девушке же о таком рассказывать...

Тут же вспомнились байки, которые травили в том походе, пытаясь обсушиться у дымящего, едва тлеющего костра. Вот что, пожалуй, подойдет для развлечения барышни!

— А еще старики говорят, что раньше в тех краях все тропы держали под контролем гномы. Требовали плату отдельно за проход, отдельно за груз, отдельно за коней и повозки. И удачливыми называли тех контрабандистов и бандитов, которым случалось с ними договориться. Вернее, это они сами называли себя удачливыми. Но те, кто искони живет в горных деревнях, всегда точно знали, как можно улестить малый народец и какую плату те требуют за услуги. И никогда не болтали о своей удаче.

— Гномы? — каким-то очень странным тоном переспросила барышня.

— Ну да, — кивнул полный вдохновения Нико. — Злобный мелкий народец, здесь, на равнинах, в них мало кто верит, но мы-то знаем... — Он сделал многозначительную паузу, давая барышне возможность ахнуть и спросить какую-нибудь очаровательную глупость: «Вы, наверное, и сами их видели?» — или: «А вам, дорогой граф, тоже случалось с ними договариваться?!» — или, на худой конец: «И что же они требуют в уплату?»

Барышня хмыкнула и повторила:

— Гномы. Ну да, ясно.

А потом совершенно очаровательно улыбнулась и проворковала:

— Похоже, господа, я снова по неведению вторглась в запретные для женщин темы? Если вы воюете в горах, где действует какая-то третья сила, то, ясное дело, с ними приходится вести тайные переговоры, добиваться содействия или хотя бы невмешательства, и никому постороннему об этом знать не полагается? Однако согласитесь, граф, вы первым начали.

Нико фор Виттенц подавился заготовленным и уже почти произнесенным ответом на незаданный вопрос и покосился на ди Ланцэ. Тот сглотнул и пришел на выручку:

— Что вы, милая виконтесса. Это всего лишь байки. По крайней мере, те, кто не живет в горах, уверены, что никаких гномов давно уж нет, а может, и вовсе никогда не было.

— Да я уж поняла, — покивала барышня. — А те, кто живет именно в горах или хотя бы бывает там столь же часто, как вы, знают правду, но чужим не скажут. Что ж, расскажите о чем-нибудь менее секретном.

Нико вынужден был честно признаться себе, что не успевает за ходом ее мысли, а может, и вовсе не понимает этот весьма причудливый ход. Одно слово, женская логика!

— Ну вот, скажем, однажды... — «О чем же ей рассказать?!» Почему-то в памяти упорно крутились все те же байки, после слов барышни выглядевшие далеко не так безобидно, как раньше.

Уголки губ виконтессы дрогнули, как будто она пыталась сдержать смех. А вот глаза смеялись — особенно, когда она произнесла, явно цитируя кого-то другого:

— Однажды ночью в мою палатку ворвалось дикое ружье, и я застрелил его из двуствольного тигренка...

— Что, простите?

— Да так, ничего. Просто вспомнилось.

К счастью, наконец-то пришло время чаепития.

— Благодарю вас, господа, — барышня улыбнулась все той же очаровательной улыбкой. — Вы прекрасно меня развлекли.

«С вами и клоунов не надо», — добавила Женя мысленно, из последних сил пытаюсь удержать вежливую улыбку. Хотелось не улыбаться, а, по меньшей мере, ржать. Нет, ясно, что господа офицеры держат барышень за набитых дур, это они с Ларком уже проходили, но чтоб настолько!

А ведь в первую минуту Женя едва не поверила! А что, магия здесь есть, почему бы и гномам не быть? Но вспомнился разговор с графом о фэнтези в один из первых дней здесь, сравнение «всей той горы чуши, которую вы, милая барышня, притащили из вашего мира» и магии этого мира, а заодно и объяснение: магии становится меньше, и то, что было привычным века назад, остается лишь в сказках. И сразу стало ясно, что именно сказками и кормят наивную девушку эти два, прости господи, боевых офицера. В общем, Женя их понимала... как-то, где-то... но спускать им это отношение не собиралась. «Еще посмотрим, кто за чей счет развлечется!»

Не закаленные чтением фэнтези господа офицеры явно впали в ступор, когда Женя начала рассуждать о третьей силе и тайных переговорах с гномами. «А смешно будет, если они сами поверят в собственные выдумки и их строгую секретность», — Женя с трудом сдерживала смех, и приглашение на чаепитие пришлось весьма кстати.

Она весело улыбнулась, поймав вопросительный взгляд тетушки Гелли. «Дома

расскажу, посмеемся!» Но сейчас должно было развернуться второе действие этого бесплатного цирка: дама Дариана коварно усадила «милое дитя» рядом с собой, указала фор Виттенцу на стул рядом, а племяннику предложила сесть напротив. «Обложили! Уж не хотят ли меня здесь скоропостижно сосватать?!» — Женья вспомнила мельком оброненную жалобу шевалье на страстно желающих его женить кумушек и дала себе слово быть очень, просто чрезвычайно внимательной. «Постоянная бдительность», и никак иначе!

Хорошо еще, застольный этикет здесь оказался не таким замороченным, каким представляла его Женья по родному миру — хотя, конечно, она и там знатоком не была. Дамы, хоть и принадлежали к местному высшему свету, разливали себе чай сами, с милыми, слегка чопорными шуточками просили передать сахар или придвинуть ближе «вон те прелестные пирожные», в общем, атмосфера была уютная и почти родная.

— Выбирайте, милое дитя, — дама Дариана указала Жене на выстроившиеся в ряд расписные пузатые чайники, — клубничный, смородиновый, травяной согревающий и ромашка.

— Смородиновый я еще не пробовала, — Женья потянулась к чайнику, но фор Виттенц опередил: подхватил чайник и аккуратно и довольно ловко наполнил Женину чашку. — Благодарю, граф. О, как замечательно пахнет, — поторопившись скрыться от внимания кавалера за чашкой, Женья с удовольствием вдохнула аромат смородинового листа и ягод.

Фор Виттенц тоже выбрал смородиновый — наверное, из солидарности. Однако почему-то смотрел на свою чашку с таким выражением, будто собирался идти на штурм вражеской крепости. Ну да, если вспомнить первые дни у графа и визит к адмиралу, мужчины здесь предпочитают вино, а чай, видимо, сугубо дамское развлечение. Женья подавила в себе порыв предложить бедняге пироженку. Во-первых, издевательство же! А во-вторых, хотя нет, именно это во-первых и вообще главное, вдруг такое здесь воспринимается как ответное ухаживание?

Некоторое время разговор вращался вокруг общих тем: погода, здоровье родственников, ну а от здоровья был всего шаг до сплетен.

— Вы слышали, юного фор Гронтеша вчера перевезли в отчий дом?

— Да, доктор перестал опасаться за его жизнь.

— Зато у самого Реннара, я думаю, появились все основания опасаться за целостность кожи ниже спины. Оннар человек суровый, и у него мало причин быть довольным поведением сына.

— Нелль, дорогая, вы наверняка правы, но зачем же так вульгарно? — и общее хихиканье, на фоне которого подавившийся чаем фор Виттенц вдруг показался Жене смущенным мальчишкой. Да ладно! Можно подумать, господа офицеры в своем кругу отпускают исключительно пристойные шуточки?

— Суровая правда жизни, — пробормотала до сих пор молча слушавшая Женья. Дамы снова захихикали, а она спросила: — А чем может быть недоволен адмирал? Насколько я поняла, его сына ценит принц Ларк, это же хорошо?

Дама Дариана тонко улыбнулась, бросив быстрый взгляд на племянника.

— Все эти героические порывы, они, понимаете ли, милое дитя, хороши на войне. Реннар храбрый мальчик, адмирал может гордиться сыном. Но в столице его неумная храбрость бывает несколько неуместна.

— Дуэли? — догадалась Женья. — Но ранен-то он, как я слышала, не в поединке?

— Тем хуже, — негромко пояснил шевалье ди Ланцэ. — Значит, во-первых, кого-то так

против себя настроил или так оскорбил, что враг счел его недостойным честного поединка, а во-вторых, потерял бдительность и подставился.

«Бред какой-то, — подумала Женя. — Политические интриги и наемных убийц здесь вообще как вариант не рассматривают? Разве что дядюшка-граф и его друг из полиции, но неужели только они здесь способны мыслить логически?! Или это, наоборот, высоты логики, доступные лишь господам офицерам?»

— То есть вы, шевалье, хотите сказать, что Реннар фор Гронтеш сам виноват в своем ранении, потому что гулять по улицам столицы и даже по территории королевского дворца нужно бдительно, чтобы не подставляться убийцам, — пробормотала Женя. — Спасибо, я учту ваше предупреждение.

— Ну что вы, милая виконтесса, — хладнокровно ответил шевалье, — к дамам это не относится. Речь ведь шла о порученце его высочества.

«А он молодец. Или здесь не ловят на неосторожных словах за оскорбление власти, тогда, значит, король молодец», — Женя сама только теперь поняла, как двусмысленно с точки зрения политики прозвучало ее замечание. Впрочем, разве она не права? За безопасность на территории дворца уж явно отвечать должен не порученец принца.

— Молодой фор Гронтеш и вправду тот еще шалопай, он мог обзавестись недостойными врагами, — покивала дама, имя которой Женя благополучно забыла. Графиня фор-такая-то... так, дома с тетушкой всех повторить! И придумать какой-нибудь способ, как быстро запоминать множество незнакомых людей по именам, титулам и в лица! «Не тяну я пока не то что на Миледи, но даже на банальную сплетницу! А «недостойные враги» — это прекрасно! Это нужно запомнить».

Чай в чашках убывал, блюда с пирожными и вазочки с печеньем пустели, разговор вился в том же духе, причудливо перепрыгивая с одной известной в столице личности на другую. Господа офицеры откровенно маялись, но, к некоторому удивлению Жени, не пытались сменить тему. То ли здесь не принято было разбивать общую застольную беседу на несколько более приватных, то ли просто не хотели лишний раз обращать на себя внимание «ковена». Правда, фор Виттенц несколько раз предлагал Жене пирожные с дальних блюд, подливал чай и отпустил несколько замечаний к месту — Женя не всегда понимала, в чем соль очередной сплетни, но одобрительные кивки дам были достаточно красноречивы.

Она вообще чем дальше, тем больше ощущала себя нерадивой студенткой в последнюю ночь перед экзаменом — кое-какие имена слышала, о чем-то со слов тетушки знала, но все же новых сведений оказалось слишком много, чтобы легко уложить их в голову.

В какой-то момент тетушка Гелли, наверное, заметила постепенно захватывавшую Женю панику. Поймала ее взгляд и спросила, понизив голос, но ничуть не боясь, что ее услышит хозяйка дома или кто-нибудь из дам:

— Устала, деточка?

— Немного, — виновато отозвалась Женя.

— Деточка жила уединенно, — объяснила тетушка. — У нее совсем нет привычки к обществу. Дариана, дорогая, мы, наверное, отклоняемся.

— Ничего, милое дитя, — дама Дариана ободряюще улыбнулась. — Привыкнуть не так уж трудно. Вы всегда будете желанной гостьей в моем доме.

— Благодарю, — Женя и в самом деле была благодарна и даме Дариане, и ее подругам: ее опасения стать «гвоздем вечера» не оправдались. К ней приглядывались, конечно, однако проявили деликатность и не стали расспрашивать.

Пожалуй, никогда еще Нико фор Виттенц не был настолько дезориентирован после знакомства с девушкой. Стало ли тому виной чужеземное воспитание Джегейль фор Циррент, или же, наоборот, вопреки воспитанию она удалась похожей на женщин своей семьи, не с первого короткого знакомства судить. Но принц оказался прав в одном — эта девушка совсем не похожа на других. Казалось, она вообще не знает, что такое кокетство, но и девичьего стеснения в ней не чувствовалось. Она вела себя... по-дружески?

Прощаясь с барышней фор Циррент и ее тетушкой, Нико знал одно — они обязательно увидятся еще. Он не успокоится, пока не разгадает эту внезапную загадку.

— Очень милая девочка, — заметила дама Дариана, когда экипаж фор Циррентов отъехал от крыльца. Обвела насмешливым взглядом племянника и фор Виттенца: — А вы что скажете, молодые люди? Самое время ловить невесту, пока к ней не пригляделись конкуренты.

— Тетушка, вы бесподобны, — рассмеялся Дастин. — Не знаю, какая из Джегейль фор Циррент получится жена, но ваш дамский кружок она точно дополнит прекрасно. Гарантирую!

— Очень странная девушка, но интересная, — все еще пребывая в задумчивости, проговорился Нико. Опомнися, всей кожей почувствовав пристальный взгляд дамы Дарианы, и торопливо спросил: — Ведь это правда, что она выросла на Огненных островах? И как же фор Цирренты ее нашли?

— О, это весьма, весьма необычайная история, — дама Дариана как-то очень ловко подхватила Нико и Дастина под руки и повлекла их обратно в сиреневую гостиную. — Мы с кузиной Розалией слышали эту историю, можно сказать, из первых уст. Розалия, дорогая, ты ведь меня дополнишь, если я что-нибудь позабуду? Или может, ты расскажешь, а я дополню? Молодые люди заинтересовались милой Джегейль.

Дамский кружок оживился, и ди Ланцэ, усмехнувшись, шепнул на ухо Нико:

— Мы попались, друг. Пока не женят, не выпустят.

— Считай это разведкой, — отшутился Нико. И обратился к его тетушке: — Благодарю, графиня, мы с радостью послушаем. Мне, признаться, было неловко спрашивать у самой барышни...

— Надо же, оказывается, и бравым военным не чужда деликатность, — рассмеялась дама Дариана. — Ну-ну, милый мой Никодес, не дуйтесь. Конечно же, мы расскажем вам о столь примечательной барышне. Розалия?

Дама Розалия довольно улыбнулась, оказавшись в центре внимания:

— Конечно. Вы помните, дамы, а вот молодые люди могут и не знать, как милая Гелли убивалась по брату. Арбальд фор Циррент был романтическим молодым человеком, о да, весьма романтическим. Бредил дальними странами и в шестнадцать лет вступил в Колониальный корпус. Прибыв на Огненные острова, он вызвался участвовать в опасной вылазке или экспедиции, — она развернулась к Дастину и Нико: — Как вы называете такие авантюры, из которых невелика надежда вернуться?

— По-разному, — хмыкнул Нико. — В зависимости от обстоятельств.

— Что ж, пусть будет экспедиция. Суть в том, что отряд не вернулся, и всех в нем сочли погибшими. Между тем Арбальд был только ранен, и его подобрала девушка из маленькой, затерянной в дебрях деревни. Она была очень красива и понимала наш язык — бывают же совпадения, отец этой доброй девушки был родом из Андара, моряк, однажды чудом

спасшийся с разбившегося о рифы корабля. Впрочем, к тому времени он давно умер, так что Джегейль не знает, кем был ее дед с материнской стороны.

— Почти наверняка простолудином, — вмешалась дама Дариана, — и вряд ли желавшим вернуться в Андар. Раз он прожил среди дикарей так долго, что успел научить дочь родному языку... К слову, Джегейль так мило вспыхивает, когда жителей Огненных островов называют дикарями, что я, пожалуй, попытаюсь отвыкнуть от этого слова.

— Что ж, девочка среди них выросла, но вовсе не напоминает дикарку, — дама Розалия с легкой укоризной покачала головой. — Джегейль вполне воспитанная, и Гелли говорит, что самая большая трудность с нею была — научить непринужденно носить платье, в остальном же это милое дитя ведет себя безукоризненно с первого дня.

— Но она выросла не в деревне, а в доме знатного человека, насколько можно, конечно, называть туземную знать знатью.

Дамы увлеченно перескакивали с рассуждений о родословной Джегейль на похвалы ее воспитанию, перемежали довольно скудные, на взгляд Нико, факты чисто женскими охами-вздохами, но общая картина складывалась и впрямь интересная, вполне соответствующая настолько необычной девушке.

Арбальд фор Циррент так и не оправился после ранения. Но он успел влюбиться в красивую девушку, добиться ответной любви и оставить после себя дочь. И, предчувствуя смерть, позаботился о том, чтобы девочка узнала о своей семье по отцу.

Джегейль росла с матерью, бабушкой и бабушкиными родичами, а те оказались, если переводить на привычные для Андара понятия, по меньшей мере, не простолудинами. Нико затруднялся сказать, с кем можно сравнить «господина деревни», но подумал, что, пожалуй, не будет неприличным попросить разъяснений у самой Джегейль. Дамы не вникали в этот вопрос, отметив лишь то, что Джегейль тепло отзывалась о вырастивших ее людях. А вот как она попала к фор Циррентам — о, эта часть истории звучала совершенно фантастично!

Джегейль вполне счастливо жила на Огненных островах, у нее и в мыслях не было отправляться на край света в поисках родни отца. Ей хватало здравомыслия сомневаться, что незнакомое ей семейство фор Циррент радостно встретит неизвестную девушку, называющую себя их родственницей. Но однажды она совершенно неожиданно, непонятно как, с собственного двора перенеслась в Чародейный сад.

— Маги начудили в Осенний перелом, так сначала подумал граф фор Циррент, — увлеченно рассказывала дама Розалия. — Но вы же понимаете, что такое происшествие нельзя оставить без расследования! И выяснилось, что магистр Страунгер пытался совершить запретный ритуал! Пробить канал не куда-нибудь, а в Замирье, — дама сделала драматическую паузу, чтобы все успели проникнуться несусветной глупостью покойного Страунгера, и понизила голос до полусшепота. — Ему нужна была дармовая магия, вот канал и пробился в богатые магией места. И подхватил то ли первого же человека, то ли первого с андарской кровью — не зная тонкостей того ритуала, не скажешь. Страунгер не справился с силой, упустил власть над ритуалом, и в итоге погиб совершенно посторонний маг, случайно оказавшийся рядом с ним! А Джегейль, вместо того, чтобы погибнуть — да, Гелли мне шепнула, пока деточка не слышала, что для того ритуала нужна была жертва! — так вот, Джегейль просто очутилась вдруг в совершенно чужом, незнакомом месте, одна среди пьяных мужчин, бедное дитя! К счастью, рядом случился кто-то из Тайной Канцелярии, так девушка и оказалась в кабинете собственного дяди.

— То-то Страунгер плохо кончил, — пробормотал ди Ланцэ.

— Думаю, ему еще и оказали некоторое снисхождение, — не по-женски жестко отозвалась дама Дариана. — Все же не каждый день вот так буквально на голову сваливается родная племянница, единственное дитя давно погибшего брата.

Дамы зашебетали о том, что чудеса еще случаются в мире и когда же им происходить, как не в Перелом, а Никодес фор Виттенц думал о стольких вещах сразу, что сам не сумел бы, пожалуй, рассортировать собственные мысли. О том, что этому со всех сторон фантастическому рассказу можно верить, потому что граф фор Циррент не тот человек, чтобы не проверить самым доскональным образом и подобное происшествие, и взявшуюся невесть откуда племянницу. О том, что понятен теперь интерес Ларка к девушке, исключаящий «авансы» — это же только представить, сколько она знает об Огненных островах! Хотя Андару сейчас не до дальних экспедиций, хватает врагов и проблем поближе, но будущий король должен учитывать и отдаленные перспективы. О том, что Страунгер был, оказывается, тем еще негодяем, а девушке невероятно повезло, ведь все могло закончиться куда хуже. О том, что и фор Циррентам повезло не меньше, и младшая ветвь рода теперь не прервется.

И, пожалуй, еще и о том, что хочет закончить их с Джегейль разговор о горах...

ГЛАВА 6, в которой Женя узнает о пари и о тайном хобби графа фор Циррента, задумывается о конспектах и пугается от планов тетушки

— Все ужасно! — заявила Женя на вопрос графа, как прошел вечер. — Я никогда их не запомню! Там было-то полтора десятка дам, и то все в голове путаются, а сколько всего народу в вашем высшем обществе?! Не гожусь я в агенты, простите...

И растерянно умолкла, когда граф от души, искренне рассмеялся.

Вообще Жене нравилось, когда «дядюшка» смеется. Смех преображал его обычно суровое лицо, делая его почти добродушным и очень привлекательным. Но сейчас она чуть не расплакалась:

— Я серьезно! Они там делились сплетнями, а я мало того что почти всегда не знала, о ком речь, но еще и половины всяких нюансов не понимала! Если не больше.

— Деточка, но ведь так и должно быть! Невозможно запомнить все сразу, — тетушка Гелли стремительно подошла, обняла Женю и прижала к себе, как ребенка. Женя засопела, сдерживая готовые прорваться слезы, и обняла в ответ. Тетушка Гелли с самого начала ей понравилась, но именно сейчас Женя поняла, что и в самом деле полюбила ее как родную.

— Не слушай ее, Варрен, все прошло прекрасно! Дариана в восторге от нашей милой Джегейль, пригласила бывать в ее доме и, между прочим, довольно благосклонно наблюдала за тем, как с нашей деточкой общался ее племянник. А после нашего ухода они с Розалией наверняка скормили своему кружку историю Джегейль во всех подробностях. Кстати! — тетушка Гелли оживилась, в голосе зазвучал смех, и Женя посмотрела на нее заинтересованно. — Племянник Дарианы привел на чай товарища, специально, чтобы тот познакомился с Джегейль. Никодес фор Виттенц, слышал о таком, Варрен?

Дядюшка хмыкнул:

— Гелли, ты сейчас пытаешься выяснить, до кого быстрее доходят сплетни, до вашего дамского кружка или Тайной Канцелярии? Разумеется, мне доложили об этом пикантном пари. У меня даже мелькнула не вполне достойная мысль умолчать о нем и насладиться спектаклем из первых рядов, но это было бы непорядочно по отношению к Джегейль. Хотя в исходе я в любом случае не сомневаюсь.

— О чем это вы? — подозрительно спросила Женя.

— О, деточка, ты только не сердись очень, — тетушка тихо рассмеялась, — этот мальчик, Нико фор Виттенц, был так впечатлен тем, как отозвался о тебе принц Ларк, что пожелал непременно завоевать твое сердце.

— Что?! — у Жени в первый момент даже слов цензурных не нашлось. — Вот этот... этот... прилизанный усатый сказочник?!

— Почему сказочник? — чуть ли не хором поинтересовались тетушка с дядюшкой.

— Так он меня сказочками кормил! О гномах, контролирующих тропы в горах. Я даже поверила на минуточку. Хорошо, мозги включились — Ларк мне ни о чем таком не рассказывал, да и вы тоже.

— Нужно же беднягам чем-то увлекать барышень, — философски заметил граф. — Поверьте, рассказы о реальных опасностях и трудностях войны в горах будут скорее

ужасающими, чем увлекательными.

— В это верю, — вздохнула Женья. — Ладно, осознала, не нужно было их о горах спрашивать. Но интересно же... А вот, кстати! — пришедшая в голову мысль отодвинула фор Виттенца на задний план. — У вас есть вообще, как класс, книги — записки путешественников? Путевые заметки, описания, дневники? В нашем мире примерно в ваше время, да и позже, это было довольно популярным чтением.

— Кое-что есть. Правда, далеко не все заслуживает внимания с точки зрения достоверности. Я попрошу Ланкена отобрать самое достойное.

— Отлично! А то прочла я пару романчиков для барышень и скажу вам откровенно, это чтиво не мое.

Граф ухмыльнулся, тетушка Гелли хихикнула.

— А что касается общества, сплетен и прочей нужной и всем известной информации, дорогая Джегейль, я уверен, этой зимы вам хватит, чтобы освоиться. Все придет само. Еще два-три чаепития у бесподобной графини фор Ганц, и весь ее кружок вы будете знать от и до, включая прямую и побочную родню, провинциальных подруг и любимых собачек. То же самое с прочими визитами. Кстати, Гелли, если для ваших развлечений понадобится я, предупреди, пожалуйста, за пару дней.

— Обязательно понадобится, братец, — оживилась тетушка. — Думаю, деточке нужно показать театр.

— А туда без мужчины неприлично? — уточнила Женья, припомнив тетушкин рассказ о восточных танцовщицах.

— На некоторые представления и с мужчиной неприлично, — весело уточнила тетушка. — Но мы выберем что-нибудь пристойное, правда, Варрен? А еще, дорогая моя, сопровождение мужчины обязательно на пикнике и на загородной прогулке. Вот погоди, ляжет снег...

— Чую я, зима будет горячей, — неловко пошутила Женья.

— Обязательно! — уверила тетушка. — Зима, деточка, это время для веселья, так что готовься повеселиться всласть. А ты, Варрен, переставай уже «выкать» собственной племяннице, а то ведь на людях может неловко получиться.

— И правда, что это я, — хмыкнул граф. — Эм-м... Джегейль? Вы разрешите обращаться к вам на «ты»?

— С удовольствием, дорогой дядя, — рассмеялась Женья.

Откровенно говоря, графу фор Цирренту было сейчас не до увеселений. Впрочем, как всегда: его служба оставляла слишком мало свободного времени, да и спокойные дни случались крайне редко. Однако семья есть семья, а Джегейль нужно вливаться в общество. Поэтому перед тем, как сбежать к себе в кабинет, Варрен предложил Гелли не стесняться, составляя план визитов и прочих развлечений. Несколько часов для своих дам он сумеет выкроить в любой день, если, разумеется, не произойдет чего-то вовсе уж критического. Но граф надеялся, что бурные события последнего месяца остались в прошлом. Теперь, когда сменился верховный магистр, а его величество, наконец, осадил излишне амбициозную Клалию, можно ждать затишья. Хотя бы недолгого, до весны.

И то сказать, в последние дни начальник Тайной Канцелярии банально тонул в рутине. Сводки о новостях и слухах, донесения тириссских и одарских резидентов, несколько тупейших доносов, не отправившихся сразу же в архив под грифом «мусор» не иначе как из-

за чьей-то лени. Конечно, рутина намного лучше, чем интриги, заговоры и покушения, но обилие скучных и не слишком важных хлопот делало желание отдохнуть особенно острым.

Поэтому в кабинете граф отложил в сторону очередную пачку отчетов — если бы в них было что-то срочное, его поставили бы в известность немедленно, — и подошел к полкам с досье.

Толстые, досконально собранные «дела» основных лиц государства, тех, за кем нужно приглядывать по долгу службы, хранились в сейфе Тайной Канцелярии. Здесь же, не желая афишировать само их существование, граф фор Циррент хранил сведения о тех, кто не попадал под прицел Тайной Канцелярии, но мог оказаться важным, значимым или хотя бы заметным в политической жизни Андара. А еще — о возможных рычагах влияния, точках вброса слухов, местах «случайных» свиданий, тайных путей для почты, золота или беглецов...

Были здесь и самые заметные сослуживцы его высочества Ларка, и самые увлеченные сплетницы кружка графини фор Ганц, и отъявленные кокетки всех сословий, пользующиеся популярностью в Офицерском Собрании. Банкиры, негоцианты, капитаны торговых кораблей и каперов, лучшие столичные модистки, портные и белошвейки, рестораторы, кондитеры и лавочники — всех не перечислишь. В редкие свободные вечера, под настроение, граф перебирал эти записи, вычерчивая схемы неочевидных связей, знакомств и интересов, и не раз эти схемы помогали ему нащупать путь в тумане очередного сложного дела.

Один за другим перебирая мелко исписанные листы, граф большую их часть клал на место, а остальные делил на две стопки. Те, с кем Джегейль уже столкнулась, и те, с кем наверняка сведет знакомство за зиму. Занятные, иногда пикантные и всегда очень меткие рассказы Гелли — это, конечно, хорошо, но подкрепить их четко установленными фактами в любом случае будет полезно.

Джегейль он пригласил в кабинет на следующий день. Передал ей из рук в руки меньшую стопку:

— Дорогая племянница, эти бумаги не должны покидать моего кабинета. Но тебе, я полагаю, будет небесполезно их почитать.

Девушка быстро перебрала листы, схватывая заголовки — граф невольно отметил, что она уже вполне уверенно разбирает рукописный текст.

— Никодес фор Виттенц, Дастин ди Ланцэ, Дариана фор Ганц, Розалия фор Ганц-Ланцэ, Кенналия фор Аттенфин, Нелль ди Тонншэре... здесь что, все мои вчерашние знакомые?

— Именно.

— Обалдеть, большой брат следит за вами! Дядюшка, это что, у вас на всю столицу досье или на всю страну?

Фор Циррент невольно рассмеялся, хотя интонации девушки не слишком располагали к смеху: ей, похоже, чем-то не понравилось собственное предположение.

— Что ты, это не досье. Если хочешь взглянуть на досье, могу как-нибудь свозить тебя в тот самый кабинет, где мы познакомились, и дать почитать... да хоть о Реннаре фор Гронтеше, крайне занимательное чтение! А это так, мое невинное хобби. Удобная систематизация общеизвестных сведений. Все то же самое и многое сверх того расскажет любая из тех дам, с кем ты вчера свела знакомство. Да ты почитай сама.

— Хм, — девушка уткнулась в верхний лист, бормоча под нос:

— Родилась... Отец... Мать... Муж... Дети... Ого, ничего себе... Увлечения... Дружит... Посещает салон... То есть вы хотите сказать, что это такой вроде как справочник «Кто есть кто в Андаре?»

— Отличное определение. Я подумал, что рассказы Гелли это хорошо, но подобранная таким образом информация тебе поможет.

— Да, наверное, — со странной задумчивостью пробормотала дорогая племянница. — Кстати, дядюшка, а объясните мне, в чем разница между «фор» и «ди» перед фамилией? Ее нужно как-то учитывать, или это несущественно?

«Интересные вопросы — девочка склонна обращать внимание на мелочи».

— В практическом плане несущественно, по крайней мере, в наше относительно просвещенное время, — граф покачал головой, вспомнив некоторые вполне недавние скандалы, опровергающие его слова, и добавил: — Впрочем, предрассудки живучи, не стану врать, что их нет. Фамилии с приставкой «фор» — наследственная земельная аристократия, древние рода. «Ди» — потомки тех, кто получил дворянство и земли за воинскую службу. А иногда и не за воинскую, всякое бывало. Меньше знатных поколений, у истоков рода зачастую какой-нибудь авантюрист.

— Снобы крутят носы и запрещают дочкам глядеть в ту сторону? — понятно продолжила Джегейль.

— Именно. К слову, практика предоставления дворянства за особые заслуги еще жива, но сейчас к титулу уже не прилагаются земли. Если тебе встретится некто с приставкой «ан», это как раз такая новейшая знать.

Джегейль кивнула:

— Запомню. А что им это дает, если нет земель?

— Привилегии. Освобождение от налогов, право на высшие офицерские чины, приобщение к высшему свету... Довольно много мелочей и нюансов, на самом деле, но сейчас для тебя это все не слишком важно. Так что усаживайся, где тебе удобней, и читай о своих вчерашних знакомых. Если будут вопросы, спрашивай.

— Меня тянет попросить тетрадку с ручкой. Такое ощущение, что пришла пора снова писать конспекты, — покачав головой на какие-то свои мысли, Джегейль устроилась в кресле у окна и погрузилась в чтение.

Конспекты абсолютно точно становились актуальны — с каждым днем актуальнее! Женья всегда лучше запоминала «под запись», желательно — не «навалом», как любили многие лекторы, а четко разложив информацию по пунктам, таблицам, спискам и параграфам. Как раз так, как было оформлено «невинное хобби» графа. Женья покачала головой: нет, все-таки Тайная Канцелярия — это, похоже, нечто большее, чем просто место работы. Образ мыслей, и никак иначе! Почему-то вспомнилась, заставив улыбнуться, картотека Шерлока Холмса.

После чаепития у дамы Дарианы тетушка дала Жене два дня. Всего два дня, чтобы немного утрясти в голове ворох лиц, имен, сведений и сплетен, а заодно как следует расспросить обо всем, что показалось неясным.

Первый же вопрос заставил и тетушку, и графа одобрительно кивнуть:

— Как принимать ухаживания, чтобы не было очевидно, что я их именно принимаю? Чтобы никаких намеков на «да», никаких, боже упаси, авансов, но без резкого «от ворот поворот»? И кстати, как правильно устроить «от ворот поворот», тоже мне объясните,

пожалуйста! А то ведь оглянуться не успею, как или этот усатик свое пари выиграет, или еще кто окрутит на каком-нибудь пустяке, который мне кажется вполне невинным!

Тетушкину ответную речь и в самом деле полезно было бы законспектировать, очень уж много оказалось нюансов, которые Жене и в голову бы не пришли. Например, то, что фор Виттенц налил себе одинаковый с Женей чай, означало, оказывается, всего лишь безмолвный комплимент ее вкусу, а вот если бы она выбрала чай по вкусу кавалера, это был бы уже намек на симпатию с ее стороны! Она могла принять пирожное, если молодой человек придвинул к ней ближе слишком далеко стоявшее блюдо или передал то, чего нет на столе с ней рядом — как оно, собственно, и было. А вот если бы Виттенц подложил на ее блюде пирожное или печенье, которое она легко могла бы взять и сама — это читалось бы как откровенное ухаживание, а не простая любезность. И боже упаси угощать ответно! Все равно, что расписаться в собственных пылких чувствах.

— Ой, мамочки, — ужаснулась Женя, — это ж я могла таких дел наворотить!

— Но не наворотила же, — тетушка успокаивающе похлопала ее по руке. — У тебя прекрасная интуиция и чувство уместности.

— Насчет последнего сомневаюсь, — ухмыльнулся граф, — это ты, Гелли, наше с ней знакомство не видела.

Тетушка вернула усмешку со всем доступным ей ехидством:

— Я вижу результат вашего знакомства, и он меня устраивает. А ты, деточка, не пугайся так, если вдруг где-нибудь ошибешься, спишем на твое нездешнее воспитание. Но пока все идет прекрасно.

На второй день после обеда, когда Женя собралась спокойно посидеть в библиотеке и хотя бы бегло просмотреть отобранную для нее Ланкеном стопку книг, тетушка подала ей исписанный ровными строчками лист:

— Посмотри, деточка, у тебя наверняка будут вопросы.

— Что это? Ой, только не говорите, что... Список, э-э, развлечений? Салон Розалии, бал городских старшин, чай у Дарианы, театр, бал первого снега, катание, чай у Кенналии, бал принцессы... Тетушка, мне страшно это читать.

— Наряд для бала у тебя только один, нужно заказать еще. Для катания подойдет зеленое с серебром платье, но к нему понадобятся накидка, муфта и шапочка. Для театра... хм... Пожалуй, завтра придется выбраться к портному. Иначе можем не успеть.

— О, нет... Тетя Гелли, я ведь еще не надевала и половины того, что он уже пошил!

Конспекты, срочно конспекты. На тему «что куда надевают и сколько нарядов прилично иметь девушке из хорошей семьи». Женя слушала, честно пытаюсь если не понять, то хотя бы запомнить. До книг в тот день она так и не добралась.

Второй визит к портному оказался приятней первого, хотя бы потому, что Женю уже не обмеряли от и до, не вертели туда-сюда, прикладывая к лицу образцы тканей и разглядывая, какие оттенки ей к лицу при дневном свете, какие хороши в полумраке, а какие не подходят категорически. Портной помнил барышню фор Циррент и ее вкусы, как и требования тетушки Гелли, поэтому выбор тканей занял не больше получаса — мелочь по сравнению с прошлым разом! А в выбор фасонов она и не пыталась лезть.

Зато после портного они опять сидели в кондитерской, ели фруктовые пирожные, и тетушка развлекала Женю историями о том, как brave офицеры бездарно ловились в сети любви.

— И вот представь, юный Реннар и Никодес, не такой юный, но куда наивней, чем

видела его ты, не то чтобы влюбляются в одну и ту же особу — какая уж тут любовь, когда особа явно провоцирует своими прелестями, тут чистая, не замутненная романтическими чувствами плотская страсть. Но ухаживать начинают, что называется, наперегонки. Реннар посвящает прекрасной даме баллады, Никодес учится завивать усы и танцевать, не снимая шпор — на самом-то деле, деточка, царапать паркет шпорами весьма дурной тон, но в Офицерском Собрании принято именно так. Прекрасная дама купается во внимании, благосклонно принимает баллады и намекает на более материальные подарки. С подарками проще Никодесу, он из весьма богатой семьи, а Реннар — что Реннар, у него отец к тому времени год как в опале, и денег нет даже заплатить слугам. Опечаленный и даже где-то оскорбленный в лучших чувствах Рени пишет свою лучшую балладу, не смейся, деточка, в мальчике и в самом деле есть искра таланта, «Осколки сердца» моментально облетели все столичные салоны и взамен отвергнутой любви принесли юному фор Гронтешу обожание нескольких вполне приличных девушек. А у Никодеса вдруг открываются глаза — его предпочли другому не ради его личных качеств и несомненных достоинств, а только из-за того, что он сумел угадать с ценностью подарка! Ходили, правда, слухи, что такому внезапному всплеску его разумности поспособствовало некое весьма неосторожное высказывание обрадованной подарком дамы. Но, как бы то ни было, Никодес испрашивает себе срочное назначение в полк и сбегает от почти состоявшейся любви к театру военных действий.

— Сильно, — хмыкнула Женя. — А дама?

— Ах, деточка, ну кому интересны такие дамы! Даже у юных идиотов быстро открываются глаза на истинность их чувств. Но, с другой стороны, юным идиотам весьма полезно подобное разочарование в начале жизненного пути. Сейчас-то уж ни Реннар, ни Никодес не купятся на подобное. Допила, деточка? Хочу успеть к меховщику.

У меховщика долго не задержались. То ли тетушке не понравился довольно скудный выбор, то ли сейчас был не сезон, и большего не стоило и ждать, но Женя только кивнула на команду: «Пойдем, деточка, здесь нет того, что нам нужно». Ее саму меховая лавка поразила разве что мрачностью, скудостью ассортимента и тяжелым, резким запахом.

— Дорогая тетушка, у меня деловое предложение, — сказала она, жадно вдохнув холодный, насыщенный влагой воздух. — Что бы вы ни собирались заказать из меха, все можно сделать и без него. Предлагаю запустить в ваше скучающее общество новую моду. Поверьте, хотя я и не модница, идей у меня хватит.

— Муфта, шапочка, накидка или хотя бы оторочка на накидку, — перечислила явно заинтригованная тетушка. — Приедем домой, я покажу тебе, как это выглядит, на старых вещах Цинни.

— Отлично, а я нарисую свои варианты. Потому что, уж простите, те шкуры, которые мы имели несчастье нюхать, меня не вдохновляют в качестве предмета гардероба. Да и вообще... убого оно как-то. Лисы какие-то не яркие, медведь жуткий, а то мелкое песочное, которое продавец обозвал белкой, вообще на суслика похоже. Ни русских соболей, ни чернобурки, ни голубой норки, ни даже белого песка.

— По-настоящему роскошные меха до таких лавочек не доходят, — объяснила тетушка. — Мы, конечно, можем себе позволить заказ у негоциантов, имеющих дела с колониями, но не хотелось отвлекать Варрена еще и этим.

— Ну и не будем отвлекать, — решительно согласилась Женя. — Чем точно не стоит загружать мужчину, так это проблемами женского гардероба.

Тетушка рассмеялась:

— Все же ты крайне разумная девушка, дорогая моя. Ну что ж, сегодня торопиться нам больше некуда, можем прокатиться по набережной. Глядишь, встретим кого-нибудь небезынтересного.

Они и вправду раскланялись с несколькими незнакомыми Жене дамами, которые тоже, очевидно, «прокатывались». Тетушка вполголоса комментировала каждую встречу, Женя повторяла про себя имена и титулы. Учитывая обширные планы на зиму, вовсе неплохо было запомнить хоть кого-то заранее.

Когда же вернулись домой, вполне довольные поездкой, их ждало письмо от адмирала фор Гронтеша, испрашивающего позволения отдать визит. Тетушка сверилась со своим списком, покивала довольно и в ответной записке пригласила адмирала на завтра к обеду.

ГЛАВА 7, в которой адмирал фор Гронтеш отдает визит фор Циррентам, а тем временем в его доме находят труп

В то самое время, когда в Офицерском Собрании обсуждали сначала адмирала фор Гронтеша, а затем — графа фор Циррента и его племянницу, адмирал выслушивал рассказ сына о положении дел в столице и об участии в оных делах самого Реннара.

Фор Циррент и Фенно-Дераль рассказали ему достаточно, так что интересовали адмирала не столько факты, сколько отношение к ним сына. А если совсем откровенно — Оннару фор Гронтешу хотелось понять, насколько прав Фенно-Дераль, называя Реннара безответственным остолопом, не сделавшим должных выводов из ошибок отца.

По всему выходило, что начальник королевской полиции был даже чрезмерно мягок. Нет, преданность Реннара короне не вызывала сомнений или нареканий, но остальное...

Оннар и сам отличался излишней прямоотой, совершенно не умел ни интриговать, ни распознавать чужие интриги. На чем, собственно, и попался. Но у него был хотя бы жизненный опыт и здравый смысл, а Рени весь состоял из юношеской горячности, гипертрофированного чувства чести и любви к приключениям. В том числе и любовным, что делало его вдвойне уязвимым для интриг, хотя, казалось бы, куда уж больше.

Он не понимал, что его преданность не всегда служит для принца Ларка щитом. Что его горячность может выйти боком не только ему, но и наследнику трона. Он не различал трусость и осторожность, одинаково презирая столь разные понятия.

Что с этим делать, Оннар фор Гронтеш, увы, не знал.

Поэтому, отправляясь через несколько дней с обещанным визитом к фор Циррентам, он собирался поговорить и о сыне тоже. Насколько он помнил сплетни времен собственного сопливого детства, Варрен фор Циррент в молодости тоже был тем еще подарочком. Может, подскажет, есть ли способ подправить досадные упущения в воспитании Реннара. Единственный способ, пришедший на ум самому адмиралу — взять сына младшим офицером на корабль — не годился, ведь, как ни крути, Рени нужен его высочеству.

Однако мысли о сыне ничуть не делали предстоящий визит тягостным. Как ни странно, при всей нелюбви адмирала к светской жизни, к фор Циррентам он отправлялся с удовольствием и даже некоторым предвкушением. С графом он прежде пересекался мало и в обстоятельствах не слишком добрых, и скажи кто, что вне службы начальник Тайной Канцелярии окажется на удивление легким в общении человеком — не поверил бы. А вот поди ж ты, и сам граф, и его кузина, и «племянница» оставили у адмирала фор Гронтеша самое приятное впечатление, и он с удовольствием думал о продолжении знакомства.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Почему-то визит адмирала фор Гронтеша Женя совсем не восприняла, как светское мероприятие. Нет, она прекрасно понимала, что такое «отдать визит», но... может, именно это понимание и мешало? Они-то напросились к адмиралу в гости сугубо по делу, даже по нескольким делам сразу, и уж скорее это можно было назвать оперативно-розыскным мероприятием, чем светским.

К тому же вдвоем придумывать биографию для Джегейль было здорово. Да и вообще

адмирал фор Гронтеш оказался весьма интересным собеседником, так что продолжения знакомства Женя ждала с удовольствием и даже с некоторым предвкушением.

Смущало, правда, что граф не обещал присутствовать: сказал, что «видно будет» и «не при его работе загадывать».

— А это прилично? — уточнила Женя. — То есть, мне почему-то казалось, что посторонний мужчина в доме в отсутствие хозяина...

— С разрешения хозяина, да и не вполне уж посторонний, раз мы были у него приняты, — объяснил граф. — Такой обмен визитами — предельно неофициальный, без других гостей — переводит семьи в более близкое, дружеское состояние. К тому же ты, дорогая племянница, будешь не одна, а со старшей родственницей, иначе это и впрямь смотрелось бы предосудительно.

— Тетушка, — громким шепотом спросила Женя, — а разве репутации моей старшей родственницы уже ничто не грозит? Вы ведь еще совсем не старая! Вполне можете и замуж!

Смеялись до слез. Сквозь взрывы смеха граф грозился и в самом деле выдать дорогую кузину замуж и предлагал им с дорогой племянницей устроить турнир за сердце и руку старшего фор Гронтеша. Женя не отставала, утверждая, что адмирал наверняка вполне завидный жених в своей весовой категории и вообще очень интересный мужчина, а заодно припомнила и шуточку про мужа — моряка дальнего плавания. Тетушка Гелли притворно возмущалась: ей, мол, хватает дорогого братца и милой деточки, и она вовсе не хочет вешать себе на шею оболтуса вроде Реннара. В общем, шутка удалась, а Женя сделала вывод, что к старшему фор Гронтешу и дядя и тетушка относятся вполне неплохо. А вот к младшему, кстати говоря, не очень.

Но шутки шутками, а ударить в грязь лицом не хотелось, и поутру Женя предложила тетушке устроить для гостя ответную дегустацию экзотической кухни. Рис, в конце концов, годится не только для суши. Вот интересно, приходилось ли адмиралу пробовать плов? Если Женя правильно наложила родную кулинарию на местную географию — вряд ли! А графу и тетушке Женин любимый плов со свиными ребрышками очень даже понравился. Значит, вполне можно запускать рецепт в народ!

Тетушка с пловом согласилась, хихикнув:

— Спасибо, что не сырая рыба с водорослями!

— Да ладно вам, — отмахнулась Женя, — подумаешь, водоросли! Их здесь все равно негде взять. Правда, даже странно, что у адмирала запасы, он ведь, вроде, давно невыездной? Разве что под особый заказ привозили, как тот же чай. А вот, кстати, что бы эдакое к чаю подать? Тетушка, как вы смотрите на песочное печенье с изюмом?

В итоге ближайшие два часа Женя всю крутилась на кухне и заодно командовала поварихой. Шкворчало мясо, стучали ножи — морковь резали в четыре руки. Рис Женя промывала сама, попутно рассказывая, что на Огненных островах правильно варить рис учат несколько лет. Честно говоря, откуда она это взяла — сама не помнила, но для поддержания легенды полезно, правда?

Потом занялись тестом. Здесь принято было нарезать печенье полосками, ромбиками и треугольниками, а Женя притащила из буфета бокал и вырезала кружочки. Ну а с духовкой на дровах ей возиться не пришлось. Тем более что в кухню заглянула тетушка и погнала дорогую племянницу одеваться «к гостям».

Откровенно говоря, на таких условиях — с возможностью спихнуть часть работы в умелые руки, а потом всю хвастать результатом — готовить Жене нравилось намного

больше, чем дома. Но сейчас она как-то даже слишком волновалась: все же первый раз кулинарные «приветы из дома» будет пробовать кто-то посторонний. Чай с Ларком не считается, это было скорее хулиганство, чем серьезная попытка угостить вкусненьким...

На самом деле граф почти не сомневался, что спокойно сможет пообедать в кругу семьи. Однако чем уверенней что-то загадываешь, тем вернее случится очередная пакость, смешав все планы. Увы, начальник Тайной Канцелярии был некоторым образом суеверен.

К счастью, сегодня ничто не вмешалось в его планы, и за четверть часа до назначенного срока Варрен фор Циррент выходил из кареты перед крыльцом собственного дома.

Его встретил восхитительный аромат очередных кулинарных экспериментов племянницы. Граф довольно улыбнулся: очевидно, Джегейль решила припомнить адмиралу те жуткие водоросли. Нужно подумать, какое вино выставить на стол.

Но все же, как хорошо, когда тебя заботит не очередной заговор или убийство, не глупая шалость принца Ларка и остолопа Реннара, а всего лишь приятный гость в собственном доме! Надо же, с появления барышни Жени прошло всего ничего времени, а он уже с отвращением вспоминает, как возвращался в пустой дом и проводил вечера в кабинете, довольствуясь единственным собеседником — Ланкеном, и редкими визитами Фенно-Дераля. Сестра и племянница сделали его дом по-настоящему живым. Наверное, так же было бы с женой и детьми — конечно, если бы ему повезло найти жену, понимающую его настолько же, как Гелли, такую же ненавязчивую, уступающую первое место его работе... М-да. Не бывает таких жен.

Из гостиной послышался взрыв смеха.

Оказывается, адмирал уже прибыл и сейчас слушал рассказ о чаепитии у милейшей Дарианы фор Ганц — в исполнении Гелли и с комментариями Джегейль.

— Мужчины, дорогой мой, бывают крайне забавны, — с легкой улыбкой рассуждала Гелли. — Особенно, если это молодые и горячие офицеры. Сначала они заключают дурные пари относительно ничего не подозревающей девушки, а потом почему-то думают, что девушка не узнает о подоплеке их ухаживаний.

— Между тем даже я представляю, как быстро здесь разлетаются слухи, — презрительно фыркнула Джегейль. — Правда, как раз тогда я еще ни о чем не знала. Думаю, дамы изрядно повеселились за мой счет, но я, признаться, не в обиде.

— Да уж ты, деточка, повеселилась не хуже нас.

— Точно. Одни гномы чего стоят!

— Гномы? — переспросил фот Гронтеш.

— Ну да. Понимаете, адмирал, эти brave горные стрелки решили впечатлить меня жуткими историями о злобном маленьком народце, контролирующем горные тропы.

— Дайте догадаюсь, вы в ответ рассказали о ёках?

— Не додумалась, а жаль, — Джегейль рассмеялась. — Я начала рассуждать о дипломатических переговорах с гномами, сохранении военной тайны и третьей силе в войне.

— Кто такие ёкаи? — поинтересовался граф, входя в гостиную. — Приветствую, дорогой фор Гронтеш, рад вашему визиту. Дамы, не пора ли к столу? Пахнет слишком уж аппетитно.

Несколько минут ушли на приветствия, после чего Гелли на правах старшей хозяйки подала руку гостю.

— А ёкаи — это местная нечисть, — по пути в столовую Джегейль все-таки вспомнила о его вопросе. — В смысле, Огненных островов. И правда, как это я не догадалась ответить ими на гномов! Надо приберечь тему на будущее, пригодится. Спасибо за идею, адмирал!

— Пользуйтесь, — отозвался тот. — Но, к слову, я так понял, молодые люди остались в неведении о том, что об их пари уже известно всей столице?

— Да кто ж их знает. Все зависит от того, наверное, пожалеет кто-нибудь этого беднягу Виттенца, или все предпочтут молча развлекаться. Лично я из второй категории.

Граф подавил усмешку: дорогая племянница все же обладала некоторой долей здорового цинизма, и это ему весьма нравилось. Никаких обид ни на само пари, ни на господ офицеров, ни на дам из кружка Дарианы, что не предупредили, зато полная готовность развлечься за счет Виттенца и, скорей всего, Ларка тоже. Ничего, им полезно. А ведь пожелай Джегейль выйти замуж, наверняка воспользовалась бы этим пари не менее хладнокровно.

Мысль о таком исходе графу не понравилась. И не в том дело, что племянница нужна ему для работы — той работе, для которой подойдет милая барышня, замужество не помеха. Но кандидат! Пусть Никодес фор Виттенц из хорошей семьи и сам хоть и остолоп, но не настолько, как, скажем, тот же Реннар, а все же Джегейль слишком хороша для него.

За столом разговор увял: Джегейль предупредила, что ее «плов» нужно есть горячим, «с пылу, с жару», так что все оказались слишком заняты дегустацией. А после, за чаем, вполне предсказуемо заговорили об иноземной кухне. Адмирал увлекся расспросами, Джегейль азартно отвечала, по своему обыкновению перескакивая с одного на другое, вспоминая то свои любимые «мультки», на этот раз о джиннах, бедняках и красавицах, то довольно грустные короткие притчи о каком-то Ходже Насреддине, которые ей самой почему-то казались смешными... Впервые граф фор Циррент не пытался вычленив из ее рассказа полезные сведения, а просто слушал. Отметил, что мучившие барышню в первые дни и недели приступы тоски по дому вроде бы прекратились, сменившись искренним интересом к новому для нее миру. Подумал, что не миновать ему хотя бы одного бала, и эта мысль, на удивление, не вызвала протеста. Поучаствовал в разговоре, когда адмирал посетовал на излишнюю горячность сына: «Пороть поздно, в юнги определять тоже, остается надеяться на то, что жизнь научит».

— Думаю, дорогой адмирал, ваш Рени повзрослеет только вместе с Ларком, точнее, вслед за Ларком. И вы правы, воспитывать их уже поздно, даже его величество, между нами говоря, уже не пытается учить внука разумности.

— Да ладно вам, — фыркнула вдруг Джегейль, — Ларк нормальный.

Гелли негромко рассмеялась:

— В первую вашу встречу ты так не думала.

— Так ведь поддается разумным доводам, — серьезно возразила Джегейль, — не упертый какой. Ну да, иногда натуральный детский сад, и этот ваш Рени, судя по тому, что я о нем слышала, такой же, но не безнадёжный же. Знаете, есть в нашем мире такая фразочка: «молодость — это недостаток, который быстро проходит».

Теперь уже рассмеялся граф:

— Джегейль, я тебя умоляю! Не знаю, радоваться или огорчаться, что принц Ларк не слышал столь убийственной характеристики. Вот вроде и заступилась, но... — он махнул рукой, не в силах сдерживать смех.

— Если насчет детского сада, так я ему и в лицо при случае скажу, — зловеще

пообещала Джегейль. — Спорим, у него хватит ума сначала долго молчать о Виттенце и пари, потому что неспортивно, а потом прийти ко мне извиняться?

— Пари в ответ на пари — это по-нашему! — восхитился граф. — Но я, пожалуй, воздержусь. Ты выдала самый вероятный прогноз.

— Ну так! — Джегейль демонстративно задрала нос и тут же рассмеялась, мгновенно растеряв напускную важность.

Давно Варрен фор Циррент не наслаждался так искренне и от души простым домашним теплом и приятной беседой без всяких задних мыслей. И, разумеется, очередная внезапная пакость не замедлила случиться ровно в ту минуту, когда он подумал о том, что день на редкость хорош.

Ланкен вошел в гостиную с виноватым выражением лица:

— Господин граф, слуга господина адмирала просит впустить. Говорит, нечто чрезвычайное.

— Сюда его, — резко кивнул граф. Подумал зло: если снова Реннар что-то учудил, лично посоветует старшему фор Гронтешу выпороть остолопа. Но за злостью маячила другая мысль, порожденная всеми событиями последнего месяца: лишь бы не очередной убийца.

— Господин... — вошедший парень мялся, явно не смея говорить при начальнике Тайной Канцелярии.

— Что случилось? — тихим и словно заледенелым голосом спросил адмирал.

— Там это... Труп какой-то. Линара пошла в гостиную убраться, а он того, лежит.

— Кто? — от короткого вопроса даже у графа словно льда за ворот насыпали.

— Так труп же! В кровище весь и рукой скребет.

Гелли вздохнула:

— Пойдем, деточка. Это мужские разговоры.

— Погодите, — графа словно под руку толкнуло: наитие, точное знание, что барышня будет там нужна. — Джегейль, я прошу прощения за неподобающую просьбу, но ведь ты не боишься трупов?

— Магию глянуть? — с полуслова поняла та. — Конечно, не вопрос. Я готова.

— Ланкен, прикажи подать карету и пошли кого-нибудь за Фенно-Дералем. Пусть подъезжает сразу к фор Гронтешам. А теперь, пока ждем карету, еще раз. Что за труп, как выглядит, откуда взялся?

— Так это, не могу знать, — развел руками парень. — Линара как завизжит и в обморок, а я заглянул и сразу за господином, ему, чай, виднее, что делать.

— Разумное решение, — вздохнул фор Циррент. — Ладно, посмотрим на месте. Знаете, дорогой адмирал, есть у меня ощущение, что кому-то в столице вы категорически мешаете.

У Жени было ощущение, что кому-то категорически мешает не адмирал, принц и прочие политические фигуры Андара, а только и исключительно ее, Жени, спокойная жизнь. Сначала труп в Чародейном саду, теперь — в доме фор Гронтешей, не говоря уж о том, что в промежутке она чуть не стала трупом сама, хоть и заодно с Ларком. Конечно, нет ничего страшного или опасного в просьбе осмотреть очередного мертвяка на предмет следов от магии. Но и приятного мало!

— Такой прекрасный день был, и нате вам, — пробурчала она, забираясь в поданную к крыльцу карету. По крутым узким ступенькам довольно сложно оказалось подняться в платье, даже несмотря на то, что граф осторожно поддержал ее под локоть. Коляска, в

которой они катались с тетушкой, была намного удобнее, но Женя прекрасно понимала, что сейчас закрытая карета уместнее. Хотя еще уместней было бы переодеть ее в брюки и камзол и выдать за парня — вот только с этим ее мнением все равно никто бы здесь не согласился.

— Поверь моему опыту, дорогая Джегейль, чем прекрасней день, тем больше шансов на отвратительный вечер. Тишина — не повод расслабляться.

— Это у вас профессиональное.

Граф казался раздосадованным, и Женя искренне ему посочувствовала. Но ведь действительно, профессиональное! А как хорошо сидели...

И об адмиральском поваре она расспросить не успела...

Стучали по мостовой копыта, тархтели колеса, в уголке сжался парень, принесший весть о трупе — ему наверняка было сильно не по себе оказаться в карете с господами, но выпускать его из вида граф категорически не захотел. Свидетель все же.

Ехали молча.

Карета подвезла их к самому входу в особняк, но граф не позволил сразу войти, попросив для начала показать окно гостиной. Оно оказалось открыто, на поднятой раме плясали острые разноцветные искры.

— Заклинанием открыли? — спросила Женя, сообщив о том, что видит. — Слушайте, но если у вас здесь есть такие чары, что толку в запорах? Тогда и запирать все нужно магией?

— Чары запрещенные, — сообщил граф.

«Еще бы они были не запрещенными», — фыркнула Женя. А вслух спросила:

— И что, тем, к кому вот так залезли, легче от того, что нарушен не один закон, а два?

— Мой дед ставил здесь защиту от магического взлома, — сообщил адмирал. — При отце ее обновляли, но теперь... — он развел руками.

— А что теперь? — не поняла Женя.

— Несколько лет назад принят эдикт, ограничивающий применение магии, — напомнил граф то, что Жене уже говорили — вот только она, как выяснилось, придала этому факту куда меньшее значение, чем следовало. — Поговорим об этом дома, Джегейль. Я объясню. А сейчас давайте, наконец, посмотрим, что там за труп.

Труп, руками уже не скребущий и абсолютно бездыханный, обнаружился в той самой гостиной, где они так славно посидели с чаем и суши несколько дней назад. Невысокий полноватый мужчина средних лет лежал навзничь, раскинув руки и неестественно задрав голову. На лице был написан ужас. На темной одежде не было видно крови, но на пол ее натекло изрядно. Как подумала Женя, намного больше, чем могло бы натечь из раны, из которой все еще не выдернут меч.

Меч торчал в груди. Та самая катана, от которой Женя в первое посещение дома фор Гронтешей не могла отвести взгляд. Зачерненный клинок дрожал, и Жене послышалось низкое, на грани даже не слышимости, а чутья, гудение. Темная аура вокруг клинка стала ярче, но теперь в ней преобладали алые и багровые всполохи. Меч напился крови и торжествовал, и готов был убивать снова.

— Что-то Фенно-Дераль запаздывает, — спокойно и даже как будто задумчиво сказал граф. — Джегейль, ты в порядке?

— Мне, как бы сказать, жутковато, — призналась Женя. — Вы к нему не подходите только, ладно?

— И в мыслях не было, — уверил граф. — Хотя если бы ты в тот раз не сказала, что он

проклят...

— То это сказал бы сейчас я, — мрачно прервал адмирал. — Я понимаю, насколько все это подозрительно выглядит, но, господин граф, даже если предположить, что я преступник, это еще не значит, что я глупец. Вы же не думаете, что я допустил бы вашу смерть в моем доме?

Граф отвел взгляд от Жени и посмотрел на адмирала, и Женя невольно поежилась: почудилось, что даже воздух между ними заискрил. Вот теперь ей стало не просто «жутковато», а по-настоящему жутко, и как толкнуло что-то: разбить повисшее вдруг тяжелое молчание, как угодно, чем угодно!

— Да ладно вам, господин адмирал, — она сглотнула, — по-моему, если предполагать, что все это вы подстроили, это как раз и значит считать вас дураком. А вы, мне кажется, не дурак. Хоть и темните, конечно, по-страшному.

Теперь и граф, и адмирал смотрели на нее, причем с очень похожими выражениями лиц, внешне спокойными, но с легко читаемым изумлением. И Женя, мысленно перекрестившись, продолжила:

— А с другой стороны, просто и других тем хватало. Но теперь-то вы нам расскажете, правда?

— О чем? — спросил адмирал, и практически одновременно с ним граф тоже не выдержал:

— Джегейль, ты о чем?!

— Об этом, наверное, — Женя кивнула на черный меч. — А вообще вам видней, о чем. Но, господин адмирал, ну правда, нужно же выяснить, кому вы так разносторонне нравитесь!

ГЛАВА 8, в которой выясняется, чего боится Реннар фор Гронтеш

Начинать допрос без Фенно-Дераль граф фор Циррент не хотел: все же трупы — в ведении полиции, а не Тайной Канцелярии. Его участие в расследовании оправдывалось лишь тем, что здесь либо копали под адмирала фор Гронтеша, либо тот и сам был замешан в какой-то интриге. Однако сгустившееся напряжение можно было чуть ли не руками трогать, и граф решил, если Грент не появится в ближайшие минуты, брать дело в свои руки.

Как раз в этот момент в гостиную вошел, наконец, Фенно-Дераль в сопровождении, как ни странно, доктора Заккендаля.

— Наконец-то, — проворчал граф. — Доктор, а вы какими судьбами? У вас, как я помню, дежурство должно быть завтра?

— Твоего доктора я сманил на сегодня к себе консультантом совсем для другого дела, — буркнул Фенно-Дераль. Обвел гостиную внимательным взглядом и, увидев Джегейль, спросил скорее ехидно, чем сочувственно: — Барышне в очередной раз повезло оказаться не в то время не в том месте?

— Нет, я вроде как на правах эксперта, — ответила Джегейль. — Здравствуйте, господин Фенно-Дераль. Здравствуйте, доктор.

Заккендаль покивал, не отводя взгляда от трупа.

— Работайте, доктор, — приказал Фенно-Дераль. — Господин фор Гронтеш, рассказывайте.

Свой по-военному точный и емкий даже не рассказ, а доклад адмирал начал с предупреждения не прикасаться к мечу, добавив:

— Я сам уберу его, когда сочтете нужным.

Дальнейшее сводилось к тому, что фор Гронтеш отдавал визит семейству фор Циррентов, узнал о происшествии, будучи в гостях, убитого не опознает и о своих возможных врагах в столице ничего не знает, так как слишком долго был оторван от политической жизни. Но готов всячески содействовать расследованию, поскольку происходящее ему решительно не нравится. Фенно-Дераль отрывисто кивнул и приступил к допросу.

Слушая краем уха, Варрен фор Циррент наблюдал за Джегейль. Мертвец в луже крови с торчащим из груди мечом — зрелище не для юной девушки. Может, не стоило брать ее с собой? Хотя ее восприятие магии уже помогло...

— Доктор, стойте!

От вопля Джегейль граф дернулся, Фенно-Дераль с фор Гронтешем обернулись, а Заккендаль замер в неловкой позе, склонившись над трупом, словно его на середине движения настиг паралич. Стандартная процедура осмотра, проклятого меча он коснуться не должен, с чего паника?

— Доктор, отойдите, — дрожащим голосом приказала Джегейль. — Господин адмирал...

— Я ведь предупредил — не касаться!

— Я, простите, и не думал...

Доктор попятился, адмирал шагнул к трупу, Джегейль прищурилась, глядя на клинок, и

спросила:

— Господин адмирал, вы уверены, что сейчас для вас безопасно его касаться? Мне что-то не нравится... Он злится.

— Вот что, Джегейль, отойди сама подальше, — не выдержал граф. — И объясни толком, что не так.

Джегейль попятилась медленно и плавно, как отступают от готового напасть пса.

— Когда мы здесь были в прошлый раз, он выглядел не так. Понимаете, тогда была как будто черная радуга. То есть тьма, но со всеми цветами радуги. Страшно, но красиво. Он притягивал. А сейчас... Я не знаю, как объяснить. В нем кровь и злоба. Рядом с ним становится жутко.

— Не тревожьтесь, — мягко сказал фор Гронтеш. — Черный Лотос злится на тех, кто посмел послать за ним вора. Я его законный владелец.

Его ладонь сомкнулась на рукояти, изогнутый клинок легко выскользнул из мертвого тела, уронив с десяток тяжелых алых капель. Короткая фраза на незнакомом языке прозвучала зловеще, хотя голос адмирала был спокоен. Два шага до стены, еще слово, произнесенное словно бы с извиняющимися интонациями, и проклятый меч висит на своем месте, как ни в чем не бывало. И ни следа крови на клинке.

Джегейль выдохнула с видимым облегчением, Фенно-Дераль пробормотал что-то о дурацких спектаклях, Заккендаль сглотнул и осведомился, может ли он продолжить осмотр.

— На нем еще какая-то магия, — сказала Джегейль. — Не от меча. Похожая на то, чем он окно открывал. Такое... колючее, что ли. Не знаю, опасное или нет. Все-таки, господа, вам остро нужен нормальный маг. Который будет понимать, что именно он видит.

— Где бы еще взять такого, которому можно доверять, — откровенно пояснил Фенно-Дераль. И вдруг задумался, протянув: — Хотя... хм... а знаете, господа, есть у меня одна идея. Вот что, доктор, вы этого покойничка пока оставьте, не убежит, а поезжайте-ка в гильдию магов, найдите там одного трепетного юношу, наймите его для разовой частной консультации и везите сюда. Будет упираться — сошлетесь на меня, но так, чтобы никто не слышал. Подмастерье первого уровня Тил Бретишен, запомнили? А я тем временем очень хотел бы услышать от вас, господин фор Гронтеш, объяснения.

Адмирал с некоторым сомнением посмотрел на труп, на Джегейль и предложил:

— Пройдемте в кабинет, господа. Раз уж вы притащили девушку любоваться на мертвеца, не стоит продлевать ей это удовольствие сверх необходимого.

— Варрен, отправьте вы ее домой, — тихо предложил Фенно-Дераль.

— А какая разница? — мрачно спросила Джегейль. — Я как бы все, что можно, уже увидела, немного поздно оберегать нервную систему. И потом, вдруг еще что-нибудь нужно будет глянуть? Лучше чаем угостите.

Насчет нервной системы Женя не шутила. Ей вообще было не до шуток: такой жути она давно не испытывала. Может даже, вообще никогда. На самом деле она с преогромным удовольствием сбежала бы отсюда домой под тетушкино крыло, вот только дома ей наверняка станет еще хуже, чем здесь. Там или рассказывать весь этот ужас тетушке, то есть заново его переживать, а потом вдвоем волноваться за графа, или молчать, потому что наверняка же тайна следствия, но тогда сходить с ума одной. Здесь она, по крайней мере, точно будет знать, что трупов не прибавилось.

В том, что черный меч вполне способен убить любого, кто подойдет слишком близко,

она почему-то даже не сомневалась. Стопроцентно уверена была, что Заккендаля спас только ее окрик. А если бы она в тот момент отвернулась? А если бы ее здесь не было, а граф решил не ждать Фенно-Дераль?

— У меня слишком богатое воображение, — пробормотала Женя. Хотелось обхватить себя руками, влезть в кресло с ногами, свернуться в клубочек и сидеть. Все-таки одно дело — не бояться трупов, и совсем другое — понять, что человек чуть не погиб у тебя на глазах. Причем совершенно по-идиотски, не от рук убийцы, как могло бы быть с принцем — тогда она, кстати, испугалась почему-то намного меньше! — а просто по неосторожности. «Несчастный случай на производстве», как классифицировали бы такое, наверное, в родном мире. Все-таки магия — это не шуточки, это на самом деле очень страшно.

Принесли чай. Женя обхватила чашечку из тонкого фарфора ладонями, вдохнула. По рукам побежало тепло.

— Я и в самом деле предпочел бы отправить тебя домой, но... — граф замялся.

— Но я могу быть еще нужна здесь, — в тон ему договорила Женя. — Все нормально, дядюшка, я понимаю. Я просто испугалась.

Женя пила чай крохотными глотками, чувствуя, как с каждым глотком по телу расходится тепло, отгоняя противную дрожь. Сжаться в комок и укрыться с головой одеялом ей точно уже не хотелось. Трое мужчин молчали, поглядывая на нее с ощутимым сомнением. Наверное, думали, уместно ли при ней заниматься расследованием, и не спровадить ли, и в самом деле, домой.

Нарушил молчание Фенно-Дераль: как видно, начальник полиции принял решение в ее пользу.

— Скажите, господин фор Гронтеш, как себя чувствует ваш сын? Мне хотелось бы, чтобы он тоже взглянул на убитого. Вы его не опознали, но вас давно не было в столице, а Реннар успел нажить себе немало врагов.

— Он уже встает, хотя еще довольно слаб.

Адмиралу предположение явно не понравилось, но, кажется, он счел его правдоподобным. Или, по крайней мере, заслуживающим внимания.

— Давайте пройдем к нему, господин фор Гронтеш, — Фенно-Дераль поднялся, не дожидаясь согласия. — Я задам ему несколько вопросов, а потом пусть посмотрит на труп.

Граф остался с Женей, и она была этому рада. Без него, наверное, вся извелась бы от страха, а так — сидела, пила чай. Как будто она здесь просто в гостях. А что руки трясутся — ну, простите. Она все-таки девушка, а не терминатор.

— Впервые вижу барышню с такими крепкими нервами, — пробормотал Фенно-Дераль, пока они с адмиралом поднимались на второй этаж к комнате молодого фор Гронтеша.

Адмирал покачал головой:

— Полагаю, это не столько крепкие нервы, сколько привычка держать себя в руках. Возможно, барышня фор Циррент считает неприемлемым для себя показать испуг, но она испугана. Впрочем, не стоит обсуждать барышню за глаза, мы ведь не юнцы вроде тех, кто просиживает зиму в Офицерском Собрании.

Фенно-Дераль беззвучно хмыкнул, подумав, что среди тех юнцов сын его собеседника занимает отнюдь не последнее место — и в разговорах, и в безрассудствах. Между тем адмирал открыл дверь в комнату и жестом пригласил войти.

Младший фор Гронтеш полусидел, утопая спиной в подушках, и рассеяно листал книгу. Фенно-Дераль узнал обложку недавно вышедшего романа, растопившего сердца (а по мнению некоторых, и мозги!) половины столичных дам и почти всех барышень, и едва удержал на языке колкость. Впрочем, увидев отца в сопровождении начальника полиции, Реннар тут же отложил книгу и ошутимо подобрался.

— Что-то случилось?

Фенно-Дераль задумчиво оглядел молодого фор Гронтеша. Юноша выглядел куда лучше, чем при прошлой их встрече, и явно шел на поправку. Более всего это отражалось в упрямом взгляде, которым он встретил взгляд гостя. Неприязнь, казалось, можно было пощупать.

— Все еще намерены вызвать меня? — не удержался от шпильки Фенно-Дераль. — Вижу, вам лучше. А я, как всегда, с вопросами о ваших предполагаемых врагах.

Юнец вздернул подбородок:

— Вряд ли их прибавилось с нашей прошлой встречи.

— О, я не сомневаюсь, что вы способны заводить себе врагов и лежа в постели. Но, возможно, на этот раз правы вы, а не я, и проблемы создают старые враги, а не новые. В таком случае хочу заметить, что вы плохо следите за вашей коллекцией недоброжелателей. Итак, герцог, подумайте хорошенько, прежде чем кричать «нет»: кто из ваших врагов настолько желает вашей смерти, что не погнушался бы нанять убийцу?

— Я уже говорил вам, что у меня таких врагов нет.

Судя по быстроте ответа, просьбу подумать Реннар привычно проигнорировал. Что и следовало ожидать.

— Хорошо, примем за рабочую версию, — с деланным смирением вздохнул Фенно-Дераль. — В таком случае нам остаются либо враги вашего отца и вашей семьи в целом, либо враги государства. Есть мысли по этому поводу?

— А что случилось? — уже куда более встревоженно повторил Реннар. И одновременно с ним спросил адмирал:

— Вы исключаете возможность того, что это был вор?

— У меня есть причины считать это маловероятным. Согласитесь, адмирал, для банального воровства слишком уж запредельный риск. Герцог, вы уже встаете с постели?

— Да.

— В вашей гостиной лежит труп. Вы в состоянии спуститься взглянуть?

Реннар сел, спустив босые ноги, едва заметно поморщился.

— Да, конечно.

Нашарил мягкие домашние туфли. Адмирал помог ему накинуть халат, сказал вполголоса:

— Если это воровство, то, разумеется, не банальное. Видите ли, господин Фенно-Дераль, Черный Лотос — очень ценный приз. За обладание им не раз убивали. Единственный минус этой версии — в Андаре некому желать власти над этим мечом. Если это вор, то его след должен вести на Огненные острова.

Вот только этого не хватало...

Вниз спускались медленно: видно было, что Реннару каждый шаг дается с трудом. Тем не менее, Фенно-Дераль позволил себе задать еще один вопрос:

— Герцог, а вы что скажете об этом мече?

— О каком мече? — удивление в голосе юноши казалось неподдельным.

— Мой сын еще не видел его, — объяснил адмирал.

Однако...

— Позвольте поинтересоваться, а что было бы, если бы ваш сын или любой из домочадцев проявил интерес к этой, несомненно, заслуживающей внимания вещице?

— Уверяю вас, равным счетом ничего. Здесь все дело в намерениях. — Адмирал вдруг усмехнулся: — Видели бы вы, какой интерес проявила к нему барышня фор Циррент в свое первое посещение. Любовь с первого взгляда. Глаз с него не спускала. А он, по-моему, был только рад вниманию. Право же, я едва не решил, что он красуется перед барышней. Впору было заревновать.

Реннар покосился на отца почти с ужасом:

— Отец, вас посещают барышни?

Улыбка старшего фор Гронтеша стала шире, а голос наполнился ощутимым ехидством:

— Сын мой, вы беспокоитесь о моей репутации или боитесь, что я все же решил вас женить?

— О репутации барышни, — буркнул себе под нос Реннар. И тут же добавил торопливо: — Отец, я решительно против! Я еще... м-м-м... не созрел для женитьбы!

— Для чего ты созрел, а для чего нет, мы поговорим позже, — пообещал адмирал, и Фенно-Дераль почувствовал себя отмиренным. Вот чем, оказывается, нужно грозить молодым остолопам, чтобы их проняло до печенок!

К счастью для Реннара, наконец, дошли до гостинной. Юноша, все еще опираясь на отца, осмотрел труп и обернулся к Фенно-Дералю:

— Не знаю его. Совершенно незнакомое лицо, почти уверен, что даже мельком никогда не пересекались.

— Благодарю, — кивнул Фенно-Дераль. — Теперь, господин адмирал, хотелось бы разобраться, что все же не так с этим вашим мечом.

— Я уже обещал графу фор Цирренту рассказать. Реннар, тебе я расскажу позже. Или можешь присоединиться к нам, но тогда придется одеться, негоже выходить к гостям в подобном виде.

— Отец, да я скоро опухну от скуки! Если господин Фенно-Дераль не возражает против моего присутствия и не откажется немного подождать...

— Разумеется, — быстро согласился Фенно-Дераль. А почему нет, в самом деле? Все равно ждать, пока Заккендаль привезет мага, так почему бы не полюбоваться на физиономию Реннара в тот миг, когда отец представит его барышне фор Циррент.

Предпринимать какие-либо шаги в отношении сына и барышни фор Циррент у адмирала Оннара фор Гронтеша и в мыслях не было. Не то чтобы эта партия казалась ему неподходящей сама по себе, но помилуйте, Джегейль и Реннар! Насколько он успел узнать девушку, повадки Рени будут ее либо забавлять, либо раздражать. Возможно, то и другое одновременно. У нее наверняка хватит искренности объяснить молодому человеку, чем ее не устраивает его общество. А Рени слишком легко вспыхивает даже от воображаемой обиды.

Но Реннару об этих мыслях отца знать необязательно. Пусть подергается, представляя, как уже завтра отец начнет переговоры о помолвке! А то совсем разболтался без отцовского присмотра, гонору на трех герцогов хватит, а ума так и не набрался. Одно его поведение с Фенно-Дералем чего стоит. Как бы ты ни относился к виконту лично, но начальнику королевской полиции, честно исполняющему свои обязанности, изволь содействовать! Таков

твой долг как подданного.

Однако воспитывать сына словом — слишком поздно. Как бы он ни уважал отца, но при таком характере нравов учения наверняка будут восприняты в штыки. Да и не мальчик уже. Придется обтесывать делами. И страхами, куда ж без этого. Вам так мила ваша юношеская свобода, дорогой сын? Что ж, посмотрим, как вы за нее поборетесь.

Поэтому старший фор Гронтеш приглашал младшего в кабинет, удерживая на лице откровенно сомневающееся выражение. Мол, на самом-то деле нечего вам там делать, дорогой сын, в обществе взрослых людей, занимающихся серьезным исследованием.

Обидой от мальчишки аж полыхнуло, даже слабость куда-то делась, к себе поднимался, скрипя зубами, но не сбавляя темпа. Вот и прекрасно. Все лучше, чем романчики листать, изнывая от безделья. Нет бы какое достойное чтение, мало ли в доме книг, полезных для офицера или путешественника, да и просто для наследника знатного рода. А он выбрал то, чем сможет мутить головы девицам. В дамских салонах разговоры поддерживать! И это его сын, уже отличившийся в боевых действиях, мечтающий быть полезным своему принцу, а в дальнейшем и королю...

Прав Фенно-Дераль. Остолоп.

До кабинета Рени ковылял с таким упрямым лицом, что в отцовском сердце едва не проснулась жалость. «Ничего, потом отлежится», — утешил себя адмирал. В конце концов, даже если не брать в расчет воспитательный момент, дело достаточно серьезно и может затронуть честь семьи. Сын и наследник должен быть в курсе всех обстоятельств.

Но, обстоятельства обстоятельствами, а старший фор Гронтеш с изрядным трудом сохранил серьезность, открыв перед сыном дверь в кабинет. Очень уж выразительная получилась, как в театре говорят, мизансцена.

Граф фор Циррент, с исключительно мрачным видом рисуя что-то на листе бумаги.

Фенно-Дераль, нетерпеливо поглядывающий в окно.

Барышня фор Циррент с чашкой чая в ладонях, уже не такая напряженная, а на неопытный взгляд так и вовсе вполне безмятежная.

И откровенная паника в глазах Реннара.

Фенно-Дераль повернулся на звук открывшейся двери, граф поднял голову, и адмирал мгновенно понял, что они тоже заметили панику Рени. И, более того, совершенно правильно оценили ее причину.

Однако затягивать паузу было бы слишком мелодраматично, и потому адмирал предельно официально произнес:

— Виконтесса фор Циррент, позвольте представить вам моего сына Реннара.

Бедняге Рени ничего не оставалось, кроме как поклониться и уверить, что он счастлив знакомству. Барышня же улыбнулась почему-то не ему, а самому адмиралу, насмешливо и вроде как с пониманием, а потом оглядела Рени откровенно оценивающим взглядом, выдержала паузу и слегка склонила голову:

— Наслышана о ваших подвигах и заслугах, господин Реннар фор Гронтеш. Полагаю, это будет весьма интересное знакомство. Благодарю вас, адмирал.

ГЛАВА 9, в которой адмирал фор Гронтеш рассказывает историю Черного Лотоса, а тетушка Гелли заботится о племяннице

Тот самый Реннар фор Гронтеш, остолоп Рени, верный друг принца Ларка, герой тетушкиных сплетен и, судя по тетушкиным же рассказам, девичьих грез, оказался, на взгляд Жени, довольно забавным парнем. Моложе, чем она думала — да что там, пацан пацаном, лет двадцать, не больше! Мысли свои при себе держать даже если и умеет, толку в том ноль, на лбу все написано. Сейчас, в частности, на его очень даже выразительном лице легко читались обида на отца и некоторая паника, виной которой не труп в гостиной и не расследование шефов королевской полиции и Тайной Канцелярии, а она, Женья. И вот как тут, спрашивается, не умилиться?

Маневры адмирала Женья прекрасно поняла, ведь только сегодня говорили с ним о воспитании юных остолопов, хоть и кажется с этим чертовым трупом, что сто лет с того разговора прошло. Поняла, пообещала себе спросить у тетушки, насколько это может быть серьезно, а пока что с удовольствием подыграла. Поймала одобрительный взгляд начальника полиции, благодарный — адмирала и вопросительный — дядюшки, улыбнулась всем сразу, дождалась, пока адмирал поможет сыну сесть в кресло, и спросила:

— Господин адмирал, вы ведь хотели рассказать о мече?

Атмосфера в кабинете мгновенно стала серьезной, даже Реннар явственно сосредоточился.

— Я даже обещал вам легенду, — кивнул адмирал, — помню. Однако сейчас, полагаю, уместнее факты. — Он задумался ненадолго, признался: — Хотя и факты не все достоверны. Черному Лотосу больше четырехсот лет, поди разберись, где в его истории правда, а где вымысел.

— Давайте ограничимся теми фактами, в которых вы уверены, — жестко предложил начальник полиции. — Как меч попал к вам, какие на нем чары, кто может за ним охотиться и каким образом он оказался в груди вора.

«Суров мужик, точно все нужное обозначил», — восхищенно подумала Женья. Хотя она и легенду бы с удовольствием послушала... но, пожалуй, не сегодня.

Адмирал кивнул.

— Все же небольшая вводная. Оружие на Огненных островах делится на несколько рангов. Предназначение — для простолюдинов, для воинов, для знати — то, что можно определить сразу же, по внешнему виду меча, я бы сказал, первый уровень его ценности. Второй — из рук какого мастера вышел меч, какими ритуалами мастер его усиливал. Третий — я бы это назвал послужным списком. Скольких он убил, кого и как, насколько верно служил владельцам, и сколько лет, десятилетий или веков длится его история. Это очень упрощенно, но вам подробности, как я понимаю, не нужны. Я упоминаю это лишь для того, чтобы было ясно — если у нас оружие может быть дорогим и дешевым, и это исключительно вопрос качества, то там все иначе. Парадный меч знатного придворного может стоить куда меньше простого на вид клинка какого-нибудь разбойника. Так вот, Черный Лотос — в высшей категории по всем возможным параметрам. Меч-легенда. Меч, имеющий имя. Я

даже не могу объяснить, насколько это важно.

— Бесценный, — тихо подсказала Женья. — Если уж переводить в категории «дорогое-дешевое».

— Да, — согласился адмирал. — Бесценный. Владеть им — невероятная честь. Ему кланяются после боя. Если он будет сломан, его похоронят с почестями. Он не должен был попасть в руки чужеземца. Так уж вышло, что Черный Лотос признал меня, и, поверьте, для меня это было такой же неожиданностью, как для прочих свидетелей.

Почти незаметная пауза перед «свидетелями» показалась Жене очень красноречивой. Настолько красноречивой, что она снова не выдержала, фыркнула тихонько и спросила:

— Кто-нибудь из свидетелей остался в живых?

— Барышня, это был мой вопрос, — сообщил Фенно-Дераль.

— Ой... Простите. Я вообще риторически спрашивала...

— В таком случае я спрошу не риторически. Господин фор Гронтеш, верно ли я понял, что на Огненных островах этот меч приравнен к сокровищу? И многие ли могут знать, где это сокровище сейчас?

— Ответ на первый вопрос «да», на второй «не знаю», — адмирал виновато развел руками. — Меч признал меня в бою, когда я один оставался на ногах, а положение было безнадежным. Я, признаться, вообще тогда не осознавал, что делаю. Все мы были изранены, мой клинок сломался, и я... — Его взгляд остановился на Жене, но почему-то казалось, что видит адмирал что-то другое. — Прошу прощения, эти подробности не для девушки. Слишком кровавые.

Женья пожалала плечами, поймав на себе одинаково озабоченные взгляды дядюшки и Фенно-Дералья.

— У меня богатое воображение. Поверьте, я могу сейчас выйти и не слушать, но того, что уже услышала, достаточно, чтобы вообразить себе кучу ужасов. Может быть, даже более ужасных, чем то, что происходило на самом деле.

— Хорошо, — глухо и словно бесцветно продолжил адмирал. — Со мной тогда было несколько человек из местных, я даже по именам их не знал. У нас просто возникло общее дело, а вскоре объявился и общий враг. Бой был, как я уже сказал, почти безнадежным. Думаю, если бы не Черный Лотос, нас бы всех там и закопали. Мои умения и его сила оказались, так скажем, неожиданным сочетанием. Я перехватил тогда клинок моего спутника, как будто мою руку кто-то вел. Как будто я заранее знал, где именно, в какой точке пространства в этот миг будет рукоять. На рукояти все еще сжимались пальцы его руки. Отрубленной. Может, поэтому так вышло. Может, потому что наша с ним кровь впитывалась в рукоять, пока ему перетягивали руку, а я не подпускал врагов. У мечей с именем собственная воля, никто не знает, как они выбирают владельцев, почему одним служат верно, а других покидают. Возвращаясь к вашим вопросам — я не знаю, многие ли еще живы из тех, кто видел Черный Лотос в моих руках, но достаточно и одного, чтобы тайна перестала быть тайной. Я не знаю точно, какие чары и заклятия на этом клинке, этого никто не знает доподлинно, есть только легенды. Но в грудь врага он вполне способен вонзиться и сам.

Виконт Фенно-Дераль в разумное оружие не верил. Нет, он не стал бы спорить, что в дальних странах много может встретиться такого, о чем и слышать не слыхивали в Андаре. Но как начальник королевской полиции он мог с уверенностью утверждать, что за любым

преступлением стоит исключительно человеческая воля.

И здесь возникало противоречие: адмиралу фор Гронтешу Фенно-Дераль склонен был верить. Несмотря на тот очевидный факт, что в его рассказе просматривалось несколько явных недоговорок и неточностей. Но, опять же с точки зрения начальника полиции, любое противоречие означает лишь то, что, по меньшей мере, один важный для понимания факт остается неизвестным. Раскопай недостающее, и все станет понятно и доказательно.

Сейчас неизвестным оставалось слишком многое, даже предположения строить было рано, не говоря уж о более-менее серьезных выводах. Поэтому разговор по душам с адмиралом Фенно-Дераль отложил до того момента, когда проявятся личность и мотивы убитого. А пока, в ожидании возвращения Заккендаля с магической поддержкой, незаметно отдал инициативу Варрену и его весьма непростой «племяннице».

Адмирал был прав, барышня нервничала и боялась. Но, вот что интересно, ее страх выливался не в истерику или показную слабость с обмороками, а в желание досконально понять, что происходит. «Наш человек», — одобрительно улыбнулся Фенно-Дераль, когда Джегейль, дослушав излишне, на его взгляд, красочный рассказ, пожала плечами и совершенно спокойным тоном озвучила самое вопиющее противоречие:

— Но, господин адмирал, если бы Черному Лотосу не нужна была рука человека на рукояти для того, чтобы сражаться, он бы и в том бою покрошил всех ваших врагов без всякого вашего участия. Тут уж или — или.

Адмирал лишь руками развел, то ли отказываясь отвечать, то ли признавая, что чего-то не знает. Но Фенно-Дераль не собирался забывать это противоречие: в конце концов, он — не барышня фор Циррент, на его вопросы отвечать обязаны.

— А ваш повар имеет отношение к этой истории? — снова влезла барышня.

— Повар? — невольно переспросил Фенно-Дераль. — А что такое с вашим поваром, адмирал?

— Не имеет ни малейшего отношения, — ответил фор Гронтеш барышне. — С ним нас связало совсем другое приключение.

Слишком решительно ответил, вопрос ему, похоже, не понравился. Начальник королевской полиции сделал в уме пометку: «повар, выяснить». Тайны адмирала фор Гронтеша ему категорически не нравились: чем больше тумана, тем сложнее определить мотивы и цель преступления.

Кажется, барышня собралась еще что-то спросить, но тут явился Заккендаль с магом. Вот уж точно, вовремя — вопросы барышни были вполне по делу, но тем хуже, дело расследует не она, нечего лезть. Варрен уже поймал сердитый взгляд и наверняка понял, чем недоволен его друг. Осаживать девушку вслух не хотелось, тем более что Фенно-Дераль запомнил все ее вопросы и собирался повторить их адмиралу столько раз, сколько понадобится, наедине и в более располагающей для ответов обстановке. А пока можно вернуться в гостиную и заняться, наконец, осмотром трупа.

Подмастерье первого уровня Тил Бретишен уже не боялся начальника полиции до бледности и трясущихся коленок, но в рот смотрел и просьбы готов был выполнять, как приказы. Оно и ясно: при новом верховном магистре парню светило еще меньше, чем при прежнем, других покровителей не было и не предвиделось, а тут, глядишь, и отметят верность короне и работу во благо.

То, что Джегейль видела, но не бралась истолковать, ученику покойного верховного магистра оказалось на один зуб. Работал он вполне уверенно, легко поясняя каждый свой

жест:

— Итак, что мы имеем, господа? Покойный, сразу скажу, мне не знаком, хотя я бы сказал, что какая-то магическая сила у него при жизни была. Рана от зачарованного клинка, чары... м-м-м... не наши чары, затрудняюсь определить. Что-то чужеземное и даже, я бы сказал, чужеродное. Впрочем, причиной смерти стали не чары, а банальный удар сталью в сердце. Как говорится, холодное железо... Так, далее... На покойном, извольте видеть, амулет отпирания запоров. Запрещенный. Заряжен сильным магом, емкость отличная, работа мага первого уровня, не ниже. Почти не использовался. Я бы предположил, что проникновение в этот дом было первым его применением. Возможно, вторым. Амулет отвода глаз, той же работы, почерк чувствуется. Однако ношен дольше, истрачен почти на треть.

— Сколько ношен, можно определить?

— М-м-м, в зависимости от интенсивности использования, господин начальник. Я бы сказал, что около месяца, но боюсь ошибиться.

— Хорошо, продолжайте.

Ладони подмастерья порхали над трупом, то замирая, то ныряя в незаметный карман, то выписывая пассы.

— Менталка — «черный сон», одноразовый. Кинжал, извольте видеть, усилен «смертной волной», тоже запрещенная дрянь. И, знаете, — он поднял голову, и на простоватом лице мелькнула неподдельная растерянность: — Знаете ли, господин начальник, дрянь весьма и весьма сильная, не всякий такое начарует. Я у нас в гильдии таких мастеров и не знаю.

— Даже магистры?

— Только магистры и могут, — побледнев, шепотом признался Тил.

Больше магических сюрпризов на покойничке не обнаружилось. Варрен, наконец, отправил племянницу домой, Заккендаль продолжил осмотр, а Фенно-Дераль крепко задумался.

Судя по набору запрещенной и убийственной дряни, целью вторжения был ни разу не меч, будь он хоть сто раз легендарным и триста раз бесценным, а кто-то из хозяев дома.

Женя из гостеприимного дома фор Гронтешей уехала с радостью. Да уж, она хотела нанести адмиралу второй визит, но не по такому поводу. Скорей бы все стало ясно, и хорошо бы сам адмирал оказался не при чем.

Дядюшка остался на месте преступления вместе со своим приятелем-копом, Женя понимала, что так нужно, слишком высокопоставленные люди замешаны во всей этой кровавой истории. Первый адмирал Андара, едва вернувшийся из опалы, его сын — пусть хоть сто раз остолоп, но все же порученец принца и наследника престола, а что на принца Ларка тоже всюду убийцы охотятся, она не по слухам знала. Еще и амулеты у этого мертвяка настолько сильные, что только магистры зачаровать могли. Все это пугало.

На глазах дядюшки, его друга, адмирала и, в особенности, адмиральского сынка Женя еще могла держать лицо, но, очутившись в одиночестве в закрытой карете, едва не сорвалась. Смотрела в окно из-за неплотно задернутой шторки, обхватив себя руками, уговаривая чуть ли не вслух, что карета — не самое подходящее место для истерики, что надо дотерпеть до дома, до тетушки...

Дотерпела.

И уже дома совершенно безобразно разрыдалась, отпустив себя, позволив пережитому

страху выплеснуться. Старая Солли, причитая, помогла переодеться в домашнее и умчалась за чаем, а тетушка присела рядом, обняла и молчала, пока слезы не начали стихать, и лишь потом сказала неодобрительно:

— Все же Варрен слишком многого от тебя хочет.

— Да я сама лезу, чего там, — Женя всхлипнула и потянулась за платком. — Вроде как не кисейная же барышня, и вообще хочу быть полезной. Это все же лучше, чем дома сидеть и развлекаться только театром и приемами. Просто... просто...

Солли принесла чай, разлила на двоих, покачала головой:

— Вот и барышня Цинни так же говаривала...

Женя пила чай, зубы постукивали о край чашки, и совершенно невозможно оказалось сказать то, что само рвалось на язык: «Просто дядюшка тоже мог погибнуть». Страшной всего делалось именно от этой мысли. Если бы не это, она бы сейчас не тряслась и не рыдала. Если бы не то жуткое мгновение, когда ей почудилось, как насыщенная кровавыми отблесками черная аура тянется к подступившему слишком близко доктору и словно присматривается к остальным... И не вспыхнувшее в мозгу видение, как бедный доктор наклоняется пощупать пульс — или что он там собирался делать? проверять, насколько тот мертвяк уже остыл? — а вместо этого сжимает ладонь на оплетенной потертой кожей рукояти... Женя затрясла головой, пытаясь отогнать весь этот ужас. Сейчас она предпочла бы думать, что все это и впрямь лишь игра ее слишком буйного воображения. Но она ведь видела. Так же ясно, как сейчас видит свои дрожащие пальцы.

Чашка опустела, а Женю все еще потряхивало. Тетушка сказала, нахмурившись:

— Солли, приготовь, пожалуйста, для деточки горячую ванну.

— С рябиной и мятой, — закивала служанка. — А как же, госпожа, вода уже греется. Сейчас же сделаю.

— После ванны поужинаешь, выпьешь вина и ляжешь спать, — непререкаемо продолжила тетушка. — А завтра мы с тобой будем развлекаться, как подобает даме и барышне из хорошей семьи. Оставь дела Варрена Варрену, деточка. Как-то же он справлялся с ними, пока не появилась ты.

— Но, тетушка Гелли, мы ведь с ним договорились, что я стану работать на Тайную Канцелярию, — неуверенно ответила Женя.

— Значит, станешь, — невозмутимо ответила тетушка. — Но, поверь уж мне, вовсе не обязательно эта работа включает в себя трупы и прочие неподобающие ужасы. Я и сама несколько раз помогала Варрену, не говоря уж о Цинни, та и вовсе незаменима. Женщины, деточка, правят миром. Женщина двумя небрежными словами добьется того, для чего мужчине понадобятся месяцы интриг, а то и убийство. На самом деле ты нужна Варрену не помощником в полицейских делах, а милой скромной барышней, вызывающей интерес в салонах. Особенно если учесть, что к тебе в некотором роде прислушивается наш принц Ларк. Ах, деточка, какие дела делаются за чашкой чая у милой Дарианы, в ложах театра в антракте, на пикнике за городом! Вот где ты можешь по-настоящему помочь.

— Я понимаю, — вздохнула Женя. — Но как раз в этом я такая бестолковая!

— Неправда! — Жене на мгновение показалось, что тетушка сейчас погрозит ей пальцем, как воспитательница в детском саду. — Ты, дорогая моя Джегейль, неопытная, но милая и достаточно хорошо воспитанная дебютантка, вызывающая крайний интерес в столичном обществе. Ты прекрасно начала, нужно лишь продолжать в том же духе и не делать глупостей.

— А сегодня я сделала глупость? — грустно спросила Женья.

— Не ты, деточка, откуда тебе знать. Это все Варрен, и с ним я еще поговорю!

— Ох, тетушка, вы так это сказали, что мне уже хочется заступиться за дядюшку! —

Женья с некоторым удивлением поймала себя на попытке рассмеяться.

— Вот и хорошо, дорогая, — покивала тетушка. — Значит, тебе уже лучше. Теперь как следует отмокни в ванной, а я распоряжусь об ужине.

Ванна была горячей и душистой, ужин — тоже горячим и очень вкусным, и от вина Женья не стала отказываться, понимая, что без него может и не заснуть. Она уже достаточно успокоилась, чтобы мыслить здраво, и меньше всего хотела заполучить порцию ночных кошмаров. Единственное «но» — она категорически не желала уходить спать, пока не вернется граф.

— Тетушка, милая, я хочу знать, что с ним все в порядке! Я боюсь. То есть, я уже спокойна, но мне просто нужно убедиться. Иначе я все равно буду обо всем этом думать и не засну.

В этот самый миг открылась дверь, и вошел граф.

— О чем спор, милые дамы?

— Уже ни о чем, — улыбнулась тетушка.

Женья молча кивнула, чувствуя, как на место паники безудержной волной приходит облегчение. В голове зашумело, как будто все выпитое вино подействовало лишь сейчас.

— И правда, пойду спать, — пробормотала она. Почему-то было неловко.

— Спокойной ночи, деточка, — проводила ее тетушка. — Варрен, добро пожаловать к столу. Сначала ужин, разговоры — после.

— Что-то случилось? — спросил граф, когда Джегейль вышла. Девушка выглядела нехорошо, куда хуже, чем несколько часов назад.

— «Случилось!» — Гелли смотрела возмущенно. — Ты случился, дорогой братец! Деточка так боится тебя подвести, что суется туда, где ей совершенно нечего делать! А ты ей это позволяешь!

— Сегодня она очень помогла, — граф возразил, мысленно признавая правоту кузины: молодой девушке, даже такой необычной, как Джегейль, и впрямь не подобает осматривать трупы.

Гелли нехорошо прищурилась.

— Скажи мне, милый братец, ты разве для этого пригласил ее в Тайную Канцелярию?

— Не для этого, — вздохнул граф. С рассерженной Гелли лучше не спорить, да ведь и в самом деле: он не хотел выпустить из рук источник специфических знаний, собирался с помощью «племянницы» вложить немного мыслей в голову Ларка, да наконец, с девушкой было интересно поговорить! А она не из тех, кому понравится сидеть в четырех стенах, выбираясь лишь для светских развлечений. Ей нужно что-то большее.

— Она вернулась не в себе от страха. Варрен, во что ты ее втянул?

Граф поморщился.

— Помнишь меч, который ей так понравился? Он ее и напугал, и, признаюсь честно, не только ее. Но, Гелли, если бы не она, кто-нибудь еще мог погибнуть.

— Этого она тоже боялась, — вздохнула Гелли. — Не хотела идти спать, пока ты не вернешься. Вот что, Варрен. Я постаралась развернуть ее жажду действий в более мирное русло. Светская жизнь, сплетни, интриги. Между нами, это не для нее, она слишком

прямодушна, слишком искренна. Но, я прошу тебя, подумай, чем может тебе помочь одна очень даже милая девушка в нашем зубастом и местами очень ядовитом высшем свете. Ведь искренность — не недостаток, это изюминка, которую можно очень выгодно подать. А у нас, кроме нее, есть я. И Цинни, если она все же приедет.

— Должна приехать, — кивнул граф. — Гелли, я уже думал об этом. Но пока я хотел бы, чтобы она рассказывала о своем мире тем, кому пригодятся свежие мысли и знания. Ларку, доктору Заккендалю, адмиралу фор Гронтешу, его величеству, наконец. Мне и Гренту, конечно же. Ты не представляешь, какие жемчужины мы уже выловили из ее рассказов. Но ей будет скучно и обидно, если использовать ее лишь так.

— И поэтому вы с Фенно-Дералем развлекаете ее полицейскими буднями. Не надо, Варрен. Отдай ей твою знаменитую картотеку, пусть изучает. Дай ей ключи от книжных шкафов, она большая девочка, некрасиво с твоей стороны поручать Ланкену подбирать для нее чтение. Завтра я веду ее в театр, на тебя, я так понимаю, мы можем не рассчитывать? Но, по крайней мере, поболтай с нами вечером, она любит делиться впечатлениями.

— Я тоже люблю, когда она делится впечатлениями. Я понял, что ты пытаешься до меня донести, — граф виновато развел руками. — Так и сделаем. Ах, Гелли, Гелли, — он обнял кузину и легонько поцеловал в висок, — спасибо тебе, что ты у нас есть. Вот что бы я без тебя делал, а?

ГЛАВА 10, в которой Джегейль фор Циррент идет в театр

Дома Женя в театр не ходила. Она любила оперетту и комедии, но только по телевизору, классические советские постановки, а лучше — фильмы. А в ее родном городе был театр драмы, и воспоминания о нем у Жени были неприятные — как, в общем, у любого нормального ребенка, которого тащат со всем классом на какой-нибудь неинтересный ему в его тринадцать «Тихий Дон», причем до этого «условно культурного» мероприятия закатывают лекцию о поведении, а после — всеобщий разнос, потому что мальчишки же все равно не сидят спокойно.

Так что сейчас она вполне могла сказать, что пойдет в театр впервые в жизни. И лекцию о поведении запросила сама, на что тетушка только отмахнулась:

— Ах, деточка, какое там поведение. Рассматривай зал да раскланивайся со знакомыми. Лучше пройдишь-ка еще раз.

— «Что там уметь, наливай да пей», — хмыкнула Женя. Прошлась до окна и обратно, присела в реверансе, аккуратно опустилась на стул, придерживав подол. Платье для театра было закрытым, с высоким воротником и длинными рукавами, с богатой, но неброской отделкой, и Женя уже знала, что в таком выезжают только и именно в театр. Очевидно, чтобы взбудораженные представлением кавалеры не перепутали благонравных дам с актрисами. В первые дни Женя от такого фасончика взвыла бы, а сейчас ничего, вполне уверенно двигалась. Привыкла. И к длинным юбкам привыкла, и к слишком тонкой подошве туфелек, и к шпилькам в прическе, и к необходимости жестко держать осанку. Когда только успела? Вроде и времени не так много прошло...

— Будет весело, — таинственным шепотом пообещала тетушка.

Фойе театра было роскошным: Женя уже достаточно разбиралась в местных интерьерах, чтобы оценить по достоинству резьбу на светлом дереве и обтянутые тканью в тон диванчики, высокие зеркала и позвякивающие подвесками люстры, апельсиновые деревца в кадках и пышные незнакомые цветы в подвесных вазонах. На спектакль, как объяснила тетушка, принято было съезжаться заранее, так что за час до начала светская жизнь кипела вовсю. Раскланились с дамами из чайного кружка — Женя даже по именам всех вспомнила, не иначе как чудом, и с удовольствием выслушала от дамы Дарианы ироничное и слегка одобрителное:

— Ах, милая, после вашего бегства в тот вечер бедный Никодес так глубоко задумался, что даже пропустил мимо ушей все намеки Розалии о возможной женитьбе.

— Некоторых только так и заставишь думать, — покивала Женя. — Надеюсь, в своих намеках дама Розалия не имела в виду меня.

— Никодес не пришелся вам по сердцу?

Женя почти физически ощутила, как дамы дружно наострили ушки. Как же, самая свежая сплетня, да из первых уст... Ну и как должна ответить «милая и хорошо воспитанная девушка»?

— Говоря откровенно, меня смущают некоторые обстоятельства нашего с ним знакомства. Что касается самого молодого человека, один вечер — слишком мало, чтобы составить взвешенное мнение.

— Я сразу поняла, что вы крайне разумное дитя, — одобрительно заметила дама Дариана.

Тут, на счастье Жени, тесный кружок пополнился только подъехавшими кумушками, последовало почти привычное уже приветственное щебетание, и стайка дам продрейфовала к диванчикам, прикрытым зеленой цветущей шпалерой — прекрасный укромный уголок, словно специально задуманный для влюбленных или сплетниц. Здесь Жене стало уютней: на нее никто не пялился, а она могла незаметно рассматривать прибывающую публику, краем уха вслушиваясь в ироничные, мягко-насмешливые, одобрительные или нет, но всегда меткие комментарии дам. Отличный способ узнавать, кто есть кто, особенно с дополнением в виде дядюшкиных досье.

Публика была разномастной. Светские дамы вроде тетушкиных приятельниц, матроны с юными дочерьми — из чего Женя сделала вывод, что спектакль будет вполне благопристойным, — пожилые и средних лет мужчины, о месте которых в обществе Женя пока судить не могла, несколько молодых офицеров, поглядывающих на девушек... И все они перемещались, следуя пока непонятной Жене логике, раскланиваясь, собираясь в небольшие группы и вновь распадаясь, подхватывая бокалы с напитками у проходящих мимо официантов.

— Что здесь пьют? — тихонько поинтересовалась Женя.

— Хочешь пить? — спохватилась тетушка.

— Нет пока, просто интересно. Если вино и без закусок, то это как-то... не знаю даже, не соответствует моим представлениям о театре?

— Лимонад, пунш и вода, — просветила тетушка. — Однако нам пора, зал открывают.

Представления Жени о театре продолжили рушиться. Здесь не было рядов мягких кресел, балкончиков и лож — хотя нет, балкон был, один, и на нем расположились музыканты. А в зале стояли отдельными группами все те же диванчики и кресла, и никакой сцены, занавеса, кулис, только декорации в дальней части зала. Нарисованный цветущий сад, окна сельской усадьбы, напомнившей Жене дядюшкин загородный дом, изящная беседка, оплетенная цветами.

— Нас ждет нравоучительная история из сельской жизни? — шепотом спросила Женя. У них с тетушкой оказались отличные места: видно и «сцену», и публику, а кружок тетушкиных подруг-сплетниц прикрывает их от любопытных взглядов. Впрочем, места здесь, кажется, занимали по принципу «кто успел, тот и сел».

— Почему нравоучительная? — тетушка улыбнулась, словно Женя сказала что-то очень забавное.

— Потому что ее прилично показывать юным девушкам, — вернула улыбку Женя. — Если судить по публике. И еще, я помню свою попытку почитать одобренный для девушек роман.

Тетушка откровенно рассмеялась.

Нико фор Виттенц считал зиму прекрасным временем. После выматывающих переходов по горным тропам, после удушливых летних ночей и смертельно опасных в осенние дожди склонов, после внезапных стычек, засад, провокаций и прочих прелестей приграничья, и уж тем более после полномасштабной военной кампании — зимний отдых был счастьем. В родительском поместье или в столице — без разницы, главное — возможность поесть по-человечески, вымыться, выспаться, а после — вспомнить, что жизнь состоит не только из

удовлетворения этих простейших потребностей, но еще и из множества приятных мелочей. Таких, например, как вино, танцы и прекрасные девушки.

Особенно — девушки.

Милые застенчивые барышни, уверенные в своем очаровании красоты, раскованные чаровницы-актрисы, такие разные, но с любой из них словно крылья вырастают. Все же совсем разное это дело — чувствовать себя мужчиной в кровавой схватке или в жарких объятиях.

Эта зима обещала быть не такой, как прошлые. Сложной, интересной и даже, пожалуй, захватывающей. Не то чтобы раньше Нико не заключал пари на внимание прелестных барышень, но первая же встреча с младшей виконтессой фор Циррент показала, что легко он победу не добудет. Быстрый штурм вполне очевидно не принесет ничего, кроме насмешек, а насмешек над собой Никодес фор Виттенц крайне не любил. Осада же... Залог успешной осады — правильная тактика, и как раз тактику Нико подобрать не мог. Ему не помешал бы шпион в стане врага, но такового не было и не предвиделось. От мысли расспросить словно невзначай тетущку Дастина ди Ланцэ Нико отказался почти с ужасом, представив, насколько быстро и в каких пикантных деталях та сообщит о его интересе всем своим родственницам и приятельницам.

В театр Нико отправился, чтобы отвлечься. Известно же, стоит выкинуть из головы не дающуюся задачу и переключиться на что-нибудь другое, как решение придет само. А где еще переключиться с одной девицы на другую, как не в театре? Здесь вам и барышни в зале, и артисточки, и строй цветочниц у входа...

К тому, что среди прочих барышень в зале обнаружится Джегейль фор Циррент, Нико оказался не готов. Хотя, если подумать, с чего б ей там не быть? «Буду считать, что повезло: на стрелка и зверь бежит», — сказал себе Никодес фор Виттенц. К счастью, он явился, когда спектакль уже начался, и мог, пристроившись в отдалении, незаметно понаблюдать за объектом своего интереса.

В отличие от большинства дам в зале, Джегейль больше интересовалась спектаклем, чем осмотром публики. Впрочем, неудивительно: театр девушке наверняка в новинку, а из присутствующих зрителей она почти никого не знает, что ей за интерес их осматривать? Время от времени она склонялась к своей тетке и что-то шептала ей на ухо. Нико попытался подобраться ближе, но на него шикнули:

— Не заслоняйте, юноша!

«Все равно ее шепот здесь не услышать», — утешил себя Нико, прислонившись к стене поодаль. Пожалуй, стоило сосредоточиться на представлении, а в антракте подойти, засвидетельствовать почтение старшей виконтессе и спросить у младшей, как ей нравится спектакль. А там слово за слово...

Едва вникнув в сюжет, Нико решил, что ему крайне повезло — спектакль был как на заказ, для разговора с барышней на выданье лучше и не придумаешь. Скромный, но благородный отец, потерянная и чудесно найденная дочь, старый сосед с молодым наследником, планы отцов соединить детей узами брака, тайный соперник с одной стороны и тайная соперница с другой. Правда, на взгляд Нико, скромница-дочка по всем статьям, кроме приданого, проигрывала роковой красоте, и ее кавалер невольно показывал это: с назначенной отцом невестой он вел себя до приторности куртуазно, а злодейка-соперница вызывала в нем искреннюю страсть, которую он хотел бы скрыть, да не всегда получалось. Так что, если переложить сюжет на правду жизни, парень женится на приданом, по-

быстроуму сделает наследника и спокойно закрутит роман на стороне. Вот только барышням такого лучше не говорить, это вдребезги разбивает их романтические мечтания. Спроси любую в этом зале, каждая ведь уверена, что герой по-настоящему влюблен в скромницу-соседку, а та, другая, обманом вскружила ему голову.

А роковая красotka и впрямь недурна. Нужно будет найти случай познакомиться поближе...

Роковая красotka слилась в страстном поцелуе с героем, хитро подгадав, чтобы поцелуй увидела скромница, и на этом объявили антракт. Нико посторонился, пропуская мимо кружок сплетниц, и ловко вывернулся перед старшей виконтессой фор Циррент.

— Ох, прошу простить, я был неловок. Ах, что за встреча. Счастлив приветствовать, — склониться перед старшей, перевести взгляд на младшую. — Право, моя неловкость сегодня играет на меня. Рад видеть вас снова, виконтесса.

Первая мысль, вспыхнувшая в голове у Жени при виде Нико фор Виттенца, была простой и ясной: «Подстава!»

Правда, покосившись на тетущку, Женя усомнилась: та смотрела на молодого человека с веселым, но совершенно не наигранным удивлением, как будто желая сказать: «Вот так встреча!»

Женя подавила тяжелый вздох: она, конечно, шла в театр отвлечься и развлечься, но занимательные беседы с пытающимися ее охмурить господами офицерами предпочла бы отложить на другой день.

— Я полагала, что боевой офицер не бывает неловок, особенно если он воевал в горах. Вряд ли паркет коварней горных троп, господин фор Виттенц.

Потутился виновато:

— Зато ваш упрек, виконтесса, ранит сильнее вражеских пуль.

— Слышите, тетущка, я, оказывается, ужасней вражеских стрелков, — Женя ехидно ухмыльнулась, — да вы умеете польстить девушке, господин фор Виттенц.

Бравый офицер отчетливо покраснел. «Ну-ну, продолжай в том же духе, и я решу, что тетущка не зря обещала мне веселье», — злобно подумала Женя. Вот к чему, спрашивается, якобы случайное столкновение, натужные комплименты? Просто подойти и поздороваться, как человеку, религия не позволяет? Обязательно нужно показать девушке, что держишь ее за круглую дуру?

— Знаете, господин фор Виттенц, вы сейчас очень напоминаете героя этого спектакля, — Женя указала глазами на «сцену», где как раз меняли декорации.

— И я готова поспорить, что это не комплимент, — чуть слышно прошелестела тетущка.

— Это констатация факта, дорогая тетя, — мило улыбнулась Женя.

— Молодой человек, окажите любезность, принесите мне стакан воды, — тетущка, святая женщина, одной просьбой спасла обоих — braveго горного стрелка от затянувшегося ступора, а Женю от острого желания сказать еще какую-нибудь гадость. Правда, едва Никодес фор Виттенц скрылся в толпе, выяснилось, что заботилась тетущка Гелли только о собственном любопытстве. С улыбкой усевшись и указав Жене на место с собой рядом, она спросила: — Но признайся, деточка, это все же не был комплимент!

— Конечно, нет, — фыркнула Женя. — Сомневаюсь, правда, что господин фор Виттенц это понял. По-моему, стандартная логика господ офицеров исключает самую возможность

того, что их ухаживания могут не понравиться даме.

— Ты сегодня злая, — тетушка тихонько рассмеялась. — Тебе не нравится спектакль?

Женя пожала плечами:

— Почему, он познавательный. И даже с интригой. То есть, я пытаюсь надеяться, что эта бледная романтическая моль окажется не такой круглой душой, как ее показывают, и дело все же не кончится самой предсказуемой из возможных свадеб. Вот скажите, тетушка, может, я чего не понимаю, у нее что, нет других шансов на приличное замужество? Или этот охотящийся за ее приданым кобель, или никто?

— Многие ли юные девицы не романтичны? — тетушка быстро улыбнулась Жене, как будто приглашая посмеяться вместе, и обернулась к вернувшемуся фор Виттенцу: — Вот спасибо, молодой человек. Здесь душно, не находите? А мы с Джегейль как раз заспорили о том, чьей именно свадьбой окончится этот чудный спектакль.

— Я полагаю, это понятно, — озадаченно ответил фор Виттенц.

— А я все же надеюсь на интригу, — вздохнула Женя, — я, наверное, слишком наивна. А скажите, господин фор Виттенц, которую из двух выбрали бы вы?

— Я? Конечно же, — Никодес невольно оглянулся на сцену, где как раз рассмеялась глубоким грудным смехом актриса, играющая роковую красотку, — э-м-м, я, конечно же, милую соседку, она ведь так мила...

— Никакой интриги, — согласилась сама с собой Женя. — Но все же было бы забавно, если бы герой честно женился на той, которую он предпочитает целовать, а милая романтическая барышня хоть немного включила бы мозги. Даже жаль, что от второго претендента можно не ждать сюрпризов, типичный злодей, я думаю, до конца пьесы он не доживет.

Никодес аж дернулся:

— Неужели вы считаете, что этот авантюрист — подходящая для нее партия?!

— Ну что вы, конечно же, нет, — Женя невольно улыбнулась такой горячности. С чего бы Нико фор Виттенцу так возмущаться? Или он и в самом деле спроецировал героя на себя? — Лично мне просто кажется, что «подходящая партия» здесь не означает «и будут они жить счастливо и любить друг друга», вот и все. Грустно, не правда ли?

— А кого бы выбрали вы, виконтесса? — темный и как будто бархатный взгляд и ставший внезапно тихим и вкрадчивым голос словно намекали на что-то, но Женя решительно отказалась понимать всяческие намеки.

— Никого, господин фор Виттенц. Вот честное слово, обоих бы послала куда подальше с наказом не возвращаться. Это ж себя не уважать, всерьез выбирать из таких вариантов!

Эбигейль фор Циррент слушала разговор «племянницы» с кавалером и от души наслаждалась. Деточка совершенно зря боится светской жизни. Конечно, в ней еще ощущается некая чуждость, странные обороты, непривычная для барышни резкость суждений, но все это лишь придает ей обаяния. Пусть не такого, к какому привык этот мальчик, Нико фор Виттенц — Джегейль уж точно не похожа на «милую соседку». Обаяние острого ума и острого язычка, достойное девушки из семьи фор Циррент.

— А знаете, этой пьесе не помешала бы вторая часть, — рассуждала между тем Джегейль, — разумеется, если она окончится так, как предполагаете вы, господин фор Виттенц. Продолжение о счастливой семейной жизни. Вы ведь думаете, что их семейная жизнь непременно будет счастливой, так?

— Конечно, — бодро кивнул Никодес. — Из милой барышни получится замечательная жена и мать, лучшего и желать нельзя.

— Да-да, — с сокрушенным видом покивала в ответ Джегейль. — Замечательная жена и мать поддерживает порядок в доме, воспитывает детей, иногда выбирается попить чаю с приятельницами или, например, в театр. А тем временем счастливый муж... Отличная завязка для пьесы!

— Что счастливый муж? — поинтересовалась Гелли. На соседний диванчик тихо присели Дариана с Нелль, Розалия обернулась от кучки судачивших дам и словно ненароком подошла поближе. Право, жаль, что антракт скоро закончится!

— Я думаю, господин офицер прекрасно знает, как ведут себя счастливые мужья при таких женах, — нежно улыбнулась Джегейль. — Хотя бы понаслышке. Не так ли, господин фор Виттенц?

Никодес подкрутил усы и картинно развел руками:

— Признаться, я затрудняюсь, как из этого можно сделать пьесу.

— Легко! — улыбка деточки из нежной превратилась в предвкушающую. — Например... Да вот хотя бы. Счастливый муж думает, что скучно всю жизнь читать одну и ту же книгу или, если он в принципе не приучен читать, пить одно и то же вино. Что ему не повредит немного разнообразия, а если жена об этом не узнает, так она и не расстроится, верно? К тому же она так занята детьми, бедняжка, к чему утомлять ее чем-то еще. Но, знаете, господин офицер, женщины все же редко бывают совсем уж слепыми, а обманутая женщина страшна в гневе. На самом деле страшна, а не как в вашем комплименте о вражеских пулях. Мне кажется, спектакль о мести такой вот обманутой дамы имел бы успех. Даже грандиозный успех, если дама окажется остроумной и сумеет не просто поставить мужа на место, но и наглядно ему показать, как он заблуждался.

Голосок Джегейль журчал и звенел, и только хорошо ее знающий человек мог бы услышать в нем откровенную насмешку. Однако Никодес фор Виттенц все же не был совсем уж чурбаном и что-то почувствовал. Хотя, быть может, вовсе не насмешка заставила его бледнеть и краснеть, а невероятно скандальный сюжет, который милым голосочком излагала Джегейль. «А ведь такая пьеса и в самом деле имела бы успех, — подумала Гелли. — Грандиозный успех. Только водить на нее юных девиц было бы дурным тоном».

От необходимости что-то отвечать Никодеса спасло окончание антракта. Публика поспешно рассаживалась по местам, бравый офицер прислонился к стене неподалеку, и Гелли шепнула на ухо племяннице:

— А он не трус, дорогая. После всего, что ты наговорила, он все же собирается дождаться конца представления неподалеку от тебя.

— Удачи ему в этом смелом начинании, — фыркнула Джегейль. На сцене «милая соседка» в отчаянии заламывала руки, проклиная коварную разлучницу, и деточка, вздохнув, сказала: — Неожиданностей, похоже, не будет. Нет, этой пьесе точно понадобится продолжение.

Спектакль скользил мимо сознания, даже грудной смех роковой красотки больше не задевал Нико: очень уж далеко витали его мысли. Невероятное дело, но каждый разговор с Джегейль фор Циррент не прояснял черт ее характера и не подсказывал удобные подходы к штурму этой крепости, а лишь еще больше все запутывал.

Принц Ларк оказался прав, Джегейль совсем не похожа на прочих барышень.

У Нико были и неудачи на любовном фронте, и разочарования, и несколько довольно неприятных историй, после которых он чувствовал себя не просто обманутым, а безжалостно использованным или втоптаным в грязь — всякое бывало, но никогда еще ему не казалось, что барышня одновременно и развлекается его ухаживаниями, и недовольна ими. Что, черт его дери, что он делает не так?!

Из тяжких дум Нико вынырнул лишь дважды по ходу спектакля: когда, как и предвещала Джегейль, бесславно погиб злодей-авантюрист, и когда герой все же предложил руку и сердце милой соседке, а та без малейших колебаний приняла его предложение. Почему-то вспомнились мысли Джегейль о продолжении, и даже захотелось, чтобы и в самом деле поставили историю вроде той, которую предполагала барышня фор Циррент. А что, интересно было бы посмотреть.

Публика аплодировала, актеры раскланивались, актрисочки принимали цветы. Не встретить Нико объект своей осады, он бы тоже сейчас пробивался к сцене с перевитым алой лентой букетом. И, возможно, вечер прошел бы весело. Но сейчас веселиться не хотелось. Нико был озадачен, непонимание порождало раздражение и смутную жажду действий. Самую неприятную ее разновидность, когда точно знаешь, что нужно срочно, непременно что-то делать, а что именно — понять не можешь.

Боевой офицер фор Виттенц слишком хорошо знал, чем чревато пойти на поводу у такого настроения, а потому придушил мерзкий зуд в зародыше и заставил себя действовать «по протоколу». Слава и вечная благодарность предкам, придумавшим правила этикета. Не знаешь, что сказать, говори: «Сколь приятно было встретить вас здесь», — провожай до экипажа, оберегая от толпы, и не забудь, олух, о подходящих случаю цветах. Благо, далеко ходить за ними не нужно, как раз у театра — одно из постоянных мест дислокации цветочниц.

Джегейль поглядывала на него с интересом, природу которого Нико уловить не мог, но отчетливо чувствовала, что это не интерес барышни к кавалеру. Собственная реакция тоже озадачивала: смесь досады, азарта и здоровой злости, не имеющая ничего общего с волнующим сердцем и плоть томлением, охватывающим рядом с интересной девушкой. «Позже разберусь», — пообещал себе Нико. Вслух же спросил:

— Вам понравился спектакль, виконтесса?

— Да, граф, это было весьма поучительно, — тоном примерно воспитанной девушки ответила Джегейль.

— Я надеюсь встретить вас здесь еще, — вполне искренне сказал Нико. Ухватил у миловидной цветочницы две розы на длинных стеблях со срезанными шипами. С поклоном преподнес пурпурную старшей виконтессе, а Джегейль — нежно-розовую. Барышня взглянула на тетку вопросительно, та чуть заметно кивнула, и Джегейль мило улыбнулась, приняв цветок:

— Благодарю.

Захлопнулась дверца экипажа, пара гневных тронулась с места, а Нико остался гадать, что, собственно, означал этот быстрый обмен взглядами между теткой и племянницей. Поди разбери этих женщин!

ГЛАВА 11, в которой граф фор Циррент занят работой, виконтессы фор Циррент развлекаются, а в Офицерском Собрании снова спорят о прекрасных дамах

Отправив своих дам развлекаться в одиночестве, граф фор Циррент весь день провел даже не в собственном кабинете, а в компании начальника королевской полиции. Вдвоем они еще раз расспросили всех обитателей дома фор Гронтешей, от самого адмирала и его сына до последнего мальчишки из обслуги. Делу весьма помогло присутствие Тила Бретишена, которого Фенно-Дераль мобилизовал «для нужд следствия и государства». Тот поначалу дергался, но, увлекшись делом, позабыл о том, что вроде бы должен бояться. Менталистом Тил оказался вовсе даже не плохим, все же наука покойного магистра пошла ему впрок. Не то что ложь, а даже недомолвки и сомнения чувствовал мгновенно. Поэтому допросы нещадно затянулись и выжали досуха всех.

— Послушайте, адмирал, давайте начистоту, это самый откровенный саботаж, — Фенно-Дераль под конец дня уже едва сдерживал раздражение. — Да, я понимаю, что у каждого есть свои маленькие секреты, вполне невинные, но, поверьте, мне нет никакого дела до того, с кем целовалась ваша посудомойка и за кем подглядывала старшая горничная! Мне нужно всего лишь проверить их алиби, как бы странно это не звучало. Их и каждого в этом доме, включая вашего сына! Реннар, к слову, еще с прошлого дела, в которое был замешан, находит явное удовольствие в том, чтобы рассказать мне как можно меньше. Очевидно, считает меня врагом государства номер один, а не слугой короны.

— И все это — на фоне того, что и сами вы, господин адмирал, многого недоговариваете, — тихо добавил фор Циррент. — Скажите уж прямо, ваш повар — друг вам или враг? Если вы и дальше будете столь же виртуозно уходить от вопросов о нем, нам останется лишь взять его под стражу.

— Полагаете, я доверил бы врагу приготовление пищи в своем доме?

— Почему нет, если его цель не состоит в вашей смерти?

— Послушайте, господа, как мне вам доказать, что вы роете не в том направлении? Клятва вы слушать не желаете, логические доводы вас не устраивают...

— Право же, я еще не слышал от вас действительно логических доводов, — почти грубо прервал Фенно-Дераль. — Апелляции к здравому смыслу и верности короне, уж простите, не считаются. Я верю, что вы, едва вернувшись из опалы, не горите желанием ввязываться в сомнительные авантюры. Но наша задача — не вас разоблачить, а выяснить, кто и с какой целью залез в ваш дом и кто его послал. Доказательства вашей безупречной честности нас в рамках этого дела мало интересуют.

— И чем же вам поможет в установлении личности вора биография моего повара? Он уже поклялся, что никогда не видел этого человека. Его клятвам можно верить, ручаюсь. Что еще?!

— Какой-то у нас с вами тупик получается, — поморщился фор Циррент. — Грент, мне кажется, в этом доме мы узнали все, что могли. Предлагаю распрощаться.

Фенно-Дераль недовольно кивнул и тут же добавил:

— Возможно, мы еще вернемся, адмирал. Прошу вас покуда не выезжать из столицы. И будьте осмотрительны, не исключено, что за вами либо вашим сыном идет охота.

— Я учту ваше предупреждение, — резко кивнул фор Гронтеш.

— Сын, оказывается, весь в отца, — процедил Фенно-Дераль, едва они покинули дом адмирала. — Два упертых кретина. Слушай, Варрен, а может, его арестовать? Целее будет.

— Ты тоже исключаешь возможность, что он замешан?

— Только в качестве возможной жертвы. Хуже другое, мы не можем знать, нужно ли нам вообще то, что он так упорно скрывает.

— Моя интуиция говорит, что не нужно. Вот увидишь, потратим кучу сил, чтобы его расколоть, запорем навсегда возможность добрых с ним отношений, а в итоге окажется, что сей славный рыцарь боялся скомпрометировать даму, никак во всей этой грязи не замешанную.

— Очень вероятно, — кивнул Грент. — Личность умершего пока не установлена. Никто его живым не видел, с гильдией магов не связан, буду отрабатывать криминальные каналы. Тебя прошу подключиться по твоей части.

— Разумно, — кивнул фор Циррент. — Я бы поставил на Одар, они сейчас сосредоточились на усилении своего флота, логично предположить, что параллельно постараются ослабить наш. Вот что, Грент, я во дворец. Меры безопасности в портах и на верфях усилены, но мы совсем не подумали об охране капитанов и офицеров.

Фенно-Дераль скептически хмыкнул:

— Тебя разорвут за такое предложение.

— Посмотрим, — фор Циррент пожал плечами. — Во всяком случае, попробовать я обязан.

Нико фор Виттенц между тем опять убивал время в Офицерском Собрании. Досада никуда не делась, посвящать вечер романтическому свиданию или любовному приключению не хотелось категорически — все женщины и девушки, сколько их ни есть, виделись сейчас Нико одинаково раздражающими, и вряд ли он сумел бы выдавить из себя хоть один комплимент. А здесь все свои, можно не держать лицо, а тянуть потихоньку вино, отпустив себя и свои чувства, и даже жаловаться, если найдется желающий слушать.

Дастин ди Ланцэ выслушал его рассказ о встрече в театре с насмешливым сочувствием, после чего заявил:

— Моя тетка упоминала о вашем разговоре с Джегейль. «Это милое дитя не по возрасту остроумно и вряд ли позволит помыкать собой», — довольно удачно передав интонации графини Дарианы фор Ганц, он ухмыльнулся: — Все еще хочешь попытать счастья, друг?

— Наш принц был прав, — Нико опрокинул в себя остатки вина и вновь наполнил бокал. — Она совсем не похожа на других девушек. У меня от нее мозги кипят! Не поверишь, с нею рядом я и в самом деле себя чувствую временами, как под обстрелом — одно неверное движение, и все кончено. Как, черт возьми, у нее это получается?! Она воспитанна, мила, обаятельна, не пытается меня оскорбить или осмеять, но я сам себя чувствую осмеянным!

— Потому что она не кидается в твои объятия, — уронил пристроившийся с ними рядом лейтенант из артиллеристов. — Хотя, видел я вас у театра, рядом с тобой девочка смотрится серой мышкой.

— Может, в этом и дело? Компенсирует язвительностью неудачную внешность? — к

разговору присоединился кто-то еще, на столе появились еще бутылки, блюдо с закусками, но Нико не вглядывался в лица, захваченный прозвучавшим предложением. Наконец, обдумав его, мотнул головой:

— Нет. Готов поспорить, ее не слишком заботит, насколько она красива. Такое чувствуется.

— Ваши «готов поспорить», капитан Виттенц, нынче слабо котируются!

Грянул дружный хохот, и Нико махнул рукой:

— Смейтесь, негодяи. Может, я и дурак, но девица — сушая чертовка. Слышали бы вы, как она рассуждала о продолжении для пьесы, хотел бы я посмотреть такое продолжение! И с таким невинным видом!

— Тетка тоже оценила, — засмеялся ди Ланцэ. — Сетовала, что даже если владелец театра осмелится на столь скандальный спектакль, вряд ли общество сочтет уместным интерес к нему со стороны порядочных дам. А ведь ни одного неприличного намека не прозвучало!

— Между тем все прекрасно поняли, о чем рассуждает это, простите, «милое дитя».

— Если бы не репутация фор Циррентов, можно было бы подумать, что барышня... м-м-м, не столь уж невинна?

— Невинна, как бутон, — фыркнул Нико. — Может, в том все и дело, что она совершенно не расположена ловить мужчин в свои сети? Но что ей интересно, я не могу понять, хоть башку расшиби!

Ди Ланцэ хлопнул по плечу:

— Лучше сдайся, раз так. Твоя расшибленная башка не поможет нам весной. Ни одна девица того не стоит. Хотя, признаю, барышня фор Циррент и впрямь интересная штучка. Умна, обаятельна и с ядовитым язычком. И, к слову, она вовсе не серая мышка, просто ее красота не бросается в глаза с первого взгляда. Если бы я искал признания в свете, все бы сделал, чтобы заполучить ее в жены.

— После меня, — поддался мгновенной ревности Нико, и лишь потом, под дружный хохот, сообразил, что именно брякнул.

— Разумеется, — откровенно заржал ди Ланцэ, — я подожду, посмотрю со стороны, учту твои ошибки и приду на готовенькое. Или не приду. Есть у меня, знаешь ли, предчувствие, что это будет слишком опасная заварушка.

— Неужели хоть здесь разговоры о заварушках, а не о девушках? В кои-то веки! — к компании стремительно подошел принц Ларк, веселый и встрепанный.

— Если бы, — буркнул Нико, и его собутыльники вновь бессовестно заржали. — Видите ли, ваше высочество, мне упорно советуют не искушать более судьбу и признать наше пари проигранным.

— А-а, ясно, — протянул принц. — Значит, вы, граф, познакомились с Джегейль поближе и пришли сюда заливать это горе? Своеобразная девушка, верно, граф?

— Чума она, а не девушка!

— Что есть, то есть, — принц рассмеялся. — Признаться, после моего первого с ней разговора я тоже был изрядно взбешен. Так что, признаете свой проигрыш?

— Да ни за что! — взбешенный предложением Нико хлопнул ладонью по столу так, что зазвенели, падая, бокалы. — Она чума, я ее не понимаю, я чувствую себя дураком с нею рядом, но... — Он махнул рукой, поднял свой бокал, наполнил и медленно, заставляя себя успокоиться, выпил. — Вы были правы, мой принц. Она другая. Не такая, как прочие. И у

нее такая улыбка...

— Он влюбился, — сказал кто-то за спиной.

— Иди ты, — не глядя, отмахнулся Нико.

Ларк, раздвинув бутылки, бокалы и блюда с закусками, угнездил локти на стол, сплел пальцы в замок, опустил на них подбородок и нахмурился.

— Послушайте, дорогой фор Виттенц, — негромко начал он, мотнул головой и невесело усмехнулся. — Никодес. Если вы все еще хотите лишь доказать мне свою правоту — продолжайте, воля ваша. Но если Джегейль стала вам на самом деле небезразлична, если вы хотите завоевать ее сердце, послушайте моего совета, откажитесь от пари. Я не стану настаивать на проигрыше, давайте сойдемся на ничьей, тем более что я вовсе не хотел с вами спорить. У этой девушки, Никодес, очень высокая планка самоуважения, и пари на ее благосклонность она не воспримет как комплимент.

— Э, господа, так неинтересно!

— Не по-спортивному, а, граф?

— Ваше высочество, как вы можете предлагать ничью, я ставил на вашу победу!

Ларк вскинул руку:

— Тихо, господа. Плевать на пари, дело серьезное. Право, граф, подумайте. Взвесьте свои чувства. Можете не отвечать сию минуту.

— Я не привык отступать, ваше высочество, — Нико покачал головой, почти уверенный, что сейчас совершает ошибку. Но ведь пари...

— Почему сразу отступать? Можете считать это перегруппировкой. Или отходом потрепанных в бою частей на заранее подготовленные позиции и вводом в бой резерва.

— В общем, ты реши, друг, чего хочешь — пари или жениться, — ввернул ди Ланцэ. — Здесь, похоже, или — или.

— Вот именно, — кивнул принц. — Это, в принципе, не мое дело и даже как-то не товарищески, подталкивать своих боевых друзей к семейным узам, — за столом вновь грянул хохот, а принц спокойно закончил: — Но Джегейль стоит того, чтобы всерьез побороться за ее сердце.

— Э-э, уж не влюбились ли и вы, ваше высочество?

— У меня к барышне фор Циррент исключительно дружеские чувства, — спокойно ответил Ларк. — Иначе я бы уже на ней женился. Если, разумеется, она согласилась бы, в чем я вовсе даже не уверен.

Кто-то присвистнул. Кто-то протянул:

— Даже так...

— Однако я по-прежнему закоренелый холостяк, — Ларк широко улыбнулся и потянулся за бутылкой. — Тост, господа.

— За прекрасных дам?

— За то, чтобы прекрасные дамы любили кавалеров!

Снова грянул смех, вино полилось в бокалы.

— Тост, — повторил Ларк. — За то, чтобы осажденные форты, видя перегруппировку, принимали ее за отступление и выводили свои войска на вылазку, — он отсалютовал бокалом фор Виттенцу. — За ответный интерес, граф.

Нико выпил и решился.

— Будь по-вашему, мой принц. Только какая уж тут ничья, по состоянию на сегодня мой проигрыш, увы, очевиден.

— Ничья. Давайте, граф, пожмите мне руку и выкиньте из головы мысли о проигрыше. Хочу верить, что в итоге выиграют все заинтересованные стороны.

На том и закончили. И, если уж быть с собою честным, Нико был, пожалуй, рад. Джегейль фор Циррент — интересное знакомство, но не тот случай, когда уместно торопиться. К тому же один раз принц уже оказался прав, и нет причин думать, что второй раз он ошибется. Нико фор Виттенц очень не хотел бы, чтобы Джегейль, узнав о пари, почувствовала себя оскорбленной.

Пожав руку фор Виттенцу, Ларк с трудом скрыл облегчение. Все же дипломатическая стезя — не его призвание, и сейчас, добившись нужного решения не приказом, а в дружеском разговоре, он чувствовал себя куда более уставшим, чем после самого тяжелого боя.

Но, пожалуй, настолько же удовлетворенным. За свою жизнь принц Ларк успел заключить немало глупейших пари, но никогда еще не мучился от этого угрызениями совести. Или, может быть, страхом? Так или иначе, потерять дружбу Жени-Джегейль он не хотел. А между тем, прекрасно зная, с какой скоростью по столице разносятся слухи, почти не сомневался, что если не сама Джегейль, то ее тетушка уже знает пикантную новость. И как прикажете смотреть барышне в глаза при встрече? Особенно учитывая, что встречи с ней не протокольно-формальные? Да что говорить, самое интересное всплывает, когда она заводится и начинает или спорить, или о чем-нибудь рассказывать, но вот деда, например, она почему-то стеснялась. Или боялась — Ларк не мог понять, а дед не говорил, только сказал, что придется, видно, познавательные беседы взять на себя Ларку, раз уж при нем девушка чувствует себя свободнее.

Извиниться перед ней все равно придется, но теперь Ларк сможет это сделать с чистой совестью. Да и для Нико фор Виттенца так будет лучше. Вдруг и впрямь сложится...

На самом деле Джегейль фор Циррент была сейчас для принца Ларка наименьшей из причин тревожиться. Донесения с южных границ и от агентов в Одаре четко и однозначно указывали на скорую войну, времени на подготовку оставалось — пара месяцев в самом лучшем случае, мечты перетрясти генштаб, отправив на заслуженную пенсию всех старых ослов и маразматиков, оставались мечтами, следовательно, о полной реорганизации южной армии тоже оставалось лишь мечтать. Радовало, что хотя бы флот перейдет в надежные руки фор Гронтеша, но это была единственная хорошая новость.

В Офицерское Собрание Ларк явился прямиком из дворца, а если точнее — из дедова рабочего кабинета. Выдержав очередной спор с дедом по поводу штабных маразматиков, Ларк на сей раз сумел пробить удовлетворивший его компромисс: вывел оба полка горных стрелков под свое личное руководство. Так, по крайней мере, он получит пространство для маневра...

Почти все офицеры обоих полков зимовали в столице, и самая, на взгляд Ларка, вменяемая их часть пила сейчас с ним вместе, но радовать боевых товарищей новостями принц не спешил. Есть новости, которые следует обсуждать не просто за закрытыми дверями, но и с полной магической защитой от прослушки. Он соберет совещание завтра обычным порядком, а сейчас можно расслабиться, порадоваться удачному разговору с дедом и столь же удачному — с Нико фор Виттенцом, посетовать, что Рени все еще не выходит из дома, и аккуратно свести разговор на предстоящий уже на той неделе бал городских старшин.

— Между прочим, Никодес, барышня фор Циррент там наверняка будет. И на что я точно готов заключить пари — она станет благодарна тому, кто предложит ей беседу как альтернативу танцам.

— Она не любит танцевать?! — кажется, бедняга фор Виттенц ужаснулся вполне искренне. Впрочем, он тут же объяснил: — Признаться, беседы с нею мне самым досадным образом не удаются.

Ларк рассмеялся, припомнив любимые темы для разговоров барышни фор Циррент:

— Понимаю. А знаете что, граф, присоединяйтесь ко мне, я как раз собирался поболтать с нею в непринужденной обстановке.

— Это будет удобно?

— Вполне. Вы даже обяжете нас: мы не будем казаться влюбленной парочкой. Мне-то не привыкать к подобным слухам, но я не хочу вмешивать в подобное барышню фор Циррент. Ладно бы между нами и впрямь что-то могло быть, но ведь наши ревнивые змеищи возненавидят ее совершенно на пустом месте!

Никодес невесело рассмеялся:

— За ваше внимание ее невзлюбят в любом случае, даже если все внимание будет заключаться в единственном поклоне. Я воспользуюсь вашим приглашением, мой принц. Благодарю.

Женя отложила пачку очередных досье из дядюшкиной коллекции, потянулась, выгнувшись и запрокинув голову, и пожаловалась:

— Как можно это все не просто запомнить, а в нужный момент удачно применить?!

Вопрос был риторическим: услышать ее жалобы было некому. Женя сидела в своей комнате, за окном сумерки плавно перетекали в ночную темень, от лампы на столе падала дрожащая тень. Лампа была масляная, довольно яркая, но все же не сравнить с нормальной электрической, а дядюшкин почерк отличался редкостной убористостью, так что Женя потеряла глаза и решила прекращать на сегодня с чтением.

В целом день оказался очень даже неплох. Театр ее развлек, если не спектаклем, так обществом — и то сказать, Нико фор Виттенц со своими залихватскими усами и неловкими ухаживаниями был по-своему забавен, а тетушкины приятельницы со своей любовью к сплетням вызывали на удивление мало раздражения. К тому же ей давно не дарили цветов, обязательная мимоза на восьмимартовском корпоративе не в счет, а розы она любила. Женя осторожно потрогала нежные лепестки, вдохнула насыщенный сладкий запах. Оказывается, розы в этом мире пахнут намного сильнее, чем дома. Хотя и дома у свежесрезанных аромат ярче, чем у привезенных откуда-нибудь из Голландии.

Хорошо, что этот цветок ни к чему не обязывает ни ее, ни фор Виттенца. Простой знак внимания, ничего больше. Тетушке Гелли он тоже подарил, та еще посмеялась потом: «Какой коварный юноша, сейчас бы пошли с тобой в кондитерскую, но такие чудесные цветы нужно побыстрее отвезти домой и поставить в воду!».

Так что вместо кондитерской чай пили дома, но так вышло еще и лучше — тетушка вволю посплетничала обо всех встреченных в театре знакомых, а после Женя пересказывала ей «Летучую мышь». Посмеялись вволю.

Женя подумала вдруг, что стала часто смеяться с тех пор, как приехала тетушка Гелли. Даже чаще, чем дома. И давно уже перестала делать внутреннее усилие, чтобы называть домом не квартиру в родном мире, а дом фор Циррентов.

Ее здешней семьи.

Лишившись интернета и прочих благ цивилизации, она приобрела не меньше. А может, и больше. Если рассудить, что там было, кроме ненавистной работы?

За окном внизу простучали копыта и стихли. Женя накинула шаль поверх домашнего платья и сбегала вниз, в большую гостиную — как раз вовремя, чтобы встретить входящего графа. Улыбнулась:

— Дядюшка! Вы сегодня поздно. Все в порядке?

— Не спрашивай, — тот махнул рукой. — Лучше расскажи, как тебе понравился театр.

— Заварить вам чаю? Тетя, наверное, уже приказала накрывать к ужину. Театр, — она пожала плечами, — познавательное.

— Замечательное было представление, — вошла тетушка. — Особенно в антракте. Ты голоден, Варрен? Пойдем в столовую. Ты будешь есть, а мы тебе все расскажем.

Рассказывала в основном тетушка; граф отказался от чая и пил вино, но чай Женя все равно заварила, и сидели втроем долго, совсем допоздна. Жене было хорошо. До боли, до щемящей нежности хорошо ощущать себя членом семьи, любимой племянницей, не чужой и не одинокой. Да и к черту этот интернет, в самом деле. Все равно, если в целом, жизнь здесь складывается куда более интересно.

— Деточка, что стряслось?! Все было так хорошо, а ты вдруг плачешь?

Женя торопливо вытерла слезы:

— Нет-нет, все в порядке. Я просто... просто, ну...

— Снова дом вспомнила?

— Нет, — Женя покачала головой. — По-моему, наоборот... Я вдруг поняла, что больше не хочу вспоминать дом. Поняла, что мой дом теперь здесь, с вами. Ой, вы только не думайте, что... В общем, все правда хорошо, честно, — Женя махнула рукой, запутавшись в несвязных объяснениях. — Просто вы на самом деле стали мне семьей, и...

Тетушка Гелли обняла ее и почему-то поглядела на дядюшку укоризненно.

— Так, деточка. Ты, главное, ерунды себе какой-нибудь не надумай. О чем вы с братцем по его государственным делам договаривались — это одно. А то, что ты наша племянница — совсем другое, поняла?

— Но это же не на самом деле, — прошептала Женя.

— А какая разница? Если ты так чувствуешь и мы так чувствуем, если мы все хотим быть семьей, кто нам мешает?

— А вы хотите? Правда?

— Еще слово, и я сочту твое недоверие весьма обидным, — проворчал дядюшка. — Знаешь, Джегейль, твоя тетка Гелли не ошибается, когда дело касается семьи.

Он поставил на стол полупустой бокал с темным, почти черным вином, обошел стол и остановился у Жени за спиной, положив ладони на спинку ее стула. Вздохнул:

— Твое появление в нашем мире было вполне невероятным событием, но то, кем ты стала для нас, наверное, еще невероятнее.

— В нашем мире это называется «оперативная легенда», — проворчала Женя, и вдруг сама заметила, что ее интонации довольно похоже повторяют дядюшкины.

— Знаю, — отозвался тот, — ты рассказывала. Так вот, дорогая племянница, поздравляю — я не просто поверил в собственноручно состряпанную оперативную легенду, мне все чаще кажется, что весь наш мир в нее поверил. И я вовсе не людей имею в виду, а сам мир. Ткань бытия, как выражаются наши маги.

— Это плохо? — тихо спросила Женя. Ей мучительно хотелось посмотреть графу в лицо, в глаза, но страх мешал, и она замерла в объятиях тетушки Гелли, чувствуя себя почему-то очень несчастной.

— Это замечательно, — снова вздохнув, ответил граф. — И не обращай внимания на мой мрачный вид, причины моей злости никак с тобой не связаны. Просто дело не складывается.

— В общем, выбрось глупости из головы и возьми еще печеньице, — подытожила тетушка Гелли.

ГЛАВА 12, в которой Джегейль фор Циррент наконец-то знакомится со своей второй тетушкой

Несколько дней прошли так спокойно, что впору было заподозрить скорые неприятности. В окно нудно стучал дождь пополам с ледяной крупой, высовывать нос на улицу решительно не хотелось, и Женя засела в библиотеке. Отобранные для нее Ланкенон записки путешественников и географические заметки она отложила на будущее, решив, что подшивки столичных газет, дополненные тетушкиными комментариями, будут пока что куда полезней для ознакомления с новым миром.

Сплетни, скандалы, перемывание косточек всем мало-мальски известным лицам — оказывается, этого хватало не только по гостиным, но и в «Столичном вестнике». «Желтая пресса как она есть, — фыркала Женя, перелистывая страницы. — Надо спросить у дядюшки, что там обо мне пишут».

Граф дома почти не появлялся, а газеты за последний месяц хранились у него в кабинете, а не в библиотеке, поэтому о себе Женя пока почитать не могла. Впрочем, было у нее подозрение, что это даже к лучшему...

Очередные платья портной привез на дом, Женя прослушала еще одну лекцию о том, куда какие наряды надевать и с какими аксессуарами, и ностальгически повздыхала по засунутым в самую глубину шкафа родным джинсам. Она уже не путалась в юбках, даже походка изменилась, утратила непринужденность и раскованность, стала плавной и мягкой.

— Сама себя не узнаю, — призналась Женя, отвернувшись от зеркала.

— Разве тебе не нравится? — спросила тетушка.

Женя пожалала плечами:

— Даже не знаю. Нравится, наверное. Но немножко пугает. — Тетушка вопросительно подняла брови, и Женя пояснила: — Вот дядя сказал: «ткань бытия», и мне оно как-то в голову запало. Как будто меня что-то переделывает под этот мир. Дома я бы от таких нарядов шарахалась, может даже, со скандалом. И здесь поначалу дико было, что приходится все эти юбки на себя напяливать и как-то в них еще ходить умудряться. А теперь — будто так и надо!

— Деточка, — тетушка покачала головой, — одежда, конечно, важна, но не одежда делает человека. Разве что в чужих глазах.

— Понимаю, но... — Женя беспомощно пожалала плечами. Не могла она внятно объяснить, сама в собственных ощущениях путалась!

— Вот и не бери в голову. Во времена моей юности, кстати, случился как-то отменный скандал с переодеванием, рассказать? Только без имен и между нами, а то, видишь ли, участники того скандала еще вращаются в обществе, может получится не вполне прилично, если вдруг припомнить их былые шалости. Собственно, героине этой истории ты уже была представлена, это Нелль ди Тонншэре. — Женя кивнула, вспомнив миловидную пожилую даму. Однако веселое у тетушки «без имен»! — Так вот, в юности Нелль считалась первой столичной красоткой и перебирала кавалеров, как какая-нибудь зеленщица — овощи.

Тетушка несколькими точными жестами изобразила, как некая гипотетическая зеленщица с брезгливой гримаской отбрасывает в сторону гнилье и раскладывает по кучкам остальной товар — мелкий к мелкому, средний к среднему... Женя расхохоталась.

— О-о, ты не представляешь, какие кипели страсти, — тетушка довольно прижмурилась, — какие пари заключались на имя счастливчика, который завоюет ее сердце! А в итоге неприступную Нелль похитил никому не известный капитан из провинциального гарнизона, навещавший в столице свою престарелую двоюродную бабуку.

— То есть как — похитил?!

— А как оно бывает, сначала — сердце, потом — все остальное, а там и до свадьбы дошло. А так как уважающую себя барышню не похитят, ежели она сама того не захочет, наша Нелль, чтобы без помех выйти из отчего дома, переделась в гвардейский мундир своего младшего брата. Благо, была зима, и вполне женскую фигурку легко удалось скрыть под плащом, а волосы — под шапкой. И пока спохватились, что комната барышни пуста, пока кинулись искать — пожалуйста, уже готова замужняя дама!

Женя рассмеялась:

— Такие страсти! А теперь по ней и не скажешь, такая спокойная дама.

— Спокойная, потому что вполне счастлива. Брак получился весьма удачным, знаешь ли. Хотя капитан ди Тонншэре, казалось бы, не выдерживал никакой конкуренции с прочими претендентами!

— В нашем мире говорят, что женщина инстинктивно выбирает из всех мужчин того, с которым у нее получатся красивые дети, — вспомнила Женя. — У них красивые дети?

— А знаешь, очень даже, — задумчиво покивала тетушка. — Нужно рассказать дамам, им понравится.

«Еще бы, — подумала Женя, — такая благодатная тема». Но вслух сказала другое:

— Главное, чтобы они не начали применять эту теорию при сватовстве.

Поздним вечером, когда Женя, пожелав тетушке спокойной ночи, собралась идти к себе, под окном прогрохотала карета и остановилась у крыльца особняка фор Циррентов. Граф сразу после ужина закрылся в кабинете, гостей не ждали, поэтому Женя, вопросительно взглянув на тетушку, решила задержаться. Новая родня поощряла в ней здоровое любопытство, и потом — в тот самый вечер, когда она плакала, уткнувшись в плечо тетушки Гелли, а граф мялся рядом, с головой выдавая свое неумение утешать рыдающих девушек, Женя окончательно поняла, насколько они оба стали ей дороги. А раз так, она тоже должна знать, кого принесло на ночь глядя. Этот мир слишком богат на внезапные неприятности, чтобы позволить себе расслабиться.

В гостиную стремительно вошла дама в дорожной теплой накидке, явственно уставшая, бледная, с глубокими тенями под глазами.

— Гелли! Ты тут, вот так счастье!

Тетушка Гелли вскочила ей навстречу:

— Цинни, дорогая. Приехала!

Дальше последовали объятия, почти бессвязные возгласы и прочая вполне понятная суматоха. На шум вышел граф, и все повторилось: «Цинни!» — «Варрен!» — «Как доехала?» — «Ужасно, а ты здесь как?»

Женя, едва поняв, кто именно прибыл, тихонько уткнулась в стену — неловко было маячить там, мешать семейной встрече, уж лучше помочь сообразить быстрый ужин, в доме не так много лишних рук, а кроме ужина нужно и воды нагреть, и комнату приготовить... Да и страшновато вдруг стало. Пусть лучше о ней расскажут сначала граф с тетушкой.

Так и вышло, что встретила Женя с еще одной своей «тетушкой» лишь в столовой, где все собрались за поздним то ли ужином, то ли чаепитием. Цинни, умывшись с дороги и

переодевшись в домашнее платье, уже не казалась такой измученной. Улыбалась очень искренней улыбкой, рассказывала какие-то непонятные Жене тирисские новости, передавала приветы...

Цинни оказалась очень похожей на брата. Резкие черты лица, очень темные глубокие глаза, тонкие губы, уложенные короной черные волосы — ее трудно было назвать красивой, но внимание она привлекала. Женя невольно засмотрелась, сравнивая ее с графом, и вздрогнула, наткнувшись на ответный пристальный взгляд.

Графиня Лециния ди Скавалль, в девичестве — Цинни фор Циррент, с детства так привыкла к внезапным решениям и неожиданным поступкам брата, что не раз ему говорила: «Ты, Варрен, меня уже ничем не удивишь». Варрен мог пойти на свидание, а вместо этого очутиться где-нибудь в приграничье на секретном задании. Мог поспорить с магом, что вернее в драке — пистолет или заклятья, и предложить решить спор экспериментально на дуэли. Мог даже наорать на короля — было дело. Как сам он после объяснил: «Поощрять корсаров, может, и полезно для страны, но если они нарушают закон, добро пожаловать на рею наравне с пиратами, и нечего совать мне под нос королевские грамоты».

Но в этот раз Варрену все же удалось ее удивить, и еще как! Нет, из письма ясно было, что брат хочет ее видеть в связи с семьей, не зря ведь он упомянул приезд Гелли. Но, сколько бы предположений не строила Цинни в пути, все они оказались далеки от истины.

Каким-то невероятным образом подобрать девицу, перенесенную магами из другого мира, да еще и выдать ее за племянницу! И обстряпать это дело так тонко, что все, абсолютно все, услышавшие трогательную историю обретения семейством фор Циррент потерянного ребенка, — поверили! Братец заодно с Гелли исхитрился сделать из Джегейль главную тему столичных сплетен, на волне всеобщего любопытства ловко ввел ее в общество, и девушка, надо отдать ей должное, неплохо себя подала. Хотя, как говорят и Гелли, и Варрен, светская жизнь для нее — нечто абсолютно новое, очень сложное и не слишком приятное.

Зато она каким-то образом спасла принца Ларка и чуть ли не перешла с ним на «ты», причем держась исключительно в дружеских рамках — что, пожалуй, куда невероятней.

Забавно будет познакомиться поближе с эдаким прибавлением в семействе!

И ведь Гелли рассказала еще коротко и без подробностей — как успела, пока Цинни приводила себя в порядок с дороги. Завтра же нужно выпросить у Варрена все до последней мелочи!

А пока что Цинни подкреплялась домашней едой, вдыхала тонкий аромат чая с мятой и земляникой, рассказывала Варрену о тирисских новостях — то, что можно рассказать вне защищенного от прослушивания рабочего кабинета. Ловила на себе заинтересованный и слегка задумчивый взгляд новой родственницы и сама к ней присматривалась — незаметно, то вскользь, то сквозь ресницы.

На первый взгляд Джегейль казалась обыкновенной. Не дурнушка и не красавица, и совсем без изюминки. Впрочем, Гелли с Арбальдом не унаследовали броской внешности фор Циррентов, так что ничего страшного. Судя по рассказу Гелли, родство с фор Циррентами девушка доказывает умом, характером и острым язычком, а это не так уж плохо. Интересно, чего Варрен от нее ждет?

Цинни поймала очередной изучающий взгляд и посмотрела в ответ прямо, не таясь. Джегейль чуть заметно вздрогнула и виновато улыбнулась.

— Не пугай деточку, — фыркнула Гелли.

— Она и так напугана, — нервно хихикнув, продолжила Джегейль. И тут же сказала, улыбнувшись легко и искренне: — Нет, на самом деле я очень рада познакомиться. Столько о вас слышала.

— Завтра познакомимся поближе, — пообещала Цинни. — Мне, знаешь ли, тоже очень интересно, что у меня за племянница.

— Завтра поможешь мне подготовить деточку к балу, — Гелли подлила ей чаю и подвинула поближе вазочку с крохотными печеньками. — Попробуй, это по ее рецепту.

Мягкие печеньки таяли во рту, Цинни даже прижмурилась от удовольствия — и досадно упустила очень забавную перемену выражений на лице Джегейль. Та спросила совершенно убито:

— Какой бал?

— Ну как же, я тебе говорила, бал городских старшин, — спокойно ответила Гелли. — Тебе придется танцевать, а еще там наверняка будет тот молодой человек, Никодес.

Джегейль застонала, спрятала лицо в ладони и спросила:

— Можно, я заболею?

— Вылечим, — с неожиданным ехидством ответил Варрен. — Здесь тебе не эти, как их? Антибиотики. Пригласим Заккендаля, он поводит над тобой руками, и вперед, танцевать.

— С этим усадым ловеласом, — буркнула Джегейль. — И с его белобрысым приятелем, хотя тот вроде ничего, не такой нахальный. И, может даже, с Ларком, если он там будет и не побоится прилюдно до меня дотронуться. Знаете, дядюшка, что я вам скажу? На таком фоне вы просто обязаны тоже уделить мне хотя бы один танец! Это прилично?

Варрен подавился чаем, а Гелли довольно улыбнулась и кивнула:

— Конечно, прилично. Осталось его туда затащить. Цинни, я на тебя рассчитываю!

«Расспросить досконально нужно не только Варрена», — мысленно отметила Цинни.

Женю разбудил щекотавший веки свет. В окно, на котором она позабыла вечером задернуть шторы, вместо надоевшего дождя с ледяной крупой заглядывало солнце, а на ветвях деревьев лежала невесомая тонкая пелена снега.

Женя еще повалялась немного, вспоминая вчерашний вечер. Вчера, ясное дело, с дороги было не до знакомства, но сегодня... Интересно, что за человек тетушка Цинни? Хотя какая она тетушка, почти ровесница, похоже. Сколько ж лет разницы у нее с братом?

— Ладно, пойдем знакомиться, — подбодрила себя Женя.

Из гостиной доносились голоса, и она невольно притормозила.

— Представляешь, Гелли, разлюбезный братец коварно удрал на службу!

— Коварно или трусливо — это вопрос. Я бы даже сказала, это вопрос вопросов.

— Вот как? Дело становится более интересным, чем я полагала. Рассказывай.

— Нет уж. Не буду я ничего тебе рассказывать хотя бы с недельку. Сама посмотри, так вернее будет.

Улыбнувшись — тетушки, похоже, прекрасно дополняли друг дружку, а уж понимали и вовсе с полуслова, — Женя вошла.

— Не помешаю? Доброе утро. Что-то я сегодня заспалась.

— Я сегодня отдыхаю, — Цинни сладко потянулась. — Трястись от тириесской границы по распутице — это, скажу я вам, не слишком изысканное удовольствие. Ну а раз уж

отдыхаю, мы сможем вволю поболтать, верно, Гелли, Джегейль? Хм-м, кстати... Джегейль — это ведь тоже Гелли, как же мне тебя называть, дорогая племянница, чтобы вы у меня не путались?

— Женья? Но это, как я понимаю, слишком по-чужеземному...

— Джеги?

— Ой, нет! Собачья кличка какая-то, — Женья аж передернулась. — Гелли первая и Гелли вторая — длинно... а жаль, мне так нравится...

— Джелли, — предложила тетушка Гелли. — Или Джелль.

— Отлично! — хором воскликнули Женья и Цинни. И, переглянувшись, рассмеялись.

— А ко мне, уж пожалуйста, без всяких «тетушек», просто Цинни. Я еще не настолько... — Цинни взглянула на Гелли и шутливо подняла руки: — Не настолько благонравная дама!

Оказывается, совместное придумывание уменьшительного имени здорово сближает. Неловкости и смущения не осталось и в помине, Цинни принялась расспрашивать, Женья и тетушка Гелли — рассказывать наперебой, перескакивая с одного на другое: с чаепития у дамы Дарианы на пари Ларка и Никодеса, с господ офицеров на новые платья, с платьев — на спасение Ларка (платье, кстати, пришлось тогда выбросить)... Цинни одинаково интересовали визиты Жени во дворец и прогулки по набережной, впечатления от города и от дворца, от Ларка и дам, от короля...

Женья радостно предложила заварить на завтрак «нормальный чай», от чая разговор совершенно естественным образом перекинулся на адмирала и на труп в его доме, но тетушка Гелли, увидев, как помрачнела Женья, сказала:

— Плохая тема, не надо. У Варрена что-то с этим делом не ладится...

— А я не хочу больше туда напрашиваться, — тихо добавила Женья. — Хотя если граф скажет, что нужно...

— Строго говоря, это не его головная боль, а Фенно-Дералю, так что... — тетушка Гелли выразительно пожала плечами. — Давайте-ка лучше о более актуальном. Бал.

Женья поежилась:

— Я совсем не знаю правил. Что прилично, что нет, как на что реагировать, когда, кому и как отказывать... Как-то все время нужно было разбираться с чем-нибудь более срочным.

— У нас есть два дня, — с поистине военным хладнокровием сказала тетушка Гелли. — Все успеем, со всем разберемся.

— Главное, запомни одно, — серьезно добавила Цинни, — на самом деле балы предназначены вовсе не для танцев.

— Дед, — Ларк плотно закрыл за собой двери королевского рабочего кабинета, — посоветоваться нужно.

— Интересно, — проворчал его величество Дионн-Горрент. — Я уж и не упомяну, когда в последний раз ты просил у меня совета.

— Обычно ты их даешь, не дожидаясь, пока я попрошу.

— А ты пропускаешь их мимо ушей. Любопытно будет узнать, что же заставило тебя изменить своим привычкам?

Ларк вздохнул: когда у деда ворчливое настроение совпадало с желанием поучить внука жизни, лучше всего было оказаться подальше, но теперь уж что поделать. Да и нельзя больше откладывать разговор.

— Ты не раз мне говорил, что я хорош на войне, но беспомощен перед интригами. Честно говоря, мне кажется, что я не просто беспомощен, а безнадежен, но что-то же нужно делать! Дед, я чувую, понимаешь, всей шкурой чувую недоброе! Но ничего не могу понять!

— Садись, — дед кивнул на кресло, — и рассказывай.

Ларк украдкой перевел дух: дед хоть и нахмурился, но враз посерьезнел, и теперь разговор пойдет по существу.

— Часть проблем довольно прозрачна — настолько, что даже я вижу их подоплеку, но я перечислю все. Не столько ради полноты картины, ты наверняка знаешь обо всем не хуже меня, сколько...

— Чтобы я мог проследить порядок твоих рассуждений? Хватит уже предисловий, Ларк. Тебя что-то тревожит, ты хочешь разобраться в этом, и я рад, что ты пришел ко мне со своими сомнениями.

— Хорошо. Начну с простого. Одар собирается перенести войну на море. В горах мы отлично их потрепали и будем трепать еще, но морские сражения — не по моей части, даже теоретически. Ты вернул адмирала фор Гронтеша, и под него тут же принялись рыть. Чуть ли не с первого дня. Донос в Тайную Канцелярию, то ли вор, то ли убийца в доме — тебе ведь докладывали уже об этом деле с мечом?

Король кивнул и добавил:

— Наши господа сыщики недовольны адмиралом, он не дает им проработать версию с попыткой похищения меча. Но я согласен с тобой, не в мече там дело. Впрочем, фор Циррент тоже так считает, он доложил о необходимости усиления охраны на верфях и в портах. Однако неотработанная версия, которую нельзя сбрасывать со счетов, претит его профессионализму.

— Они и к адмиралу собирались приставить охрану, — фыркнул Ларк. — Как не поубивали друг друга, не знаю. И я не знаю, кто прав.

— Фор Циррент, разумеется. При всем уважении к адмиралу как отменному бойцу, от удара из-за угла в спину бывает нелегко спастись. В ближайшие дни я сам собираюсь поговорить с адмиралом.

— Хорошо, — кивнул Ларк. — Но, кроме живого и здорового адмирала, нам нужен флот. Я приказал прощупать настроение морских торговцев. Ясно, что вояки из них никакие, но нам может понадобится грузовой флот. Я думал перевезти свои полки по Альетаре и далее морем, чтобы к весне они уже стояли на позициях. Да и после, гораздо проще перевозить провиант и снаряжение на кораблях, чем отправлять обозы по дорогам. Так вот... Ты ведь и сам наверняка знаешь, какие разговоры сейчас ходят среди негоциантов? Ограничительный эдикт, запрещающий нанимать на торговые корабли магов, безмерно усиливает риски плавания и торговли, бьет по карману честных купцов, а налоги-то платить все равно придется. И если король не понимает, что вместе с его купцами беднеет и государство, то короля не грех и сменить. Знаешь ведь?

— Давно знаю, — спокойно ответил король. — В чем-то они даже правы, государству выгодны богатые купцы. Но тут уж пришлось выбирать из двух зол...

— Объясни это им! — вспыхнул Ларк. Он все понимал насчет «выбирать из двух зол», но почему-то спокойствие деда разозлило. — Может быть, дальше разговоров дело и не пойдет, но если любому из этих говорунов представится случай навредить короне без опасности для собственной шкуры, многие ли сохраняют верность? Торговый флот — мощный резерв, но я не могу его использовать! На этих людей нельзя положиться!

— Не будь так категоричен. Ты не можешь их мобилизовать, но можешь зафрахтовать. Если платить им за каждый рейс по принятым расценкам, заключая договор, то на одной чаше весов с верностью окажется еще и прибыль, и деловая репутация.

— Бешеные деньги...

Взгляд короля стал жестким.

— А ты хотел воевать бесплатно? Война, знаешь ли, весьма прибыльна для некоторых поставщиков, но разорительна для государства. Почему, ты думаешь, я все годы своего правления всеми силами поддерживаю мирную торговлю? Хочешь, чтобы торговец был тебе верен — помни, что для него благополучие семьи и своего дела важнее громких слов, а вот для тебя его благополучие — залог богатства державы. И, если уж смотреть по большому счету, негоцианты не обязаны помогать тебе в войне, это ты обязан защищать их.

— Но у нас нет выбора! Разве что, как Одар, начать нанимать пиратов?

Король неторопливо прошелся по кабинету, остановился у окна, заложив руки за спину.

— Что ты сам думаешь о пиратах, Ларк?

Ларк ответил, не раздумывая: он достаточно размышлял на эту тему.

— Пусть их нанимает Одар. Предпочту, чтобы в переломный момент сражения это отребье предало моего врага, а не меня.

— Согласен. Но ты, как я понимаю, не видишь альтернативы?

— Вижу, и я тебе о ней уже рассказал — торговый флот. Знаешь, будь они по-настоящему верны, можно было бы набрать кораблей и для боя, хотя бы во вспомогательную линию. В конце концов, там, где не сумею заплатить сразу, пообещать льготы на будущее...

— Ну, так действуй.

— Де-ед, — Ларку остро захотелось побиться лбом о дубовый дедов стол. — Я столько тут распинаясь об их настроениях... И, к слову о возможных кредитах, похожие настроения и среди банкиров. Они, видишь ли, тоже терпят убытки!

— Конечно же, они терпят убытки. Ты сомневаешься?

«Нет, это ты издеваешься», — едва не ответил Ларк. Он понимал, конечно, что дед всего лишь хочет подвести его к какой-то мысли, к решению, которое сам король уже нашел, но не хочет преподносить его готовым своему вероятному преемнику. Воспитание, будь оно неладно! «Почему рядом с дедом я постоянно чувствую себя дураком?!»

— Скажи, ты давно говорил с барышней фор Циррент?

Резкая перемена темы окончательно выбила из колеи.

— Давно, — признался Ларк. — Мне, видишь ли, перед ней стыдно из-за того глупого пари. Впрочем, в любом случае сейчас не до разговоров, пусть даже самых интересных. Мне бы лишних десять часов в сутках...

— Стыдно ему... Извинись, коли стыдно. А вот мне она рассказала недавно интереснейшие вещи, и я хотел бы, чтобы ты тоже их услышал. На днях бал городских старшин, она там будет. Сходи. Полагаю, потраченное время себя окупит.

Ларк подавил вздох. И впрямь, если избегать девушку вместо откровенного признания, что сгруппировал, и извинений, ее обида в итоге может оказаться тяжелее и глубже. И, дела делами, а поговорить с Женей всегда интересно. Вот только дед вряд ли имеет в виду пустую болтовню. Что за «интереснейшие вещи» она вспомнила в этот раз?

— О чем ты предлагаешь мне с ней поговорить?

— О чем придется, — усмехнулся король. — У этой девушки слишком непредсказуемые темы и сравнения, мало ли что придет ей в голову. Но, если тебя интересует, что именно

заставило задуматься меня, спроси ее о том, как зомби-ящик формирует общественное мнение.

— Что?! — Ларк зажмурился и потряс головой. — Дед, прости, я вообще не уловил смысла в твоей последней фразе. Это... бред, абсурд!

— Именно, — веско согласился король. — Но это весьма полезный бред. Хотя бы в качестве темы для размышлений. А сейчас, прости, у меня встреча. Приходи после бала, продолжим разговор. Я как раз обдумаю кое-что, да и тебе вдруг придут в голову новые идеи.

— Хорошо, — Ларк встал и коротко поклонился. — Спасибо.

— Прекрати, — фыркнул дед, — развел церемонии. И вот еще что, давно хотел тебе сказать. Запомни, дорогой мой внук, на самом деле балы предназначены вовсе не для танцев.

— А для чего ж тогда?!

— Для интриг, — усмехнулся его величество Дионн-Горрент Мореплаватель. — Исключительно для интриг, Ларк, и упаси тебя небеса забыть об этом хоть на мгновение.

ГЛАВА 13, в которой Джегейль фор Циррент танцует с кем угодно, кроме Нико фор Виттенца

Бал начался со знакомств. В первые Женины выходы в свет тетушка Гелли «прикрыла» ее кружком своих подруг, но пора было обзаводиться и собственными приятельницами. «Социализироваться», — хмыкнула про себя Женя, улыбаясь очередной девице на выданье. Барышня ди Тонншэре, младшая дочь дамы Нелль, оглядела Джегейль фор Циррент с явным любопытством и столь же явным превосходством и лишь затем улыбнулась в ответ:

— Наслышана. Зовите меня по имени — Мирабель. Мы ведь с вами подружимся, правда? Матушка считает вас очень интересным знакомством, а я доверяю ее суждениям.

— Рада, — сладко ответила Женя. — Что ж, дорогая Мирабель, тогда представьте меня другим своим подругам.

Тетушка Гелли одобрительно прикрыла глаза, Цинни насмешливо улыбнулась. Вокруг «дамы Лецинии» тоже уже вихрился настоящий водоворот прежних подруг, приятельниц и знакомых, которым Цинни умудрялась управлять с виртуозностью заправского дирижера. «Мне расти и расти, — оценила Женя, — вот только не очень хочется расти именно до такого. Ладно, познакомимся с местными барышнями-невестами, авось они окажутся не хуже господ офицеров. А если хуже, тем лучше, я с радостью сбегу от них даже к Никодесу, он хотя бы иногда забавен».

Очутившись в кружке барышень, Женя самым церемонным образом со всеми перезнакомилась, мысленно возблагодарив дядюшку за досье, а тетушку за сплетни — по меньшей мере о половине девушек Женя уже хоть что-то знала, и запоминать их, соотнося с прочитанным, оказалось намного легче. Синеглазая блондинка Мирабель, вся в мать — и впрямь красавица по сравнению с прочими, бойкая, любопытная, общительная, отличное знакомство. Тоненькая, болезненного вида Миринда — на вид тихоня тихоней, вот только мать и старшая сестра — обе при дворе, дамы при ее высочестве Клалии, категория «вероятный противник». Жеманная Розалия — дочка дворянина «последней волны», надменные аристократы за приличную партию таких не считают, а ей так хочется блистать...

К большому Жениному облегчению, новые подруги ни о чем ее не расспрашивали — слишком заняты были, отслеживая краем глаза входивших в зал кавалеров. Предстоял дележ танцев — судя по рассказам обеих тетушек, та еще «драка в грязи», пусть и прикрытая светскими любезными улыбками. Открыто приглашать кавалеров здесь не принято, зато дамы и барышни изобрели десятки способов подать сигнал «я желаю с вами танцевать». Ну, или «не желаю» — по обстоятельствам. Язык цветов, вееров, жестов, движений, ничего вроде бы не значащих фраз... Цинни кое-что показала дома, но Женя не чувствовала себя готовой применять эту сложную науку на практике. Уж лучше она на других посмотрит.

Гости съезжались, переходили между группками уже собравшихся, обмениваясь приветствиями, и если женщины постарше принимали суету со снисходительным достоинством, то девушек чуть ли не лихорадило. Жадные и ревнивые взгляды, нетерпеливое постукивание бальных туфель, крошечные букетики в тон платьям, готовые в любой миг оказаться в петлице кавалера... А вожаки дройфы дрейфовали невдалеке, бросали жгучие взгляды, подкручивали усы, и градус страсти в девичьем кружке ощутимо повышался.

с каждым мгновением — вот-вот полыхнет.

«Развлечений им в жизни мало, — почти с сочувствием думала Женя. — Или просто замуж невтерпехж». В этом кружке, приличном для нее по статусу незамужней барышни, она чувствовала себя почти старухой. Ну ладно, не старухой, но умной опытной женщиной среди девчонок-соплюх — точно. «К ним нужно относиться серьезно, — напомнила себе Женя. — Конкуренция за мужика — самая жестокая, потому как заложена в нас эволюцией. А еще это — мой предполагаемый круг общения, так что придется вписываться. Надо, Женя, надо».

Тихо и вкрадчиво зазвучали первые такты танца-выхода, давая сигнал к смешению мужской и женской половин зала. «На старт, внимание, марш», — мысленно хихикнула Женя, делая крохотный шажок назад. Ее новоявленным подругам разве что воспитание мешало пихаться локтями, каждая хотела оказаться ближе к облюбованному кавалеру. Составившиеся пары гордо дефилировали к центру огромного зала, а оттуда цепочка танцующих вилась змейкой вслед за открывшей бал парой — бургомистром с супругой. Три шага, поклон, пять шагов, разворот, плавный шаг, шорох юбок, щелчки вееров... Не танец, а сплошное «себя показать». И демонстрация симпатий, конечно же: составляя кавалеру пару на первый танец, ты даешь ему понять, что и дальнейшим приглашениям будешь рада.

— Виконтесса, разрешите вас пригласить, — блистательный, то есть блистающий начищенными туфлями и завитыми усами Никодес каким-то невероятным маневром просочился сквозь кордон жаждущих его девиц и остановился перед Женей.

«Нет, только не это!»

— Прощу простить, граф, мой первый танец уже занят.

«Дядюшка, если ты немедленно не появишься, я... я обижусь, вот! Обещал не бросать меня с ходу да в воду!»

— Тогда второй?

— Право, не знаю, граф. Я пока не готова строить столь далеко идущие планы...

— Джегейль? — «О, наконец-то!» — Наш договор на первый танец в силе?

— Разумеется, — Женя подала дядюшке руку, сжав его ладонь, наверное, сильнее, чем подобает — она всей кожей чувствовала скрестившиеся на них взгляды. То, что Никодес смотрит вслед, это еще полбеда, но барышни... Да пусть радуются, курицы! Она ведь оставила им красавчика Никодеса, можно открывать на беднягу сезон охоты!

— Что с тобой? — чуть слышно спросил дядюшка.

— Первый бал, — так же тихо ответила Женя. — Страшновато.

— Не верю, — ухмыльнулся граф. — Что угодно, но не «страшновато». Давай, вперед.

Три шага, едва касаясь руки партнера кончиками пальцев, поклон — глаза в глаза, пять шагов, разворот, и вот странно, почему такая чинная, ничуть вроде бы не танцевальная музыка заставляет быстрее биться сердце? Почему кажется, что вот-вот оторвешься от пола и взлетишь?

— Нет, первый бал — это, наверное, странно. Я слишком много всего чувствую — непривычного, понимаете?

— Пожалуй, понимаю.

Три шага, поклон — глаза в глаза, этот танец, наверное, для того и придуман: неспешный обмен взглядами, репликами, улыбками. Движения совсем не требуют внимания, все достается партнеру.

— Спасибо, что спасли меня. Было бы печально танцевать свой первый танец здесь с чужим человеком.

— Не могу обещать спасти и впредь: обычно я вовсе не танцую.

— Понимаю.

— Хотя всегда можно выйти в галерею полюбоваться на... не знаю, на что именно здесь любуются, но какая разница?

— Ловлю вас на слове. А еще можно поискать, где здесь лимонад.

— У официантов по всему залу, увы. Достаточно махнуть рукой.

— Да, слишком хороший сервис не всегда удобен.

— Обслуживание.

— Что? А, поняла. Ой, а что, уже все, танец кончился? Так быстро?

— Увы. Но, кажется, один наш общий знакомый жаждет с кем-то из нас пообщаться.

Подойдем к нему вместе?

Женя обернулась, проследив взглядом короткий поворот головы дядюшки. Ларк. Женя с улыбкой кивнула:

— Давайте подойдем, с удовольствием с ним поздороваюсь. Гулять так гулять, верно?

Приходить на бал с мыслью «балы не для танцев» принцу Ларку прежде не доводилось. Обычно все происходило наоборот — заботы побоку, дела государственные остались во дворце, гулять так гулять. И дед, и отец не раз говорили, что так нельзя, но почему-то именно сейчас Ларк сам вдруг почувствовал, что прежнее веселье больше не прельщает. Не получилось оставить заботы, не думать о предстоящей войне, флоте, займах, и беззаботный дух танцев, прежде захватывавший его мгновенно, сейчас лишь раздражал.

Тем удивительней оказалось увидеть танцующим графа фор Циррента. Вот уж кто вечно в делах, воплощение укора для всех, протирающих туфли на паркете бальных залов! А смотрите-ка, ведет партнершу так легко и бережно, будто...

Череда пар с поклоном развернулась, и Ларк сбился с мысли, узнав партнершу графа: тот танцевал с Джегейль. Барышня фор Циррент, тонкая и хрупкая в бледно-золотистом шелковом платье, легким шагом ступала рядом с «дядей», идеально попадая в ритм его движений. А ведь жаловалась как-то, что танцевать совсем не умеет, не любит, вечно с ритма сбивается... То ли преуменьшала собственные таланты, то ли старшая виконтесса недурно ее натаскала.

Пробежав взглядом по цепочке церемонно кланяющихся пар, Ларк отметил Нико фор Виттенца в паре с Мирабель ди Тонншэре, старшую виконтессу фор Циррент с адмиралом фор Гронтешем — отлично, он все же пришел, наконец-то можно будет спокойно поговорить в неофициальной обстановке! И — Ларку захотелось протереть глаза — ди Ланцэ с еще одной дамой из семейства фор Циррентов, Лецинией ди Скавалль, супругой посла Андара в Тириссе. Когда она успела приехать? И почему вдруг? Что такого необычайного стряслось в Тириссе, какое известие ди Скавалль побоялся доверить дипломатической почте? И почему он, принц и наследник короны, ничего не знает?!

Церемонная мелодия оборвалась торжественным аккордом, дамы и кавалеры раскланялись, благодаря друг друга за танец. Граф и Джегейль о чем-то переговаривались, и Ларку вновь захотелось протереть глаза: слишком редко он видел на лице фор Циррента улыбку, а такую — и вовсе, пожалуй, никогда.

Поймав взгляд графа, Ларк подал ему знак, что хочет поговорить.

Подшли они вдвоем. Джегейль смотрела ожидающе, на приветствие ответила подобающим образом — публичное место все же. Но по губам скользнула привычная

быстрая улыбка — когда только привыкнуть к ней успел?

— Я соскучился, — неожиданно для себя самого признался он.

Джегейль чуть заметно пожала плечами:

— Кто мешал встретиться?

— Дела. Не поверите, я и сюда пришел не веселиться.

— Наконец-то, ваше высочество, — слегка ворчливо отозвался фор Циррент. — Так значит, вы желаете просить Джегейль побыть прикрытием для вашего «не веселья»?

— Это как? — быстро спросила девушка.

— Очень просто: его высочество обсуждает, например, с адмиралом дела сугубо военные, а ты стоишь рядом, улыбаешься, и со стороны кажется, что они оба развлекают мою племянницу.

— А подслушать? Я думала, такие разговоры у вас положено разговаривать строго в кабинетах?

— Иногда важнее, чтобы встреча с кем-то казалась случайной. А как скрыть содержание беседы... есть способы.

На этот раз барышня пожала плечами как-то очень выразительно:

— Ладно, вы рискуете, не я. Разумеется, ваше высочество, мне не трудно поулыбаться рядом с вами, делая вид, что я не слышу ваших сугубо мужских разговоров. Надеюсь, ревнивые соперницы не ткнут в меня отравленной шпилькой.

И первая же рассмеялась, так что оставалось лишь поддержать ее смех, склониться к руке и пригласить на танец.

Беглый взгляд со стороны не обманывал, двигалась барышня Женя легко, и даже если ей случалось ошибиться, тут же выправляла шаг. Танцевать с нею оказалось на редкость приятно — на памяти принца она была первой девушкой, не рассматривавшей танец с ним как предлог для любовных игр.

— Не знал, что можно танцевать чисто по-дружески, — не выдержав, признался он. — Необычное ощущение.

Джегейль не ответила, и Ларк тоже замолчал: и впрямь, вокруг было слишком много любопытных ушей, чтобы позволить себе искренний дружеский разговор. Оставалось кружить ее по залу, ощущая всей кожей шквал любопытных, расчетливых, ревнивых взглядов, и чувствовать себя — дурак дураком. Вот что получается, когда приходишь на бал не для танцев!

Танцуя с Мирабель ди Тонншэре, думать о другой девушке — все равно, что мечтать о дамских травяных чаях с печеньями, когда перед тобой на столе бутылка отличного вина и добрый кусок в меру прожаренного мяса. Еще месяц назад эта признанная королева столичных прелестниц посматривала на Нико фор Виттенца свысока, а знаки внимания принимала со скупающим видом, словно одолжение делала. А тут вдруг сама дала понять, что не против танцевать с ним!

Впрочем, совсем уж дураком в дамских играх Нико не был, а потому отлично понял: прекрасной Мирабель движет банальная ревность, ничего общего не имеющая не то что с любовью, а даже с симпатией. Как же — он посмел пригласить на первый танец другую, когда Мирабель стояла рядом!

Интересно, кто из них кого подобрал? Он, Нико — вторую, после того, как первая его отвергла, или Мирабель — отвергнутого подругой? Хотя так и так, конечно, приятного мало.

— Значит, вы готовы были променять меня на таинственную чужеземку? — Мирабель, очевидно, волновали те же вопросы.

— Есть в нас все же нечто похожее, — задумчиво произнес Нико, пожимая тонкие пальчики партнерши чуть сильнее допустимого. — Представьте себе, милая Мирабель, я сейчас подумал о том же: не потому ли вы дали мне понять, что согласитесь танцевать со мной? Пока я не видел никого, кроме вас, вы были холодны и неприступны, как снег на горных вершинах.

— Ах, Никодес, не виляйте! Вы хотите представить дело так, будто ухаживаете за Джегейль фор Циррент от безнадежности? Но вся столица в курсе вашего пари.

Все же Ларк снова оказался прав... Неудивительно, что Джегейль отказала! Как бы она могла согласиться без ущерба для репутации?!

— Это пари уже отменено, — если бы Нико мог, он бы сейчас побился головой о ближайшую стену. — Я признал себя проигравшим.

— Вот и славно, — Мирабель сладко улыбнулась. — Нам, девушкам, приятно внимание, но оскорбительно становиться объектом подобных споров.

— Значит, мое внимание вам все же приятно? — неуклюжая попытка уйти от тягостного разговора, но Мирабель сжалилась. Улыбнулась лукаво:

— Я подумаю, Никодес. Сейчас ценность вашего внимания несколько сомнительна, но не отчаивайтесь. Не к лицу мужчине, дворянину и офицеру, пугаться трудностей.

То ли оттого, что эта фраза совпала с последними тактами музыки, то ли Нико и впрямь устал от неудач и сомнений, но вместо того, чтобы отвести Мирабель на место, он пожал ее пальчики и спросил:

— Вы окажете мне честь танцевать со мной еще, Мирабель?

— Не только же с вами, — рассмеялась прелестница, — но следующий танец, так и быть, ваш.

— Очевидно, вы намереваетесь свести меня с ума, — пробормотал Нико, принимая девичьи ладошки в свои и занимая место в череде готовых к танцу пар.

— Вы повторяетесь, Никодес, вы уже говорили мне это.

— В осенний Перелом, — мгновенно припомнил Нико. — Я и надеяться не смел, что столь давняя моя жалоба еще жива в вашей памяти.

— Я на память не жалуясь, — многозначительно отозвалась Мирабель.

В ее словах можно было найти даже не один намек, а два, если не три, но все они были Никодесу фор Виттенцу насквозь понятны. Сейчас он оказался в своей стихии: танец был поводом для флирта, девушка говорила пусть иногда обидные, но естественные для девушки слова, и Нико прекрасно знал, что означает каждая из ее улыбок.

Развернувшись, он краем глаза поймал Джегейль. Та танцевала с Ларком. Принц говорил ей что-то, а она улыбалась, и ее улыбка оставалась для Нико по-прежнему загадочной.

— Мирабель, вы проводите меня после танца к вашей подруге? Боюсь, если я пойду в ее направлении в одиночестве, она решит, что я не оставил попыток, и тихо скроется.

— А вы оставили попытки? К чему тогда эта просьба?

— Я чувствую, что должен извиниться. Вы верно сказали, у барышни фор Циррент и впрямь есть повод для обиды.

Мирабель посмотрела ему в глаза, словно спрашивая: «С кем же вы в итоге хотите быть?» Но Нико предпочел сделать вид, что не понял этого слишком откровенного взгляда,

лишь привлек к себе партнершу немного ближе дозволенного перед тем, как окружить ее в финальном па.

Танец с Ларком пролетел на одном дыхании, весело, легко и как-то... спокойно, что ли? Женя сама толком не понимала этого чувства, но ей нравилось, это точно. Она явственно ощущала, что принцу танцевать с ней тоже нравится, но в этом «нравится» нет сексуальной подоплеки. Как сам он сказал: «по-дружески». С Ларком не возникало того напряжения, которое охватывало рядом с Никодесом: жуткая смесь из ожидания подвоха и страха ошибиться, сделать что-либо не так или, наоборот, не сделать, и в итоге влипнуть по уши в компрометирующую ситуацию.

Наверное, потому что Ларк — принц, наследник, будущий король, и они оба знают, что друг другу не пара. А когда не рассматриваешь вариант близости даже подсознательно, отношения все же совсем другие. Легче, проще и искреннее.

В детстве ей нравилось дружить с мальчишками...

— К слову сказать, милая Джегейль, у меня есть тема для разговора с вами, даже две, — взгляд Ларка сделался вдруг странно жалобным, и Женя внутренне собралась: такое выражение было для принца все же не характерно. Вот еще не хватало, чтобы он сейчас испортил такой чудесный момент!

— Начните с худшей, ваше высочество.

— Отчего вы решили, что они нехороши?

— Вы бы тоже так решили, если бы сейчас видели себя в зеркало. Давайте уж к делу, не тяните.

Принц неопределенно хмыкнул, подозвал официанта с лимонадом, подал Жене бокал и увлек ее к оконной нише: от любопытствующих взглядов это не спасало, но услышать их здесь вряд ли сумели бы.

— Тогда я начну с более понятной. Виконтесса фор Циррент, я прошу у вас прощения за глупое пари. Это была не моя идея, но я должен был пресечь его сразу.

— Ясно, — кивнула Женя. — Долго же вы решались, ваше высочество. А второе?

— Но...

Женя показательно вздохнула:

— Не будем тянуть кота за хвост. Вы извинились, я услышала. Жалеть вас за несчастный вид, с которым вы принесли мне эти извинения, я не собираюсь, поэтому предлагаю сразу перейти ко второй теме.

— Что ж, и на том спасибо, — он посмотрел виновато и вместе с тем по-мальчишески упрямо, и Женя невольно покачала головой. — Понял, продолжаю. Но знайте, Джегейль, временами вы становитесь несносны. Так вот, вторая тема... Признаться, я сам не понимаю ее смысла, поэтому просто передам вам слова моего деда. Он посоветовал расспросить вас о том, как зомби и ящики влияют на мнение общества.

Жене понадобилось несколько мгновений, чтобы понять, о чем речь — после чего она не смогла удержать смех. Спасибо еще, не расхохоталась в голос!

— Я поняла. И даже понимаю, зачем вам, но это точно разговор не для бала. Поверьте. Кстати, к нам идут.

Принц резко обернулся.

— Имейте в виду, ваше высочество, если ваш друг пригласит меня на танец, я уже танцую с вами, — прошипела ему в затылок Женя. Прикрыла глаза, успокаиваясь. Чертов

бал, нужно улыбаться. Сладко, приторно, чтоб у некоторых послышалось! В этот момент она поняла, что сама до чертиков соскучилась по трепу с принцем. Чтобы не так, как сейчас — в коротком перерыве между танцами и на виду у кучи народа, причем каждый первый оскорбится, что наследник престола уделяет внимание не ему, а какой-то девице. А спокойно, весело и никуда не торопясь...

— Виконтесса.

— Граф, — Женя через силу натянула улыбку. Интересно, он сам приволок с собой Мирабель, или та использовала беднягу как предлог подобраться к принцу?

— Я тут подумал...

«Вы умеете?» — чуть не сорвалось с языка, Женя даже зубы сжала, чтобы не ляпнуть чего-нибудь неприемлемого. Удивительное дело, этот чертов фор Виттенц умудряется постоянно провоцировать ее на колкости!

— Виконтесса, я умоляю простить меня.

— Сговорились вы, что ли? — с тоской протянула Женя. — Идите уж танцуйте, граф, вас девушка ждет, а вы...

Мирабель сделала вид, что шпильки не заметила: она воспользовалась случаем, чтобы сквозь ресницы бросать томные взгляды на принца. Ларк между тем высматривал кого-то в зале — то ли и впрямь занялся делом, то ли счел это законным поводом «не заметить» томную барышню.

— Мне мучительно думать, что вы на меня обижены, — виновато потупился Никодес.

«На дураков не обижаюсь», — снова чуть не лягнула Женя. «Еще бы паркет носочком поковырял, как малыш в песочнице!». И принц молчит, и смотрит, кажется, с любопытством. Цирк устроили!

— Вот что, дорогой граф, давайте проясним ситуацию раз и навсегда. Я не обижаюсь, — Никодес просиял улыбкой, но Женя продолжила: — Но хочу вас чисто по-дружески предупредить, что со мной вы только зря теряете время. Меня не прельщает ваш тип мужчин. То есть я, допустим, с удовольствием поболтаю с вами о чем-нибудь интересном, но без вот этих ваших огненных взглядов и подкручивания усов. По-дружески, если вам понятно, что я имею в виду. Если вы находитесь в активном поиске невесты или дамы сердца, обратите свой взор на тех, кто оценит ваше внимание по достоинству.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

И тайком перевела дух: «Целую речь ему тут толкнула, не поймет — обижусь!»

— Вы не в обиде и предлагаете оставаться друзьями? — зачем-то уточнил фор Виттенц.

— Именно, — кивнула Женя.

— Возможно, это большее, на что я имел право надеяться, — вздохнул Никодес.

— Я рада, если мы друг друга поняли.

«Похоже, и правда поняли», — мысленно кивнула Женя: фор Виттенц выглядел не оскорбленным или обиженным, а скорее задумчивым. Да и Мирабель цепко держала его под руку, не позволит сбежать. Прекрасно, одной головной болью стало, кажется, меньше. Балы — отличное место для выяснения отношений!

ГЛАВА 14, в которой между танцами решаются дела отнюдь не сердечные

Оставив Джегейль присматривать за Ларком, граф фор Циррент неторопливо прошелся по ведущим праздные разговоры кучкам гостей: раскланялся с одними, перекинулся парой слов с другими...

— Какими судьбами, граф?

— Вы настолько редкий гость на балах, господин граф, каких потрясений нам следует ждать?

— Представь меня своей прелестной племяннице, Варрен!

Он кивал, отшучивался, отделялся пустыми фразами, отмечая, что еще не утратил навыки светского общения, но раздражаться таким общением стал безмерно. Право, жизнь слишком коротка, чтобы тратить ее на пустые разговоры...

Однако раз уж он здесь, приходится извлекать пользу. Граф фор Циррент и впрямь слишком редко посещал балы, приемы и прочие светские развлечения, и его присутствие наверняка породит волну самых невероятных слухов и домыслов. Грех упускать возможность заранее направить молву в нужное русло, тем более, он не единственный редкий гость здесь. Уже к ночи по всем тайным каналам наверняка уйдет весть: «Столица Андара развлекается, наследник престола по-прежнему волочится за юбками, адмирал фор Гронтеш вместо подготовки флота танцует, Тайная Канцелярия ищет врагов среди своих».

Гелли тем временем довольно ловко увлекла адмирала в сторону галереи, и граф направился туда же.

Раскланялись не то чтобы холодно, но натянуто, фор Гронтеш адресовал Гелли дежурную улыбку и спросил:

— Скажите, граф, меня «пасут» опять из соображений моей же безопасности?

— Насколько я знаю, Фенно-Дераль после вашей с ним излишне громкой ссоры все же снял охрану, оставив лишь наблюдение у вашего дома. Возможно, зря? «Пасти», как вы изящно выразились, вас могут и враги.

— Вот как, — адмирал задумчиво оглядел зал.

— Давайте устроим охоту, — предложил фор Циррент. — Отчего-то мне кажется, что роль наживки порадует ваше чувство прекрасного.

Адмирал рассмеялся:

— Верно, предпочту поработать наживкой, это веселей, чем ощущать себя кошельком в запертом сейфе.

Он и впрямь оживился, в глазах вспыхнул азарт, и граф не удержался от предупреждения:

— Только помните, что вы нужны нам живым. Схватить убийц возле вашего еще теплого тела — немного не тот итог, на который я рассчитываю.

Фор Гронтеш презрительно фыркнул и, чуть заметно повысив голос, склонился к ручке Гелли:

— Еще танец, виконтесса?

Граф проводил их взглядом, невольно отметив, что его милая кузина-домоседка неплохо смотрится в паре с адмиралом. Поднял руку, подавая знак официанту, взял с

подноса бокал с лимонадом, сказал негромко:

— Наживка одобрила охоту, начинайте.

Через несколько мгновений на облюбованный графом пяточок у окна впорхнула Цинни. Приняв от него бокал, рассмеялась:

— Ах, братец, как я соскучилась по столичным балам! Но, представь, меня здесь не забыли! Отбоя нет от кавалеров!

— Почему это тебя должны были забыть? Или тебе нужны были подтверждения, что ты незабываема?

Брат и сестра понимающе улыбнулись друг другу. Губы Цинни шевельнулись беззвучно: «Гьяппа выводят капиталы».

Чего и следовало ожидать: андарское отделение банка «Гьяппа и Гьяппа» всецело зависит от решений директората, а директорат — в Одаре. А младший дель Гьяппа, вице-директор, еще и в обиде на нашего юбочника Ларка, чтоб ему, обормоту, хорошую супругу да поскорее.

Цинни допила лимонад, ловким жестом поправила прическу и тут же умчалась с очередным кавалером. А граф фор Циррент, оглядев зал и не обнаружив среди танцующих ни племянницы, ни принца, отправился на поиски. Оставлять Джегейль надолго без присмотра не хотелось, и почему-то не давало покоя смутное тревожное предчувствие.

Волнующее ощущение первого бала исчезло до обидного быстро. «Не быть мне Наташей Ростовской на первом балу, — мрачно думала Женя, — возраст уже не тот, да и розовых очков не хватает. Тот же серпентарий, что на работе был, только блеска больше и разговоры витиеватее».

Зато рядом с принцем разговоры велись нормальные. Те самые «сугубо мужские», в которые ей не то что влезать, а даже и слушать не полагалось — о займах, кредитах и выводе из страны капиталов, о корабельном лесе и пеньке, о возможной мобилизации рыбаков и фрахтах для торговцев...

Женя, как и обещала принцу, делала вид, что не слушает, улыбалась и кивала, когда со стороны могло казаться, что обращаются к ней. И только однажды не выдержала. Когда Ларк, видимо, ради пущей конспирации, снова повел ее танцевать, прошипела ему на ухо:

— Тот банкир, который советовал начеканить новых денег — натуральный вредитель. Не вздумайте. А если вам так хочется загрузить работой свой монетный двор, чеканьте валюту врага и забрасывайте на его территорию. Хотя лучше, конечно, не монеты, а бумажки — векселя или что там у вас еще есть?

— Что? — обалдело переспросил принц.

Но вокруг уже кружили в танце люди, и Женя лишь сказала негромко, лукаво улыбнувшись:

— Поверьте, ваше высочество, я знаю, о чем говорю.

И до конца танца молчала, пытаясь вновь отыскать в себе ощущение летящего восторга — и не находя. От скрецающихся на ней взглядов делалось неуютно, от музыки и гула голосов начала болеть голова. Как-то ориентироваться в бальной круговерти, выискивать знакомые лица, отслеживать, кто с кем танцует, разговаривает или уединяется, казалось невыносимым, хотя обе тетюшки наверняка замечали все это на автомате, даже не задумываясь.

— Ваши глаза стали грустными, что случилось? — встревоженно спросил Ларк.

— Устала, — пожаловалась Женя. — Шумно и бессмысленно. Спасибо еще, что я с вами рядом, хоть какая-то пища для мозгов.

— Вы расскажете мне позже, в чем выгода дарить врагу деньги.

— Обязательно. Это важно, правда. На эту тему я вообще много чего рассказать могу, честно говоря, просто не думала, что вам это нужно. Казалось, и так знаете.

— Дед, может, и знает, — вздохнул Ларк.

— Разве вам давали бы тогда такие советы? Ведь не вы же решаете такие вопросы? Хм, хотя я тут подумала, я вообще не знаю, кто у вас здесь что решает. Или мне и не положено такое знать?

— Барышни обычно таким не интересуются, — подмигнул Ларк. Ясно, снова кто-то подошел, и конец короткому разговору по душам. Принц раскланялся, приняв крайне официальный вид, значит, кто-то чужой, нужно держать лицо... глупенькое личико барышни на выданье.

«Кажется, я ненавижу балы», — подумала Женя. Обернувшись, выдавив любезную улыбку, готовая отвечать на приветствие, что-то говорить или, наоборот, молчать и улыбаться — по обстоятельствам...

Подошедший господин, пожилой, солидный, одетый скорее добротно, чем роскошно, поприветствовал ее с натянутой любезностью и что-то сказал принцу. Жене показалось — испанский или итальянский, вряд ли она сумела бы их различить, только и знала, что «чао, бамбино», и что там и там то ли синьоры, то ли сеньоры... В голове нарастала тупая тяжелая боль, Женя потерла пальцами виски, пробормотала:

— Простите, мне, наверное, нужно на воздух, — но тут в глазах потемнело, она успела почувствовать, как кто-то подхватывает под руку, и уплыла в блаженно тихую тьму.

Дед оказался прав, что было не удивительно, но все равно чрезвычайно удивляло. То есть не правота деда сама по себе, а тот факт, что на балу, куда, по твердому убеждению Ларка, ходят исключительно развлекаться, оказалось до изумления легко продвигать застопорившиеся дела, находить общий язык с оппонентами, договариваться о взаимных уступках и находить взаимовыгодные решения.

За какие-то жалкие три часа Ларк добился большего, чем за предыдущую дюжину дней! У него не укладывалось в голове, каким чудом многочасовые переговоры заменялись двумя-тремя сказанными между танцами фразами, но результаты говорили сами за себя. «Балы не для танцев»... Да, теперь-то он это понял!

Омрачало эту ошеломляюще радужную картину лишь происшествие с Джегейль, да и то, если быть честным, случилось оно крайне вовремя. Ларк ничего не мог с собой поделать — да, ему было стыдно за такие мысли, он искренне волновался о здоровье девушки, но своим обмороком барышня фор Циррент, сама того не подозревая, оказала принцу крайне весомую услугу. Объяснения со старым рогиносцем дель Гьяппа отнюдь не входили в планы принца Ларка на этот вечер! Тот, в конце концов, должен был понимать, на что себя обрекает, женившись, в свои-то годы, на юной и страстной Розалин! К тому же она Розалин давно уж сменила принца Ларка на более удобного кавалера, так к чему эти запоздалые претензии?

Дель Гьяппа еще шипел вслед какие-то маловразумительные угрозы, когда Ларк, подхватив побледневшую Джегейль на руки, пробежал по галерее и выскочил на открытый балкон. Ледяной ветер ударил в лицо, проник под камзол к разгоряченному танцами телу, и Ларк испугался, что Джегейль в своем легком шелковом платье может простыть. Но позади

было душно, и к тому же вряд ли девушке приятно было бы очнуться в перекрестье любопытных взглядов...

— Джегейль, — неловко придерживая обмякшую девушку одной рукой, принц сорвал с себя камзол и накинул ей на плечи. — Джегейль, что с вами? очнитесь же!

Тело под его руками сотрясла крупная дрожь, с побелевших губ сорвался стон. Принц был катастрофически близок к панике, когда Джегейль открыла глаза и всхлипнула:

— Голова...

В этот момент на балкон стремительно вышел граф фор Циррент.

— Что с ней?

— Я вообще-то здесь, — чуть слышно пискнула барышня. — Опять эти ваши спецэффекты, чертова магия.

— Ко мне подходил дель Гьяппа, — объяснил принц. — Намеревался потребовать объяснений по поводу моей давней интрижки с его женой. Но тут барышне стало дурно.

— Так-так, — граф оценивающе посмотрел на «племянницу». — Мы едем домой. Можете оказать мне услугу, принц? Как-нибудь незаметно предупредите моих сестру и кузину, чтобы они не волновались. Я отвезу Джегейль и вернусь.

— Вы уверены, что не нужен доктор?

— Не уверен. Но мы можем по пути заехать за Заккендалем.

Ларк осторожно пожал почти ледяные пальчики Джегейль:

— Я навещу вас завтра, вы позволите?

Барышня прикрыла глаза, и принц решил, что это было «да». В конце концов, граф тоже не возразил.

— Я провожу вас до кареты.

— Не стоит привлекать излишнее внимание, ваше высочество.

— Наверное, вы правы, граф. Джегейль, надеюсь, с вами все будет хорошо. До завтра.

— Камзол не забудьте, принц.

Вернувшись в зал, Ларк нашел взглядом даму Лецинию. Момент был удачен: та, разгоряченная быстрым танцем, обмахивалась веером и смеялась, выслушивая склонившегося к ней кавалера. Принц подозвал официанта, подхватил с подноса бокал.

— Позвольте вас угостить, прекрасная дама.

— Благодарю, мой принц, — тонкая бровь слегка выгнулась в безмолвном вопросе.

— Надеюсь, у вас найдется танец для меня? Прошу простить, — Ларк слегка поклонился кавалеру, в котором узнал одного из помощников тирисского посла, — возможно, я не слишком учтив. Наверняка графиня привезла вам приветы с родины. Но еще большей неучтивостью с моей стороны было бы не пригласить блистательную даму Лецинию хотя бы на один танец. Если графиня пожелает, я верну ее вам сразу же.

— Непременно, — средняя из дам семейства фор Циррент обворожительно улыбнулась сразу обоим и подала принцу руку.

Пока граф фор Циррент вез Джегейль вовсе не домой, как сказал, а в Тайную Канцелярию, где сегодня дежурил Заккендаль; пока принц Ларк и графиня ди Скавалль кружили в быстром холо рядом с Нико и прекрасной Мирабель; пока рогоносец дель Гьяппа в бешенстве наблюдал, как его молодая жена слишком откровенно улыбается тирисскому послу, а сам посол, старательно не замечая эту известную легким поведением особу, подносил бокал с лимонадом графине Дариане фор Ганц — адмирал фор Гронтеш

рассказывал старшей виконтессе фор Циррент об Огненных островах. Не те страшноватые, но захватывающие байки, которыми так легко завоевать внимание дам, и не сухие точные сводки, которые предоставлял его величеству, и не манящие опасностями и сокровищами картинки, на которые клюют купцы и искатели приключений, а то, что помнил и не мог позабыть именно он. Кривые сосны на скалистых берегах и черный дым над вершинами круглых огнедышащих гор. Рыбаки в деревянных сандалиях, в отлив собирающие морских ежей в огромные плетеные корзины, и их тонкие, как тростинки, юные дочери, ныряющие на немыслимую глубину за раковинами и розовым жемчугом. Бедные крестьяне, которые днем трудятся на залитых водой рисовых полях, а ночью выходят с дубинками на тракты, и увешанные с ног до головы оружием наемники, каждый из которых может вдруг оказаться местным князем. Чужие храмы, в которых почему-то захватывает дух и замирает от восторга душа, совсем как в священных рощах родного Андара.

Он сам не знал, почему вдруг так разговорился. Может, потому что Гелли фор Циррент умела слушать? А может, потому что далекая земля, отнявшая у нее брата, когда-то оставила в душе Оннара фор Гронтеша слишком глубокий, неизгладимый и незаживающий след?

Опасное это дело — выходить на чужой берег с открытой для чудес душой. Слишком легко, уезжая, позабыть душу там, среди скал и кривых сосен, где научился сражаться бок о бок с «варварами» и уважать их, где стал кому-то кровным врагом, а кому-то — братом. Слишком трудно вспомнить, вернувшись домой, что здесь — все иначе.

Слишком хочется невозможного — вернуться.

Он не сразу заметил, что к Гелли присоединилась дама Лециния — та подошла тихо и не стала перебивать рассказа. Лишь когда адмирал запнулся, обнаружив еще одну слушательницу, сказала:

— Брат просил передать, что он повез Джегейль домой. Потом вернется.

— Что-то случилось? — встревожилась Гелли.

— Девочке стало дурно. Может, с непривычки, — Лециния слегка пожала плечами и добавила: — Думаю, ничего страшного, иначе брат не собирался бы вернуться.

Адмиралу показалось, что она недоговаривает. Что знает больше, чем сказала, и встревожена куда сильнее, чем показывает.

— Послушайте, — сказал он, — графиня, виконтесса. Вы можете на меня положиться. Я готов проводить вас домой, и, разумеется, от меня никто не узнает ничего лишнего.

Дамы переглянулись, как будто что-то друг дружке сказали без слов.

— Я должна остаться, — вздохнула Лециния. — Нужно знать, что здесь будет происходить.

— И Варрен должен вернуться по той же причине, — негромко сказала Гелли. — Но деточка... А и впрямь, адмирал, проводите меня домой.

В дороге разговора не случилось. Гелли ощутимо тревожилась, а адмирал и хотел бы ее успокоить, да не мог: не зная, что произошло, он и сам склонен был предполагать худшее — жизнь приучила. Да и не очень-то поговоришь, когда дама в закрытой карете, а кавалер — верхом. Поэтому фор Гронтеш молча держался рядом, так, чтобы Гелли могла, выглянув, его окликнуть. И думал о том, с какой именно минуты она стала для него — Гелли.

Прежде он ни одну женщину, кроме сестры, жены и дочери, не звал мысленно по имени.

Прощаясь, Гелли сказала:

— Я понимаю, адмирал, у вас сейчас, должно быть, тяжелое время. Но все же, не

забывайте, вы можете заглядывать к нам по-дружески.

Это было щедро. Как-то так случилось, что опала разорвала почти все прежние связи, а новые... та же опала сделала Оннара фор Гронтеша чрезмерно осторожным в светской жизни. Да и какая, в принципе, светская жизнь, когда в лучшем случае несколько месяцев осталось до войны? Он и на бал-то явился лишь по настоятельной королевской просьбе.

— Граф не будет возражать? Мы с ним немного не сошлись во мнениях по поводу досадного происшествия в моем доме.

— Варрен не смешивает личное с работой, к тому же я знаю, что он уважает вас.

Гелли чуть заметно улыбнулась, и адмирал невольно улыбнулся в ответ:

— Буду иметь в виду. Благодарю вас, виконтесса.

Происшествие с Джегейль взорвало размеренное течение бала — впрочем, слишком наивно было бы ожидать иного. Внимательные глаза дам высшего света заметили и ее долгое общение с его высочеством, и камзол Ларка, накинутый на плечи сомлевшей от духоты барышни, и встревоженный вид принца после того, как граф фор Циррент увез племянницу домой.

Ничего удивительного, что первым прозвучало предположение об интрижке между принцем и Джегейль фор Циррент. Не сходились лишь в причине внезапного недомогания барышни: от нервного потрясения при известии о прошлых увлечениях его высочества (но, право же, даже чужеземка не может быть столь наивной, чтобы полагать себя первой у давно уж взрослого наследника престола!) и до внезапно давшей о себе знать беременности.

Самое простое объяснение — о том, что непривычная к балам девушка не выдержала духоту, шум и почти непрерывные танцы, — если кому и пришло на ум, все равно осталось не высказанным. Наверное, из-за своей невинности, а, следовательно, не скандальности.

Все же высшее общество всюду одинаково, думала дама Лециния, присушиваясь краем уха к злорадным шепоткам и отмечая, кто какую версию озвучивает и как именно реагирует. Джелль вряд ли заинтересуется, она и без того не питает иллюзий, а вот Ларку полезно будет знать, кто из столичных красавиц более других исходит на яд от бессильной ревности.

Да и Варрен спросит.

Подлетел, заметив ее, Никодес фор Виттенц:

— Надеюсь, с вашей племянницей все будет хорошо, вы ведь разрешите навестить ее завтра, справиться о здоровье?

Подошел неспешно помощник тирийского посла:

— Я вижу, ваша новообетенная родственница — источник не только радости, но и тревог? Знаете, дорогая графиня, вы всегда желанная гостья на приемах у нашего посла, как-нибудь прихватите с собой вашу очаровательную племянницу. Иначе ее представления о светской жизни останутся неполными, верно?

Придрейфовали сплетницы из кружка Дарианы:

— Бедная Джегейль, первый бал, и такая неприятность! Однако граф, по-видимому, запаниковал, иначе позвал бы дорогую Эбигейль, та лучше позаботилась бы о милой девочке.

— И все же ваша племянница, дорогая Лециния, зря на себя наговаривала, она отменно танцует и премило себя держит в обществе.

— Но с бедным Никодесом она не станцевала ни разу! Похоже, молодой человек уже пожалел о своем безрассудном пари.

— А скажите, дорогая Лециния, ваш брат уже задумывался о возможной партии для племянницы? Все же она несколько старше наших невест.

Цинни улыбнулась с таинственным видом:

— Не здесь, дамы! И, ах, простите, но я обещала танец послу Тириссы.

Бал продолжался, скорого возвращения Варрена ждать не стоило, а значит, она должна танцевать и держать глаза и уши открытыми! Что бы ни случилось с Джелль, это не отменяет основного направления работы: понять, кто какую рыбку намерен ловить в мутной воде надвигающейся войны.

ГЛАВА 15, в которой Женя отдыхает и принимает гостей

В карете Женю укачало. Головная боль утратила остроту, оставшись лишь мутной тяжестью, какая бывает с недосыпа и от переработки за компьютером. Уткнувшись лбом в дядюшкино плечо, Женя старалась дышать глубоко и ровно, но чертову карету трясло, и от каждой неровности дороги к горлу подкатывал комок, а под закрытыми веками вспыхивали искры.

Граф обнимал ее за плечи, осторожно придерживая, и можно было сосредоточиться на тепле его ладони и на негромком голосе, обещавшем, что осталось недолго, что уже почти приехали, и Заккендаль сейчас на месте, и все будет хорошо. Это помогало. Хотя из кареты Женя все равно вывалилась в почти невменяемом состоянии.

Окончательно она пришла в себя после того, как доктор Заккендаль, уже привычно улыбаясь, суется и проговаривая рассуждения себе под нос, чем-то над ней поколдовал, помассировал виски и какие-то точки на голове и напоил водой с мятными, судя по запаху, каплями. Дурнотная муть отступила, и Женя в полной мере оценила взгляд не дядюшки, но начальника Тайной Канцелярии — цепкий и не обещающий ничего хорошего виновникам очередной проблемы. Женя даже поежилась, припомнив их с графом первое знакомство — в этом же, кстати, кабинете.

— Вы так смотрите, аж страшно, — сказала она, — наверное, рабочее место так действует. Доктор, а что со мной было?

— Вам лучше? — спросил граф.

— Да, нормально, — кивнула Женя. — Спать только хочется.

— Это от лекарства, — объяснил Заккендаль, — вам, милая барышня, поспать сейчас не просто нужно, а жизненно, я бы сказал, необходимо. Хотя ничего по-настоящему страшного с вами не стряслось, но нагрузка на мозг едва не превысила критическую.

— Этот несчастный дель Гьяппа, — скривился граф. — Ты стояла рядом с Ларком, когда он подошел, а разговор предполагался весьма деликатного свойства и не для девичьих ушей. Поэтому дель Гьяппа заговорил с принцем на одарском.

— Опять переводческое заклинание? — поняла Женя. — Но в прошлый раз все было совсем не так!

— В прошлый раз, — кинулся объяснять Заккендаль, — вы были, насколько я понял, в гостях, в приятном обществе и спокойной обстановке, и после самого первого применения этого заклинания прошло изрядно времени. Так? А теперь что? Шум, толпа, нервное напряжение — вы ведь не привыкли к таким выходам в свет, верно, милая барышня? И слишком, критично мало времени с прошлого раза! Ваш мозг еще не оправился после одной встряски, ведь чужой язык — это огромный, колоссальный объем информации! Нужно время, чтобы новые связи успокоились, прижились, так сказать. А тут на тебе, снова! Что я вам скажу, господин граф, — развернулся доктор, — здесь и ваша неосторожность! А если бы, предположим, одновременно с одарским банкиром затеял конфиденциальный разговор тириский посол? Вот тогда, — он ткнул Женю коротким пальчиком в лоб, — ваш мозг попросту вскипел бы!

— Да, не учел, — хмуро согласился граф. — Простите, Джегейль.

— Почему на «вы»? — Женя попыталась улыбнуться, и у нее даже получилось. — И вообще, все ведь обошлось, так что давайте посчитаем плюсы. Я знаю еще один язык. Только нужно проверить, точно знаю?

— А вот это не сегодня! — решительно заявил доктор. — Выспаться, отдохнуть, а потом уж проверяйте. Кстати, отдохнуть — это моя строжайшая рекомендация. Как минимум десять дней — дома, с самым узким, проверенным кругом общения, чтобы гарантированно исключить рецидив. Никаких волнений, сон, прогулки в саду...

— Доктор, мы поняли! А то еще пара минут, и вы дойдете до того, что меня нужно завернуть в вату. Читать можно?

— Первые дни нежелательно, — покачал головой Заккендаль. — Но, уверяю вас, барышня, вы сами поймете, что вашей голове еще нужен отдых. Прислушивайтесь к самочувствию и будьте благоразумны.

— Хорошо, доктор.

— Я загляну завтра, проверю, как у вас дела.

— Спасибо, доктор, — на «докторе» Женя сладко зевнула, и граф заторопился: от Тайной Канцелярии ехать до дома было, как помнилось Жене, около получаса.

— Хорошо, что вы со мной, — сказала она, когда карета тронулась с места. Привалилась к плечу графа, закрыла глаза и провалилась в сон — не сон, а легкую, спокойную дрему. По крайней мере, так не укачивало, и голова не болела...

Проснулась Женя в собственной постели, в прекрасном самочувствии, но зверски голодная. За плотно задернутыми шторами угадывался солнечный день, на табуреточке возле кровати кемарила над вязанием старая Солли.

— Это еще сегодня или уже завтра? — зевнув, спросила Женя. — Ой, как же есть хочется.

— Барышня проснулась! — подхватила Солли. — Вы, барышня, покуда не одевайтесь, я приготовлю ванну с мятой и рябиной. Смоете с себя все дурное, а там уж и покушаете. А я покуда Ланкена пошлю с сообщением к господину графу, тот велел сразу же ему доложить, как проснетесь.

— А он где? — Женя отчетливо вспомнила, как засыпала, привалившись к графскому плечу.

— На службе, где ж ему быть.

«Значит, уже завтра, — сделала вывод Женя, — то есть, где-то сутки я подрыхла. Да уж, сходила на бал, так сходила».

Но тут налетели обе тетушки, взволнованные и разговорчивые, и стало не до мыслей. Зато Женя выслушала расписанное в красках изложение тех вчерашних событий, которые прошли мимо нее. Как тетушка Гелли, получив сообщение о недомогании Джегейль, спешно приехала домой, но дома ни деточки, ни Варрена не оказалось, и до их появления она чего только не передумала. Как граф нес ее на руках из кареты и шипел на слуг, пытавшихся помочь. Как Ларк напросился проводить с бала даму Лецинию, чтобы узнать о состоянии Джегейль, а с ним, услышав тревожную новость, рвались Никодес фор Виттенц и Дастин ди Ланцэ, так что Цинни в итоге отправила всех троих восвояси.

— Вот что у меня за везение, даже на бал не сходить спокойно, — в сердцах пожаловалась Женя. — Спасибо хоть, не покушение и не убийство, а так, чистая случайность.

— А скажи-ка, у тебя дома так же было? — спросила вдруг Цинни.

— В смысле липнувших неприятностей? — уточнила Женя. Честно поразмышляла, считать ли замужество такой вот «налипшей» неприятностью или все же собственной дуростью, и покачала головой: — Ничего подобного. Это здесь началось — сплошные приключения, куда ни попаду, то труп, то покушение, и главное, что вроде со мной оно все никак даже и не связано! Как дядюшкин друг из полиции выразился, «повезло оказаться не в то время не в том месте»...

— Совсем как ты, — обратилась Цинни почему-то к тетушке Гелли.

— Э-э, то есть? — не поняла Женя.

— Пошли обедать, — коварно избежала объяснений Цинни. «Ладно, — решила Женя, — я запомнила! Как-нибудь потом расспрошу, о чем это они».

К обеду примчался граф, прихватив с собой Заккендаля, и Женя тут же вспомнила о другом не проясненном вопросе.

— Я вот, доктор, одного не понимаю, мне теперь любая фраза на незнакомом языке может мозги вскипятить? При таких делах ценность этого заклинания, я бы сказала, какая-то сомнительная.

— Это заклинание, барышня, разовое, — объяснил доктор. — То есть каждый раз, когда нужно очень быстро изучить новый язык, его приходится накладывать заново. Воздействие его на вас нетипично из-за огромной дозы магии, которая во время первого применения закрепила его в структуре мозга. Остаточное воздействие продлится до тех пор, пока ваш уровень магии не понизится настолько, чтобы его не хватало для активизации. Я понятно объясняю? — спохватился вдруг он.

— Вполне, — Женя злобно ткнула вилкой в кусок мяса. — А уровень магии вообще можно как-то измерить? А то ведь одно дело, если у меня это через месяц или через год пройдет, и совсем другое, если на полжизни хватит? На магичку учиться меня как-то не тянет.

— Нет-нет, — бодро уверил Заккендаль, — год — это самый максимум, уверяю вас. Точных методик измерения нет, но некоторые — не все! — имеют способность ощущать уровень силы. Так вот, я — ощущаю, хотя сам даже до слабейшего уровня ученика-мага не дотягиваю. Ваш уровень, милая барышня, падает заметно. В те наши встречи, когда вы оказали мне честь рассказами о медицине вашего мира, магия в вас ощущалась куда сильнее, чем сейчас. Полагаю, еще два-три месяца, и спад пойдет лавинообразно. Так что, граф, если желаете, чтобы барышня говорила еще на каком-либо языке, озаботьтесь этим через месяц-полтора.

— Мы решим это позже, — отговорился граф. — Сейчас меня волнует состояние Джегейль на сегодня.

— Намного лучше, чем вчера, — уверила Женя. — Но не могу передать, как меня радует перспектива отдыха от светской жизни.

— Это обманчивая перспектива, — со слегка насмешливым сочувствием сказал граф. — Насколько я понимаю, светская жизнь придет к тебе на дом. Возможно, уже сегодня.

Наверное, лицо у нее стало очень уж красноречивым, потому что тетушки дружно рассмеялись, а потом Цинни весело объяснила:

— Учись, дитя: дома всегда можно сослаться на головную боль и сбежать от гостей, оставив их на нас. Правда, некоторые гости могут понять это неправильно, но тут уж ничего не поделаешь, иные даже в простом «здравствуй» видят двойное дно.

— Или, наоборот, в «доброго вам утречка» не видят никакого двойного дна? —

пошутила Женя. Почему-то казалось, что здесь «понять неправильно» хозяйское «у меня болит голова» — это как раз-таки понять буквально, без всякого «я не желаю сейчас вас видеть».

И, судя по тому, как довольно переглянулись ее тетушки, она все поняла правильно...

Первые гости и впрямь заявили почти сразу же после обеда, да еще и компанией — принц Ларк, Никодес фор Виттенц и почему-то Дастин ди Ланцэ, с которым Джегейль на балу и пары слов, кажется, не сказала. Впрочем, он танцевал с Цинни. Забавно, думал граф, приветствуя господ офицеров, неужели капитан решился приударить за графиней ди Скавалль? Он нашел взгляд сестры, та едва заметно качнула головой. Интересно. Возможно ли, что он приглядывается к Джегейль, не афишируя пока своего интереса?

Роль хозяйки взяла на себя Гелли. Но гости, поприветствовав должным образом дам и самого графа, как-то слишком уж дружно развернулись к Джегейль.

Та поплотнее запахнулась в шаль и обвела гостей тем задумчивым и словно оценивающим взглядом, который, кажется, позволяла себе лишь дома.

— Рада приветствовать, господа. Но скажу сразу, и давайте без обид: у меня нет сил на пустую болтовню. Мне все еще не очень хорошо, я с радостью, правда с радостью, проведу время в приятной компании, но на вопросы о самочувствии или, упаси вас небо, комплименты могу ненароком укусить.

Ларк покачал головой:

— Оказывается, я скучал по вашей прямолинейной манере разговора.

— Сами виноваты, зачем было пропадать так надолго, — фыркнула Джегейль. — Что ж, чаю?

— А может, сядем в библиотеке? — оценив страдальческие физиономии своих товарищей, предложил принц. — Помните, вы обещали мне рассказать кое-что? Если вы, конечно, в силах сегодня.

Джегейль слабо улыбнулась:

— Значит, библиотека и чай для желающих. То есть для меня. На самом деле мы с тетушками уже почаявничали, но я еще хочу. От головы помогает.

— Ты уверена? — спросил граф. — Господа могут прийти и завтра. Помнишь, что доктор говорил? Если голова еще болит, лучше поспи.

— Все так серьезно? — торопливо спросил фор Виттенц. — Я слышал, у вас был простец обморок от духоты?

— Доктор сказал — никаких волнений, — всем сразу объяснила Джегейль. — Так что я оставляю за собой право выбора тем и право сбежать в любой момент. Согласны? И, Никодес, я же просила, без вопросов о самочувствии!

Лицо Нико фор Виттенца отразило живейшее смущение пополам с удовольствием, и Джегейль правильно поняла причину.

— Дорогой граф, вчера мы с вами договорились, что останемся друзьями. У меня есть привычка вне официальной обстановки называть друзей по имени, если вас это смущает, скажите сразу, я учту.

— Мне приятно, — коротко ответил фор Виттенц.

Ларк по-мальчишески шкодно улыбнулся:

— Я, в таком случае, смею напомнить, что тоже претендую на звание вашего друга, Джегейль.

— Какая чудовищная, э-э, — Джегейль запнулась, — как же это назвать-то? Фамильярность? Нарушение субординации? А в общем, я с удовольствием буду звать вас по имени, Ларк. Спасибо за предложение.

Все рассмеялись, и фор Циррент повел гостей в библиотеку.

Его ждала в кабинете пачка докладов и писем, но, поколебавшись всего мгновение, он решил отложить работу ради намечавшегося разговора. Конечно, за Джегейль прекрасно присмотрят и Гелли с Цинни, но почему-то он не хотел сейчас оставлять девушку без своей опеки. Вчера уже оставил, и вот... К тому же разговор мог оказаться и интересным, и полезным, а над бумагами можно и ночью посидеть.

Прихватив друзей с собой к фор Циррентам, Ларк преследовал сразу несколько целей, и «узнать о самочувствии Джегейль» была вовсе не главной из них. Разговоры с барышней Женей вызвали слишком много идей и мыслей, их нужно было проговорить, обсудить, рассмотреть со всех сторон. Рени все еще болел — не вовремя же угораздило его подставиться под пулю! Да и, как ни крути, серьезного военного опыта было у Реннара все же маловато. Предстоящую войну Ларк мог обсудить с дедом — то, что касалось финансов, купцов, рыбаков и торговцев; с графом фор Циррентом — вопросы безопасности; со старшим фор Гронтешем — флот, хотя там как раз и обсуждать нечего, умней всего положиться всецело на опыт и талант адмирала.

А то, что останется ему — войну в приграничье, в горах, — не со штабными же осликами обговаривать? Но можно взять офицеров потолковей и начать, наконец, подбирать свой штаб. Давно пора, на самом деле.

Нико фор Виттенц и Дастин ди Ланцэ оба уже знакомы с барышней фор Циррент и ее неожиданными высказываниями, так что не станут задаваться вопросом, откуда она такая взялась и почему принц ведет с ней серьезные разговоры. А если вдруг станут, достаточно будет сказать, что дед одобрил. «Настолько одобрил, что даже о женитьбе намекал», — Ларк едва не рассмеялся, представив реакцию приятелей на эдакую новость. Хотелось бы знать, дед оставил эту идею или просто отложил на будущее... После того злосчастного приворота Ларк очень отчетливо понимал, что он не интересуется Джегейль как мужчина и возможная пара. Как ни странно, это вовсе не умаляло его в ее глазах, похоже, Джегейль ценила именно дружбу с ним, возможность поболтать без флирта — как и он, впрочем. Любовный интерес лишь испортил бы все.

Ларк надеялся, что дед, с его умением читать в душах, тоже это заметил.

В библиотеке у графа фор Циррента было, пожалуй, уютно. Разительный контраст со строгой обстановкой кабинета, хотя, казалось бы, тоже ничего лишнего. Но шкафы с книгами, глубокие кресла, мягкий свет — создавали, как выражаются маги, свою неповторимую ауру...

Джегейль задержалась, вошла, когда все они уже расселись, с сервированным к чаю подносом. Поймала недоуменные взгляды Никодеса и ди Ланцэ, объяснила с едва заметной усмешкой:

— Знаете, на Огненных островах умение подать чай — неперенный атрибут благородного воспитания. Правда, церемония отличается от здешней, так что я, уж извините, вообще без церемоний.

Налила себе в чашку — принц ощутил уже знакомый терпкий аромат того ужаса, который барышня называла «настоящим чаем», — взяла с блюдечка кусок темного сахара.

Пожаловалась:

— Без сахара вкуснее, но когда болеешь, сладкий лучше идет. А сейчас, наверное, мозг глюкозы просит. Перенапрягся, и вот только засмейтесь!

— Ах да, — спохватился фор Циррент, — господа, говорим только на андарском. Упаси вас небеса даже от единственного слова на любом другом языке.

— Да что стряслось?! — не удержал любопытства фор Виттенц.

— Издержки магии, — мрачно объяснила Джегейль. — Меня когда сюда перетащило, вы думаете, я хоть слово по-андарски знала? Дядя переводческое заклинание применил. А у меня на тот момент и так мозги были магией перегруженные, вот оно и зацепилось. А вчера еще устала, переволновалась, шумно, непривычно, у меня все же первый в жизни бал был.

— Дель Гьяппа! — понял принц.

— Точно, — кивнула Джегейль. — Так что, ва... э-э, Ларк, о чем вы поговорить хотели?

— Вы обещали мне рассказать, зачем дарить деньги врагу, вместо того, чтобы начеканить новых монет для себя. И то, что просил узнать у вас мой дед: о зомби, ящиках и мнении общества.

— Зомби и ящики? Дарить деньги врагу? — почти одновременно переспросили оба капитана, фор Виттенц и ди Ланцэ. Выражение их таких разных лиц стало почти одинаковым, до крайности ошарашенным и как будто даже обиженным: мол, что за чушь нам тут собираются выдавать? А Джегейль отхлебнула своего ужасного чая, ехидно улыбнулась и спросила:

— Ларк, а правда, что тропы в ваших горах контролируют гномы, и преимущество в войне будет у тех, кто сумеет с ними договориться?

— К сожалению, нет, — вздохнул Ларк. — А может, к счастью. Я не спрашиваю у вас. Джегейль, откуда такие бредовые вопросы: сам не раз скамливал барышням байки о злобном маленьком горном народце. Почему-то они пользуются успехом, не знаете, почему?

— Налет таинственности, наверное, — Джегейль выразительно пожала плечами. — Или котики.

— Котики? — невольно переспросил принц, похоже, лишь на мгновение опередив тот же вопрос от Никодеса и Дастина.

Со стороны старших дам фор Циррент послышался тихий двойной смешок.

— Котики, — с серьезным видом кивнула Джегейль. — Понимаете, котики — они милые и пушистые, а барышни, в большинстве своем, любят что-нибудь милое, маленькое, пушистое, что можно потискать и почесать за ушком. Как это сочетается с любовью к бравым военным, не спрашивайте.

— А то вы ответите, что нас тоже можно потискать, — пробурчал себе под нос ди Ланцэ.

— Заметьте, это будет чистая правда, — все так же серьезно ответила Джегейль.

— И почесать за ушком, — Никодес расхохотался со странно нервным оттенком, и принц едва успел проглотить вопрос, не вспомнил ли тот какую-нибудь конкретную барышню. Разговор стремительно сдвигался в не слишком приличную для дамского общества сторону.

Джегейль, видимо, подумала о том же. Улыбнулась лукаво и задорно:

— Так вот, господа, так удивившие вас зомби — они, конечно, не котики, но, пожалуй, из той же категории, что ваши гномы: обеспечивают налет таинственности, красивую формулировку, если хотите. Ключевые слова в той теме — «мнение общества». — Она

умолкла ненадолго и продолжила без малейших признаков веселья: — Мы с королем говорили о том, что ваши купцы крайне плохо относятся к идее помочь своей стране в предстоящей войне. И я высказала идею... возможно, странную, не мне судить, я слишком недавно у вас. Открыто давить на их патриотические чувства — неправильно. Любой нормальный человек плохо отнесется к прямому давлению, это лишь прибавит поводов к недовольству. Люди ценят свободу, в том числе и свободу воли. Но если те же патриотические чувства будут капать на мозги вашим купцам исподволь и не от вас? Разговоры на рынке, соседка сказала что-то жене, дети задали вопрос...

— Я понял вашу мысль, — медленно сказал Ларк. — Они должны сами захотеть помочь. А мы должны не приказывать и мобилизовывать силой, а с благодарностью принять искреннюю помощь. Но как это обеспечить?

— Зомби, гномы и котики, — хмыкнула Джегейль. — Есть темы, на которые клюют барышни, а есть — которые цепляют народ на базаре. Есть слухи, которые пропускаешь мимо ушей, а есть и такие, которыми обязательно захочется поделиться со всеми соседками, как следует их обсудить, повозмущаться или посочувствовать. Вот, к примеру... — она задумалась, нахмурившись. — Гипотетически. Представьте себе, что ваша, я не знаю, кухарка, услышала на рынке две новости. Первая — что наш король собирается мобилизовать на службу всех моряков, потому что Одар сейчас слишком силен на море. Ее реакция? Пожмет плечами, если ее лично, то есть ее родных и близких, это не коснется, или испугается, расстроится, возмутится, если это грозит благополучию ее семьи. Я права?

— В целом да, — ответил граф фор Циррент. Он смотрел на «племянницу» с откровенным интересом, и принц понимал, почему: даже все прежние рассказы о чужом мире не подготовили их к тому, что эта милая, слегка неуклюжая и не слишком в себе уверенная барышня станет вдруг рассуждать о таких вещах и давать такие советы.

— И вторая. Ну, например, так... Одар совсем обнаглел, нанял пиратов, они уже нападают на торговые корабли Андара, грабят, режут, и ладно бы корабли, там, по крайней мере, экипаж — мужчины, привычные к риску, способные дать отпор. Но уже были случаи, когда одарские наемники высаживались на наше побережье и вырезали целые деревни! Описания зверств и грабежей добавить по вкусу, но ни в коем случае не пересаливать... то есть, я хотела сказать, подробности нужны в той степени, которая заставит народ ужаснуться и первыми задать вопрос, почему наш король не принимает меры? Дальше выводим людей на споры: а какие вообще меры может принять король? Все побережье не оцепишь войсками, к каждому торговому кораблю не приставишь фрегат для охраны. Потому что нет и не может быть столько свободных войск и кораблей, так? Значит, что? Собирать корабли в конвой? Мобилизовать моряков на службу и отправлять в опасную зону, охранять морские пути? А может, заодно и жителей побережья собрать в ополчение? Чтобы успели хотя бы вызвать помощь при внезапном нападении и продержаться, пока бабы с детьми не убегут в лес? Ну, тут уж, в общем, вам карты в руки, я навскидку накидала. Суть в чем — те меры, которые нужны вам, вы примете как будто под давлением или хотя бы с одобрения возмущенных вражескими зверствами людей. Никто, знаете ли, не хочет, чтобы те мерзавцы, которые вчера сожгли дом соседа, завтра пришли к тебе.

Довольно долго в библиотеке стояла тишина. Нарушил ее, как ни странно, Никодес:

— Вы страшный человек, виконтесса.

— Я выросла в страшном, по вашим меркам, месте, — пожала та плечами. — Простите, если шокировала.

— Но это может сработать, — задумчиво сказал фор Циррент. — Но рискованно. Вызывать бурление народа...

— Это нужно очень тщательно обдумать. И обсудить с дедом, — Ларк поднялся и тут же сел: — Джегейль, вы и в самом деле страшный человек, вы буквально вынудили меня забыть о приличиях и броситься к деду за советом, даже не попрощавшись.

— Но ведь это важно и срочно, неужели я не понимаю? Идите и обсуждайте. — Джегейль сделала глоток из совсем было позабытой чашки. — Ну вот, чай остыл.

— Мы, пожалуй, и в самом деле пойдем. Граф, вы с нами?

— Само собой, — фор Циррент поднялся и покачал головой: — Это было неожиданно. Наша Джегейль мастерица внезапных тем, верно, ваше высочество?

— О, да, — с чувством согласился принц. — Ваш совет о деньгах мы тоже обсудим, хорошо? В следующий раз.

— Легко. До встречи, и, Ларк, удачи вам. Надеюсь, все получится нормально.

— Я тоже надеюсь, — нервно рассмеялся Ларк.

ГЛАВА 16, в которой донос на адмирала фор Гронтеша оказывается не вполне беспочвенным

Воспользоваться приглашением Гелли «заглядывать по-дружески» адмирал фор Гронтеш решил уже на следующий день. Повод к визиту напрашивался: узнать, все ли в порядке с барышней Джегейль; но, кроме повода, была еще и причина.

Адмирал давно отвык чувствовать ту трепетную нежность к женщине, которая охватила его вчера во время разговора с Гелли. Похожие чувства вызывала когда-то его юная невеста, но лишь в самом начале знакомства, до того, как Оннар фор Гронтеш «распробовал» непростой характер той, которую отец предназначил ему в супруги. Позже они с Миллен выстроили отношения скорее дружеские, чем любовные, а после ее смерти адмирал относился к женщинам с сугубым прагматизмом: есть дочь — ее нужно вырастить и воспитать, есть сестра — она поможет в этом сложном для мужчины деле, есть шлюхи в портах — с ними можно снять напряжение; а больше никого и не нужно.

Право, он слишком стар для подобных чувств! Наверняка все дело в теме вчерашнего разговора: он впал в неуместную ностальгию, а Гелли... Эбигейль фор Циррент слишком хорошо умеет слушать.

Оннар фор Гронтеш чувствовал острую потребность встретиться с Эбигейль фор Циррент. Поговорить с нею и убедиться, что все дело в нахлынувших на него вчера воспоминаниях, а не в ее мягком, понимающем, то печальном, то слегка насмешливом взгляде. Он давно уж не мальчишка, да и она не юная барышня.

По чести сказать, адмирал чувствовал себя не то чтобы мальчишкой, а вовсе дурак дураком. Потому, наверное, и не заметил резкого движения сбоку: слишком погрузился в собственные мысли и сомнения. Но хлопок пистолетного выстрела не заметить трудно, особенно, если пулю отклоняет от твоего виска лишь надежный, контрабандой привезенный амулет-щит.

Хватит ли заряда амулета на еще одну пулю, адмирал проверять не стал: давно уж отучился от дурной привычки почем зря испытывать судьбу. Слетел с коня, кинувшись в направлении стрелявшего и чуть вбок — уходя с наиболее вероятной траектории, на тот случай, что вторым пистолетом убийца запасася, а осторожность забыл дома. Перемахнул кованую ограду, вопреки всем приличиям свалившись во двор чужого особняка... лишь для того, чтобы увидеть, как метнулась скрытая маревом «хамелеона» тень, чуть ли не одновременно с адмиралом перескакивая ограду — на улицу.

Высказав тройным загибом все, что думает о слишком проворных убийцах, бестолковой охране и собственной досадной задумчивости, адмирал решил, что менять планы из-за единственной пролетевшей мимо пули — много чести. Перебрался обратно и теперь уж погнал коня во весь дух, надеясь не столько на амулет, сколько на кривые руки стрелков — не всякий сумеет одним выстрелом снять всадника на галопе.

Но стрелок, похоже, был один и сейчас не искал второй возможности для выстрела, а удирал со всех ног. Так что у особняка фор Циррентов адмирал спешился целым и невредимым, слегка злым и вполне взбодрившимся.

Графа дома не оказалось, а Джегейль отдыхала; впрочем, Гелли и дама Лециния уверили, что с нею все в порядке:

— Просто вы, дорогой адмирал, нынче не первый гость, а доктор запретил деточке излишнее общение.

— Но вы ведь меня не погоните, верно? — почему-то, взглянув в глаза Гелли, Оннар фор Гронтеш напрочь забыл все свои рассуждения о ностальгии. — Я даже согласен на тирусский чай ради вашего общества.

Гелли негромко рассмеялась:

— Ловлю вас на слове, дорогой адмирал. Хотя, не скрою, ваше общество так приятно, что и я согласилась бы на ужасный напиток, который называете чаем вы и Джегейль.

За что, помимо прочего, Ларк считал деда великим правителем — тот никогда не тратил времени на пустые разговоры и никогда не перегружал важной информацией тех, кому она, строго говоря, не нужна. И терпеть не мог, когда к нему приходили с какой-либо проблемой, но без единой мысли о возможностях ее решения.

Потому, как ни хотелось бежать к деду немедленно, Ларк все же завернул друзей и примкнувшего графа фор Циррента к себе: «На первое совещание моего личного штаба, и даже не спорьте!» — обсудить достоинства и недостатки почти безумной идеи, родившейся из разговора с Джегейль, понять самим, стоит ли выигрыш риска, и уж затем идти с этой авантюрой к королю.

— Граф, есть свежие сводки с побережья? — первым делом спросил Ларк. — Там можно нарыть хоть какие-нибудь реальные нападения, или придется запускать слухи на ровном месте?

— Запускать слухи на ровном месте — занятие, увы, бесперспективное. Запомните, ваше высочество, дыма без огня не бывает, и люди, как правило, прекрасно это понимают, — официальный тон графа ясно давал понять Ларку, что тот сказал глупость. Ладно, ему простительно, работа со слухами — дело Тайной Канцелярии, а не военных. Но все же Ларку захотелось уколоть в ответ.

— А как же слух о вызове дьявола в Чародейном саду?

— Хотите сказать, у изрядно подвыпивших магов, наблюдавших некий ритуал и получивших в итоге ритуала некий труп, не было повода для подобных разговоров? Впрочем, пример весьма удачен, — граф неожиданно улыбнулся. — Прекрасно показывает разницу между реальным событием и тем, что можно из него извлечь, запустив в народ неясный, но тревожащий слух. Возвращаясь к вашему вопросу, принц, серьезных нападений пока не было, жертвы и прочие зверства исчисляются разве что парой-тройкой прирезанных коз. Но искра, из которой можно раздуть пожар, найдется. Я смогу обеспечить нужные нам слухи за два-три дня. Однако не гарантирую, что мои агенты сумеют удержать в приемлемых рамках панику, возмущение и прочие проявления народных чувств.

— А их нужно удерживать? — уточнил ди Ланцэ. — Насколько я понял, чем громче будут возмущаться и требовать возмездия и защиты, тем лучше?

— До тех пор, пока возмущаться будут пиратами и натравившим их на мирный берег Одаром, а не нашим королем, не сумевшим защитить своих подданных, — объяснил принц. — Насколько я понимаю, деду придется очень точно поймать время для выступления, чтобы показать себя защитником, а не проспавшим нападение стариком.

— Именно, — подтвердил фор Циррент. — Хотя здесь можно, даже нужно, кое-что сделать заранее. Нападение, господи офицеры, должно быть отбито. Героически и совершенно случайно отбито... ну, скажем, неким офицером с небольшим отрядом, который

как раз проезжал мимо со срочным поручением. Или, что даже лучше, патрулировал побережье, собирая для короля сведения об активности врага. Здесь мы вступаем на скользкий путь инсценировки, но, в конце концов, мало ли разбойников, по которым давно веревка плачет?

— Как-то это... неблагородно, — Никодес почесал в затылке.

— С пиратами? — поддел фор Циррент. — Или вы, капитан, ни разу не охотились на контрабандистов?

— Военная хитрость, — ди Ланцэ хлопнул друга по плечу. — Держу пари, неблагородным тебе кажется совсем не то, что придется показательно повесить какого-нибудь вора, а идея приписать ему чужие грехи. Ну так давай добудем настоящего одарского прихвостня, долго ли. И честнее, и на пользу делу пойдет, визнаем что-нибудь полезное.

— Время, — напомнил фор Циррент. — Мобилизация должна начаться как можно...

— Вчера, — резко прервал принц. — И вы оба это знаете лучше прочих, господа капитаны.

— Да легко, — Никодес упрямо тряхнул головой. — Запускайте слухи здесь, а мы отправимся на побережье. Наш, то есть нами добытый, труп подоспеет на удобренную почву, а если это будет честный, простите за дурацкий каламбур, труп одарского негодяя, то пока столица раскачается, на побережье уже будут гореть сигнальные костры. Ополчение — и в самом деле отличная идея, а барышня Джегейль и впрямь, как видно, выросла в недобрых местах.

— А вы оба прекрасно знаете, к кому из наших друзей на побережье прийти с этой идеей, — закончил мысль принц. — Отлично. С этим уже можно идти к деду. Даже если он не одобрит искусственные волнения в столице, в приграничье поработать не запретит. Вот что, Дастин, Никодес, сдавайте дела в полку, собирайте себе отряд из самых надежных, готовьтесь к отъезду. Я пока уточню план с дедом. Отправитесь завтра утром.

— Лучше ночью, меньше глаз, — ди Ланцэ поднялся. — Сможешь к вечеру все утрясти?

— Я-то смогу, а вы успеете?

— Обижаешь, командир, — Никодес подкрутил ус и ухмыльнулся. — Надоели, признаться, столичные развлечения. К вашей прекрасной племяннице, граф, это не относится. Передавайте ей от меня наилучшие пожелания.

По пути к королевскому кабинету Ларк о чем-то размышлял трудно и мучительно, невольно замедляя шаг — граф фор Циррент явственно видел на лице принца несвойственные тому сомнения и колебания. Любопытно было бы узнать причину такого раздрая, но граф молчал. Как-то незаметно для себя именно в эти дни, до краев заполненные предвоенной суматохой, тревогами, бесконечными бумагами, переговорами, согласованиями, он начал относиться к наследнику престола куда более уважительно, чем прежде.

Ларк изменился.

Еще совсем недавно он проявлял чудеса стратегического гения лишь на войне, в столице предпочитая оставаться беспечным разгильдяем. Совсем недавно самые пикантные столичные слухи были о принце Ларке и его верном порученце Рени, юбочнике и дуэлянте. Недавно казалось, что король Ларк-Элиот-Дионн станет лишь бледной тенью своего деда, и уважать его будут лишь за военные заслуги. Хотя и это виделось благом — по крайней мере, в случае войны у Андара оставались неплохие шансы. А вот мирные дела решал бы кто

угодно, только не король.

Совсем недавно начальник Тайной Канцелярии с ужасом ждал того дня, когда шалопаю Ларку все же придется надеть корону. Теперь же, по-прежнему радуясь могучему здоровью его величества, он все чаще ловил себя на мысли, что Ларк, пожалуй, справится. За месяц с небольшим, прошедший с осеннего Перелома, тот стал ощутимо серьезнее и словно даже мудрее. К счастью, не настолько, чтобы это заметили одарские шпионы: смеялся принц по-прежнему заразительно и дам на балах кружил самозабвенно.

— О чем думаете, граф? — прервал его размышления вопрос принца.

— О вас, ваше высочество, — усмехнулся тот.

— В самом деле? И в чем же я неправ на этот раз?

Сквозь шутливый тон отчетливо слышалось напряжение: в чем-то Ларк и впрямь очень сомневался. Но сомнения следовало оставить до королевского кабинета, защищенного от чужих ушей, и граф негромко рассмеялся, отвечая такой же слегка натужной шуткой:

— Не поверите, как раз о том и думал, что в последнее время у меня стало куда меньше поводов называть вас шалопаем и остолопом.

— Польщен, зйидее — коротко отозвался принц.

Не сговариваясь, они свернули к галерее: путь более длинный, зато почти безлюдный в это время года. В лицо ударил колючий мелкий снег, по-настоящему зимний, секущий, и Ларк выдохнул чуть слышно:

— В плохое время я шлю своих ребят в горы.

Граф промолчал: Ларк не заслуживал банальностей вроде «такова война» или «они справятся», он сам знал цену и своим офицерам, и собственным решениям. Ему случалось отдавать и более жесткие приказы. Хотя, возможно, для него внове слать людей в опасные вылазки задолго до официального наступления войны — ну что ж, будущему королю нужно пройти и через такой опыт. Понять, что незримая, не объявленная война не прекращается, по сути, никогда.

На выходе из галереи навстречу метнулся встрепанный, задыхающийся Тибериш. Последнюю неделю в ведении лейтенанта Тибериша была охрана фор Гронтешей, и граф замер в ожидании дурных вестей.

Лейтенант верно оценил заледеневшее лицо начальства и, прежде чем начать доклад по всей форме, быстро сказал:

— Все живы, все целы. А вот убийцу снова упустили.

— Кого? — коротко спросил граф.

— В адмирала стреляли. Промазали, он верхом был. Правда, за какими-то бесами вздумал погнаться за убийцей, но тот оказался быстрее.

— А ваши люди куда смотрели? — едва ли не прошипел фор Циррент.

— Разберусь, — виновато и зло пообещал лейтенант.

— Адмирал где?

— У вас. То есть, прошу прощения, в гостях у ваших сестер и племянницы.

— Надеюсь, они его заболтают достаточно для того, чтобы вы успели обеспечить адмиралу надежный конвой на обратный путь. Вам ясно, лейтенант?

— Минутку, — вклинился принц. — Как считаете, граф, может, имеет смысл вызвать адмирала на наше небольшое совещание? Побережье и пираты скорее по его части, чем по моей, — чуть слышно добавил он.

«А заодно можно попросить его величество надавить на адмирала по поводу его

безопасности», — мысленно кивнул фор Циррент. Неудачи нескольких последних попыток обнадеживали: вместо дорогих и надежных убийц работает, похоже, всякая шваль, а значит, совместные меры Фенно-Дераля и Тайной Канцелярии все же возымели некоторый успех. Вслух же сказал:

— Думаю, вы правы, ваше высочество. Лейтенант, возьмите себе в помощь несколько надежных людей и сопроводите адмирала к малому королевскому кабинету. Без очередных сюрпризов.

Прощтрафившийся лейтенант вполне понял все, что начальник не считал возможным высказать вслух в присутствии наследника престола. Поэтому лишь кивнул:

— Будет сделано! — и умчался.

А граф медленно выдохнул, умиряя ярость, и сказал:

— Не в обиду, принц, но право же, вот так и порадуешься, что ваш неумный порученец до сих пор прикован к постели. Боюсь, охрану сразу обоих не потянули бы даже мы с Фенно-Дералем вдвоем.

К появлению адмирала фор Гронтеша Ларк успел рассказать деду о разговоре с барышней Джегейль и возникшей в ходе разговора идее, а граф фор Циррент — доложить об очередном покушении.

Король прошелся по кабинету, заложив руки за спину, и резко развернулся навстречу открывшейся двери.

— Ты вовремя, Оннар, — глухо сказал он, и Ларк с трудом скрыл изумление. Не знал, что дед с адмиралом на «ты» и по имени...

— Готов спорить, вам уже доложили об очередном убийце, — адмирал поклонился, приветствуя сначала короля, после, принца, а затем — фор Циррента. — Убийца, между нами, на редкость бездарный. Но охраны, которую вы, граф, грозились ко мне приставить, я не заметил.

— Охраны хватило лишь на то, чтобы вовремя доложить мне о покушении и сопроводить вас сюда, — с тщательно скрываемой злостью подтвердил фор Циррент. — Мне хотелось бы выслушать подробности от вас лично, адмирал.

Король кивнул, и фор Гронтешу ничего не оставалось, как подчиниться.

Короткий рассказ почти точно повторял доклад капитана Тибериша. Добавилась лишь одна деталь — что убийца был скрыт заклятием «хамелеона». Но король, выслушав, вдруг усмехнулся:

— Мне-то мог бы не врать, Оннар. Или решил, что я тебя незаконным амулетом попрекну? Об одном жалею, что нет возможности таких амулетов хоть с полсотни раздобыть. Мы и так к войне не готовы, а если еще лучших командиров отстреливать начнут...

Адмирал прерывисто вздохнул, а дед вдруг шагнул к нему вплотную, сжал плечи и замер, глядя в глаза. Ларк попятился, ощутив мягкое, пока еще щадящее, но неотвратимое ментальное давление.

— Оннар, есть принятый вынужденно закон, а есть благо страны, — голос короля потяжелел, слова падали тяжелыми гранитными валунами. — Действуй во благо, и, слово короля, я не попрекну тебя нарушением закона. Ты ведь и сам знаешь, насколько нужен Андару. Или думаешь, твой король из ума выжил и сам поможет врагу от тебя избавиться?

— Ваше величество! — адмирал дернулся, скрипнув зубами. — Не давите. Мне и вашего

приказа было бы достаточно.

Король мягко шагнул назад, кивнул:

— Объясни сам, Оннар. Сам видишь, здесь как раз те самые люди, которые должны знать.

— Хорошо. — Адмирал, коротко вздохнув, потянул из-под ворота тонкий плетеный шнурок. Снял через голову, подал графу фор Цирренту: — Щитовой амулет. У нас таких не делают, это магия Огненных островов. Подзрядки от мага не требует, самовосполняется от магического фона среды, поэтому запрещены к ввозу. Замечу сразу, в столице фон слишком мал. Но я достаточно долго просидел в своем поместье...

Граф кивнул. Ларк тоже вспомнил о магическом источнике на землях фор Гронтешей — том самом, из-за которого чуть не убили Рени...

— И самое пикантное, — продолжил адмирал. — У меня есть человек, который умеет их делать.

— Ваш повар! — воскликнул вдруг фор Циррент. — Не зря Джегейль говорила, что он не так прост! И не зря, значит, вы так выгораживали его от следствия?

— Я в любом случае выгораживал бы его: нас связывает взаимное спасение. По обычаям Огненных островов — это побратимство, освященное волей богов. А здесь он, потому что именно ему должен после моей смерти принадлежать Черный Лотос.

— Не бойтесь, что за такой приз он решит поторопить вашу смерть? — спросил граф.

— Он закроет меня собой, если придется. Вы не понимаете, а вот ваша племянница... спросите у нее, если мне не верите.

— Верю, — хмыкнул граф. — Даже приму к сведению: в случае вашей смерти его из числа подозреваемых исключить. Так?

— Благодарю, — адмирал словно не заметил ядовитых интонаций. — Что же касается амулетов... Я понял вас, ваше величество, но я могу лишь просить. Он мой друг и побратим, а не слуга, и он не ваш подданный.

— Так попроси, — резко сказал король. — Я готов рассмотреть вопрос об оплате.

— Сделаю, ваше величество, — адмирал склонил голову.

И тут Ларк спохватился.

— Господин адмирал! Два моих друга уедут с опасным поручением этой ночью. Может быть, он успеет?...

— Не могу обещать, но сделаю все, что от меня зависит. Я могу идти, ваше величество? Время дорого, как я понял.

— Иди, — кивнул король. — Жду тебя с ответом в любое время. И, Оннар, все же не отказывайся от охраны. Хоть она и не всегда успевает.

— Этим я займусь немедленно, — пообещал фор Циррент. — Если позволите, ваше величество.

— Да, — король снова кивнул. — Идите, граф. Кстати, передавайте наилучшие пожелания вашей племяннице. Ее общество весьма благотворно действует на моего внука. А ты, Ларк, расскажи подробнее, что будешь делать, когда ваш план воплотится. Ты представляешь, что начнется в столице и как быстро и точно придется реагировать?

— Не очень, — вздохнул Ларк. — Потому и хочу обсудить это с тобой.

— Хорошо. Но для начала вот что учти: ты забыл об этом весьма важном факторе, а ведь тебе о нем докладывали. Банки выводят капиталы. Это неприятно, но и это можно обернуть себе на пользу. Жаль, что ваш разговор с Джегейль не дошел до финансовых сфер,

девочка отлично в них разбирается. Ты все еще не хочешь на ней жениться, внучек?

— Издеваешься, — вздохнул Ларк.

— Не без того, — согласился дед. — Ладно уж, слушай. Попытаюсь объяснить тебе доступно...

ГЛАВА 17, в которой Джегейль фор Циррент и ее дядя обсуждают модный роман, а принц Ларк навещает друга

Вопреки Жениным ожиданиям, обещанный Ларком «следующий раз» все никак не наступал. Видимо, одного разговора хватило принцу для того, чтобы с головой уйти в те самые срочные и важные дела, которые он так спешил обсудить с королем.

Адмирал тоже не появлялся, да и граф возвращался домой даже, кажется, не всякую ночь. Впрочем, обе тетушки восприняли это как должное, так что и Женя решила не тревожиться: работа есть работа. Она отлично помнила все те разговоры, свидетелем которых стала на балу, и прекрасно понимала, насколько сложная обстановка сейчас в Андаре и как много нужно сделать всем тем, от кого хоть что-то в этой стране зависит. А от графа фор Циррента зависело многое...

Зато сама Женя наконец-то вволю отдыхала. Несколько визитов любопытствующих дам прошли на удивление спокойно. Ответные визиты и прочая светская жизнь легли на привычные плечи тетушек, а Женя проводила время в библиотеке. Даже в сад не выходила, вопреки совету доктора Заккендаля — очень уж мерзкая установилась погода. С неба то лил дождь со снегом, то сыпалась секущая ледяная крупа, и беспрестанно дул, завывая, ветер. От ветра раскачивались ветви старых деревьев, скрежеща по оконным переплетам, и дребезжали стекла в рамах, мешая спать ночью и заставляя кутаться в шаль днем. Не позавидуешь тем, кто сейчас в пути! Однако светская жизнь не прекращалась из-за дурной погоды, сосредоточившись в тепле и уюте гостиных. «Столичный вестник» исправно приносил театральные репертуар, объявления о балах и домашних концертах и свежие сплетни под видом репортажей.

Читала Женя уже довольно бегло и газеты просматривала быстро. Можно было читать дядюшкин архив, а еще Ланкен наконец-то доверил ей ключи от книжных шкафов, так что теперь Женя вволю рылась в книгах, разбирая витиеватый тисненый шрифт на кожаных переплетах, листая плотные желтоватые страницы, выбирая, что почитать — томик стихов, роман, записки путешественника или мемуары дипломата...

Многие книги Женя одолевала с трудом — слишком громоздко, витиевато, непривычно были они написаны. Но попадались и такие, которые напоминали родную приключенческую литературу — пусть не Дюма или Майн Рид, но что-то похожее. Как раз такую она и читала, когда однажды вечером в библиотеку вошел граф.

В этот вечер Женя не рассчитывала на компанию: обе тетушки были приглашены на «чайную вечеринку» к очередной даме из кружка записных сплетниц, а Ланкен, который иногда позволял себе уделить полчаса-час обучению «молодой барышни», зачем-то уехал в загородное поместье. Правда, до отъезда заглянул, и Женя воспользовалась случаем и попросила у него совета: ей хотелось почитать что-нибудь скорее интригующее, чем нравоучительное, но при этом из современной жизни. Как ни крути, а необходимость знакомства с миром и обществом все еще оставалась актуальной.

Чтение оказалось увлекательным, хотя главный герой Женю изрядно бесил. Она осилила уже почти половину романа, и, хотя не взялась бы предугадывать, к чему приведут в

итоге перипетии сюжета, ей страстно хотелось обсудить происходящее и, чего уж там, повозмущаться. Так что граф появился исключительно вовремя — если, конечно, у него было время на болтовню о книжных героях. «А это вряд ли», — Женя подавила вздох и сказала с улыбкой:

— Надеюсь, ваше появление в собственном доме вызвано желанием немного отдохнуть, а не очередной катастрофой.

— Хотел узнать, как у тебя дела, — граф стремительно пересек библиотеку и почти рухнул в кресло напротив.

О том, как дела у его «племянницы», граф фор Циррент прекрасно знал. Доктор Заккендаль посещал Джегейль раз в два дня и считал, что та уже достаточно восстановилась. Рисковать магическим изучением еще одного языка было, разумеется, рано, но осваивать случайно доставшийся девушке одарский уже было бы можно. Вот только с кем осваивать? Ларк разрывался между штабом, гвардией, консультациями с банкирами, к которым привлек его дед, и необходимой светской жизнью — совсем исчезнуть из поля зрения праздных и не очень наблюдателей он не мог себе позволить. Адмирал фор Гронтеш, согласовав, наконец, «меру необходимой и достаточной охраны», носился от северного побережья к южному, инспектируя верфи и порты. Сам граф, поручив подчиненным почти все, что не касалось грядущей войны, тем не менее, тонул в донесениях агентов и осведомителей, рапортах о положении дел в столице и состоянии умов в провинциях, и к тому же лично занимался их с Ларком аферой со слухами, боясь доверить кому-либо столь неоднозначную идею. И, разумеется, его величеству было не до встреч с барышней фор Циррент.

Всех прочих, кто мог поговорить с Джегейль на одарском, граф категорически не желал к ней подпускать.

Насколько было бы проще, подхвати она тогда фразу на тирисском!

— Вам, похоже, и в самом деле остро нужен отдых, — задумчиво произнесла Джегейль. — А со мной все отлично. Сплю, болтаю с тетушками, читаю. Голова не болит. Разве что от газет — какую чушь там пишут, это же уму непостижимо! Бедный Ларк, надеюсь, его не заставят на мне жениться!

Граф вспомнил репортажи о том самом бале — по мнению падких на скандалы репортеров светской хроники, младшая виконтесса фор Циррент то ли подверглась там неизвестному проклятию, то ли внезапно оказалась беременной. Разумеется, тот факт, что барышня фор Циррент, пожертвовав танцами, провела большую часть бала рядом с наследником престола, был подан более чем многозначительно, а обморок, совпавший с попыткой объяснения с принцем некоего обманутого мужа, позволял сделать более чем скандальные выводы. За неимением иных сенсаций возможную связь принца Ларка-Элиота-Дионна и виконтессы Джегейль фор Циррент муссировали в прессе до сих пор, и оставалось лишь радоваться, что девушка воспринимает газетную шумиху с юмором.

Впрочем, заострять внимание на этой теме отчего-то совершенно не хотелось.

— Что читаешь? — поинтересовался граф.

Джегейль подняла книгу, демонстрируя обложку:

— «Путешествия и удивительные приключения Реярда Крия, моряка из Неттуэ».

Говоря откровенно, обложка эта, песочно-желтая, с тисненым черно-золотым фрегатом, графу фор Цирренту за последние пару месяцев примелькалась до тошноты. Скандальный роман активно обсуждали в обществе, прятали от дочерей, даже чуть было не запретили.

Запрету помешал лично его величество, высказавшийся в том духе, что поздно собирать убежавшее молоко: нашумевшая книга уже разошлась по рукам, и теперь любые санкции лишь подстегнут желание прочесть ее у еще не читавших и спровоцируют торговлю из-под полы.

— Почему именно эту? — граф подумал, что «Реярда Крия» могла бы, наверное, посоветовать «племяннице» Цинни, но роман слишком недавно издан и до Тириссы наверняка еще не дошел, а дома сестренка читала пока лишь газеты. Что касается Гелли, вряд ли та даст «деточке» подобное чтиво.

— Я попросила Ланкена подыскать что-нибудь интересное из современной жизни.

— Ланкен?! — не сдержал изумления граф. — Ланкен — подсунул тебе — это?!

Джегейль расхохоталась.

— Он предупредил, что книжка сомнительного свойства. Но сказал, что я слишком много общаюсь с людьми, которые ее читали. И что в обществе сейчас модно обсуждать ее, так что лучше знать, о чем речь. Да ладно, ничего в ней нет такого уж страшного, а если в обществе обсуждают, то и в самом деле нужно прочесть. А то вы так испугались, как будто я ваша несовершеннолетняя невинная дочь.

Граф молча покачал головой — говоря откровенно, ни один достаточно разумный ответ просто не пришел ему в голову. А Джегейль добавила:

— Хотя думается мне, что большинство несовершеннолетних барышень, доросших до понимания, чем мальчики отличаются от девочек, хотя бы пытались тайком его прочесть.

— И как вам? — граф с трудом подыскал достаточно нейтральный ответ. — Нравится герой?

— Нет! — Джегейль даже головой мотнула.

— Отчего же?

Нахмурилась, ответила решительно:

— Он вор, подлец и предатель.

Прекрасно. Она все же оценивает не любовные похождения Крия. Вот ведь — знал, что девушка умна, но как приятно еще раз в этом убедиться! Или все дело в том, что она оказалась первой женщиной, чья оценка моральных качеств Реярда Крия полностью совпала с его собственной?

— Думаю, тебе будет интересно узнать, что обсуждать этот роман не просто «модно». Нет другой книги, вызывавшей настолько бурные споры. Автора обвиняют в ниспровержении ценностей, аморальности, пропаганде безнравственного поведения... Но, вот странно, поголовно все барышни и весьма многие дамы без ума от главного героя.

— Ничего странного, — Джегейль выразительно пожала плечами. — Девочки же, чего вы от них хотите.

— То есть вас это не удивляет? Вы согласны, что Реярдом можно восхищаться?

— Он для того и написан, это, по-моему, очевидно, — снова пожала плечами. — Смотрите: решительный, умный, сильный, умеет добиваться цели. Цели, правда, у него тухленькие: чужую женщину отбить, чужих денег хапнуть, шкуру свою спасти, пока соседей резать будут. Но, понимаете, глупые девчонки на таких героев ведутся. Романтическая няшечка, обществом обиженная, женщиной отвергнутая, со страшной тайной в прошлом, интересной бледностью на лице и горьким цинизмом в голосе. Обнять и плакать, короче. Да еще любовная история красиво описана, хотя мне еще много читать, судить рано... Но это типаж, понимаете?

— Не понимаю.

— Ну как объяснить-то, господи... Вот если вы захотите поставить на поток романчики, над которыми будут рыдать юные девы, то именно такого героя надо в них штамповать. Беспрюхлябный вариант. Озолотитесь.

— Беспрюхлябный, значит... А вам почему не нравится?

Джегейль ответила резко и даже зло, как будто не было только что в ее голосе веселого ехидства:

— А я не юная дева. И вообще не дура. Я в жизни над таким уже порыдала, хватит. Пусть он трижды романтическая няшечка, но он подлец и вообще мерзость.

«Подлец и мерзость». Забавно, теми же словами отозвался о Реянде Крие принц Ларк. Его величество выразился более корректно и куда более цинично: «Такие люди могут принести много пользы государству до того дня, пока их не вздернут». Зато Клалия в восторге, хотя уж ее-то юной наивной девой никак не назовешь.

— Я с большим удовольствием вернусь к этому разговору, когда ты дочитаешь, — не хотелось выдавать, чем закончатся похождения романтического мерзавца. Все же книга, при всей ее скандальности, по-настоящему интересная.

— Я запомню, — радостно пообещала Джегейль. — Или, как говорится в одной нашей шуточке, «я вас записываю»! Seriously, читала и как раз думала, что такую книгу просто необходимо с кем-то обсудить. Категорически! Интересно, Ларк читал?

— Читал. Сказал, как и ты: «подлец и мерзость».

— Это хорошо. То есть, я знала, что принц у вас нормальный в плане моральных ориентиров, но лишний раз убедиться все равно приятно.

— Нормальный, — граф кивнул, — хотя тоже тот еще юбочник. Но из Ларка, при всем его шалопайстве, выйдет, я думаю, хороший правитель. В последнее время он стал серьезнее.

— Взрослеет парень, — хмыкнула Джегейль.

— Так оно и есть, — серьезно ответил граф. — Ты ведь у себя дома о монархии знала лишь теоретически, у вас другое правление? Так вот, поверь, очень важно видеть, что власть перейдет в надежные руки. Это дает уверенность.

Девушка опустила книгу на колени, посмотрела долгим, понимающим взглядом. Сказала негромко:

— К тому же вы работаете непосредственно на корону. Если какому-нибудь купцу или банкиру, по большому счету, нет дела до моральных качеств короля, лишь бы налоги были разумные, то вам должно быть важно уважать его лично, а не только как символ. Знать, что вы работаете на достойного человека. Я права?

— Полностью. Рад, что ты это понимаешь.

На самом деле — граф осознал это внезапно, только что, и это в какой-то мере его смутило — он рад был еще и тому, что Джегейль, судя по всему, разделяла это его чувство. Есть люди, для которых патриотизм предполагает слепое подчинение власти, но граф фон Циррент был не из таких. Многие, наверное, осудили бы его за верность личности, а не только королевским регалиям. Что ж, этим многим без разницы, сядет на трон Ларк или маленький Киренн, лишь бы видимость законности осталась соблюдена. И, Джегейль права, лишь бы налоги были разумны...

— А всего-то заговорили о книжке, — пробормотала Джегейль. — Вот это ваше состояние, дорогой граф, у нас называется «гореть на работе». Хотя и я виновата, что спросила насчет Ларка. Вам бы, наоборот, отвлечься.

— Все хорошо, — тихо сказал граф. — Весьма приятно, знаешь ли, обнаружить столько совпадений во взглядах с девушкой, которая тебе... не чужая.

Он надеялся, что Джегейль не заметила заминку или хотя бы не поняла, отчего он вдруг запнулся посреди фразы. Наверное, и впрямь усталость. Нужно лучше себя контролировать.

Между ошибками в любви и на войне есть одно весьма неприятное сходство: те и другие имеют обыкновение выявляться в самый неподходящий момент. Это Ларк знал; а вот с гибельными для дела последствиями любовной интрижки столкнулся впервые. И толку теперь признавать, как прав был дед... Нет, на будущее, конечно, Ларк урок извлечет, но сейчас, как выяснилось, никакими объяснениями, извинениями и даже компенсациями урона не поправишь.

Прав был дед.

Банк «Гьяппа и Гьяппа» выводил капиталы, и этой неприятности не воспрепятствовало бы сколь угодно доброе расположение вице-директора: тот, в конце концов, подчиняется директорату, а директорат — в Одаре. Однако, если бы не давняя интрижка Ларка с горячей красоткой Розалин дель Гьяппа, сейчас ее муженек-рогоносец вряд ли отказал бы королевскому дому Андара в долгосрочном займе под самые выгодные для банка проценты.

Принц ехал по улице Золотого Дуба, удерживая на лице вежливо-безразличное выражение и внутренне кипя от злости. И поди пойми, на кого та злость — на господина дель Гьяппа-младшего, его блудливую женушку или на самого себя?

Дел на сегодня больше не было. То есть, конечно, стоило бы наведаться в совет негоциантов или, наконец, пообщаться по душам, а не сугубо официально, с новым верховным магистром, но не в таком же расположении духа! Сейчас Ларк даже к деду побаивался идти — не слишком-то приятно чувствовать себя бестолковым щенком.

А вот навестить друга — самое то, что нужно и для души, и для совести. Бедняге Реннару точно сейчас не лучше, чем Ларку: жизнь кипит, а он практически заперт в отцовском особняке, всех прогулок — по двору и с сугубой осторожностью, чтобы не разбередить едва зажившую рану и не свалиться вновь с лихорадкой.

Под копытами чавкал раскисший снег, с неба срывалась мелкая морось пополам с ледяной крупой, и Ларк невольно думал о фор Виттенце и ди Ланцэ. В горах непогода втройне опасна. Спасибо еще, что таинственный не то слуга, не то побратим адмирала фор Гронтеша все-таки успел сделать им амулеты — почти незаряженные, правда, но обещал, что зарядятся сами в пути. Магам Огненных островов не так уж и нужны, оказывается, природные источники...

Реннар ощутимо тосковал. Велел подать вина и закусок, пожаловался:

— Все делом заняты, один я дурью маюсь. Чертов лекаришка даже визиты наносить запретил. Мне, видите ли, противопоказано по такой мерзкой погоде трястись в седле! Можно подумать, великое испытание, проехать пару-тройку городских улиц!

— А в карете?

— Что я, барышня нежная, в каретах кататься?! К дьяволу, — Рени наполнил бокалы и залпом выпил свой. — Одно радует, отец счастлив — наконец-то снова выйдет в море. Дома, считай, не появляется.

— Знаю, — кивнул Ларк. — Дед вовремя его вернул. Есть подозрение, даже уверенность, что в этот раз исход кампании будет решаться на море. А второго такого, как твой отец, нет, сам знаешь.

Реннар широко улыбнулся и тут же нахмурился:

— Руку придется разрабатывать. Вчера пробовал размяться со шпагой — в глазах темнеет, едва в обморок не рухнул. По-хорошему, давно должно было все зажить, но чертов ублюдок стрелял, похоже, какими-то особо мерзкими пулями. И не проверишь теперь. Доктор сказал, никакой магии, должно восстанавливаться само. Естественным, дьявол его побери, путем. Ларк, я тебя умоляю, найди мне дело! Хоть какое. Я тут протухну и вонять начну, даром, что не сдох.

И тут Ларка осенило. Не далее как вчера граф фор Циррент сетовал, что Джегейль пора вводить случайно полученное знание одарского в активную память, но совершенно некого попросить с нею говорить. Все, кто знает язык и кому можно доверять, заняты куда более важными делами. А тут, пожалуйста, верный друг страдает от безделья и до сих пор не знаком с такой интересной девушкой!

— Но, Рени, ты же сам только что сказал, что садиться в седло тебе пока запретили, а кареты...

— Да плевать! — перебил Реннар. — Если по делу! Одно дело в этой чертовой карете поехать воздухом дышать, и совсем другое — с твоим поручением. Только прикажи, мой принц.

— Отлично, — Ларк не сдержал улыбки, — если ты все же решишься унизиться до прогулки в презренном экипаже, у меня найдется для тебя поручение. Даже просьба. Дело вполне по силам тебе в таком состоянии, и при этом достаточно важное. Собственно, больше просто некому поручить, потому что оно секретно и потребует изрядно времени, а все, кто мог бы этим заняться, как раз сейчас крайне заняты.

— Я готов, рассказывай!

— Тебе придется несколько дней поездить с визитами в дом графа фор Циррента. Нужен надежный человек, который может поговорить с его племянницей по-одарски. Нужно ввести язык в активную память после переводческого заклинания.

Реннар на несколько мгновений, казалось, онемел. О Джегейль он наверняка был уже наслышан, один газетный скандал после бала чего стоил; и, кажется, заподозрил своего принца не то в желании развлечь под видом серьезного дела, не то в банальном и пошлом сводничестве.

Ларк молча наблюдал, как на непривычно бледном, исхудавшем лице борются подозрение, возмущение и желание хоть какого-то занятия. Конечно, принц мог просто приказать своему порученцу, но Ларк считал, что в мирное время и в таком деликатном деле просьба будет эффективнее. И лучше сразу объяснить, что эта просьба без подвоха.

— Рени, друг мой, давай исключим возможное недопонимание. Мое поручение без двойного дна и скрытых смыслов. Джегейль фор Циррент отличная девушка, очень интересный собеседник, но, честное слово, не советую тебе за ней волочиться. Нико фор Виттенц уже попробовал.

— Да?

— Да, и потерпел сокрушительное поражение. Видишь ли, девушка совершенно случайно попала под модифицированное переводческое заклинание, — объяснять всю правду в подробностях Ларк не собирался, так что вариант с модификацией заклятья вполне годился для объяснения, — и граф решил, что глупо упускать столь богатую возможность. Нужно просто помочь девушке с языком, а больше некому. Сам понимаешь, сколько всего мы должны успеть до весны.

— То есть ты не вступил в сговор с моим отцом с целью успеть женить меня до военной кампании?

Настала очередь Ларка бороться с внезапным онемением.

— Рени, с чего ты взял?! Что за чушь?

— Я знаком с барышней фор Циррент, отец нас представил. Намекал мне о женитьбе. Ларк, я не готов жениться! — в последних словах звучала такая откровенная паника, что Ларк невольно рассмеялся. И тут же, боясь обидеть друга еще больше, сказал утешающе:

— Мне дед тоже намекал. По-моему, у старшего поколения это навязчивая идея. Но Джегейль не будет пытаться тебя окрутить, поверь. Я достаточно ее знаю. Никаких заигрываний, никакого кокетства. То ли она вообще не собирается выходить замуж, то ли ей нужен вполне определенный мужчина, и до сих пор никто ее не привлек. А вот поговорить с ней интересно. У нее другое воспитание, много очень странных знаний и парадоксальный взгляд на привычные нам вещи. Скучно тебе не будет, гарантирую.

Реннар, кажется, все равно подозревал подвох. Впрочем, Ларк понимал, что его доводы и уверения звучат не слишком убедительно: нужно узнать Джегейль самому, чтобы понять всю прелесть общения с ней. Следовало ковать железо, пока не остыло, пусть внезапный визит и отдает дурным тоном.

— Помочь тебе одеться?

— Ты хочешь... сейчас?! Вот так просто взять и заявиться, даже без договоренности?!

— Как раз сегодня я совершенно не в состоянии чем-либо заняться. Так что вполне могу проводить тебя и представить барышне еще раз. К тому же я рад буду лично справиться о ее здоровье. Джегейль назвала меня своим другом, а другу позволено являться запросто.

Реннар рассмеялся:

— Так бы и сказал, что барышня занята. Выходит, газетчики на сей раз не врут?

Ларк только рукой махнул. Что толку говорить! Сам убедится.

ГЛАВА 18, в которой барышня фор Циррент не в восторге от своего собеседника, и Реннар фор Гронтеш полностью разделяет ее чувства

Не то чтобы Женя так уж скучала по балам, театру и визитам, но сколько можно отдыхать?! Она выпалась, кажется, на месяц вперед, от чтения пухла голова, на ужин каждый день подавались новые блюда, а к чаю — печенья и кексы, состряпанные под руководством и при непосредственном участии «молодой хозяйки». И с каждым днем все больше не хватало того, что про себя она втайне называла, как дома — «движухой». Тех самых визитов, новых лиц, не всегда понятных разговоров, а после — обязательных вечерних обсуждений с ехидными и остроумными замечаниями тетушек и молчаливым одобрением или короткими уточнениями графа.

Сама не заметила, как новая жизнь затянула...

Она сидела в библиотеке, бездумно листая красочный атлас, разглядывая очертания берегов, голубые ниточки рек и жирные черные рубежи границ. По синим морям плыли пузатые кораблики и умильные морские чудовища, и Женя вспомнила адмирала. Надо бы спросить шутки ради, видел ли он вживую морского змея.

В дверь заглянула старая Солли:

— Барышня, к вам гости пожаловали, в гостиной ждут.

— Иду, — Женя аккуратно закрыла атлас, убрала на место, заперла шкаф. Почему здесь принято запирать книги, даже ту, которую сейчас читаешь, она так и не поняла. Но привыкла.

В гостиной обнаружился Ларк, и Женя, едва встретившись с ним взглядами, заулыбалась, начала спрашивать:

— Какие новости, все в порядке? Ваш проект «зомби» уже в действии? Дядя мне передал привет от Нико, сказал, парень был просто счастлив уехать. Мы немного поспорили — счастлив уехать подальше от меня или поближе к гномам?

— Полагаю, ваше пари, как и наше с Никодесом, разумно свести вничью, — Ларк поднял руки, словно останавливая поток вопросов. — Милая Джегейль, разрешите представить вам моего друга Реннара фор Гронтеша. Он, правда, сказал, что вы уже представлены.

Бледный темноволосый юноша поднялся с кресла и обозначил неглубокий поклон:

— Рад возобновить знакомство, виконтесса. Прошу простить, дорога слегка меня утомила.

И снова сел, сжав губы и с усилием опираясь на подлокотник здоровой рукой.

— Чаю? — быстро спросила Женя, удивляясь, как это она не заметила его сразу же. — Или лучше вина? Я помню, вы были ранены. Ларк, зачем было тащить больного парня по такой мерзкой погоде, что-то случилось?

— Ничего не случилось, но могло, — усмехнулся Ларк. — Вина было бы неплохо, но это немного не по протоколу, вином угощает хозяин дома, мужчина. Вы можете приказать подать чаю. Кстати, где ваши милые тетушки? Где граф, я знаю.

Женя обернулась к Солли: та пристроилась в уголке гостиной, надзирая за молодой

хозяйкой в отсутствие ее старших родственников.

— Солли, пожалуйста, попросите сервировать чаю для всех. Печенья для меня, а молодым людям... я не знаю, чего-нибудь посущественней. Что принято в таких случаях. — Обернулась к принцу: — Я в первый раз принимаю гостей одна, так что прошу простить, если что-то сделаю не по протоколу. А тетушки пьют чай с дамой Дарианой и ее подругами.

— Не хотел вас смутить, простите великодушно. Возвращаясь к вашему вопросу, признайтесь честно, Джегейль, вам еще не надоело сидеть дома?

В его вопросе отчетливо слышался намек, и Женя ответила резче, чем хотела бы:

— Если и надоело, это не повод развлекать меня за чужой счет.

— Я не о том! Представьте, как надоело болеть Реннару, он провалился в постели больше месяца! Джегейль, я поручаю вам миссию спасения, мой друг рискует умереть от скуки! — Откровенно преувеличенные пафосные интонации заставили улыбнуться: принц знал, выучил уже, какого рода шутки ей нравятся. — Рени прекрасно знает одарский, граф сетовал, что вам не с кем говорить. Я поручил ему научить вас языку, а вам поручаю рассказывать ему что-нибудь интересное, хорошо?

— Что ж, давайте попробуем, — Женя ободряюще улыбнулась. — Признаться, наша первая встреча произошла не в лучший для знакомства момент. Полагаю, тогда мы оба были изрядно выбиты из колеи. О, вот и чай. Вам нужно сладкого и крепкого, господин фор Гронтеш, я сейчас сделаю. Пейте, приходите в себя. Глядя на вас, не скажешь, что вы сейчас способны к разговорам даже на родном языке.

Выглядел Реннар, и правда, неважно. Не подумаешь, что это и есть тот самый парень, которого граф и его приятель-полицейский называли шалопаем и искателем приключений себе на дурную голову, о котором тетушка Гелли рассказывала как о балагуре, юбочнике, сочинителе любовных баллад и любимце столичных барышень. Двигается с заметной осторожностью, на лбу испарина, и руки слегка подрагивают. Обнять и плакать, а лучше — сдать доктору, рано ему по гостям разъезжать.

— Ларк, признайтесь все же, в чем дело? Ваш друг рвался в бой вопреки докторам, и вы подыскали ему дело по силам, или мне так критично срочно требуется разобраться с языком, что вы не дали спокойно долечиться единственному свободному от дел человеку, который может меня научить?

— А если я скажу, что верно и то и то?

— Так не бывает.

— Он просто жалеет мою гордость, — встрял в разговор Реннар. На его лице ясно читалось неудовольствие. — Да, мне надоело болеть, и я запросил любого дела. Но вы можете быть спокойны, дорогая виконтесса, уж если его высочество поручил мне научить вас, я научу.

— Сколько официоза и сколько пыла, — пробормотала Женя. — Пейте лучше чай, пока горячий, вам нужно согреться. К слову, как мне к вам обращаться? «Дорогой герцог»?

Кажется, на последних словах она не сумела сдержать иронию. Почему-то именно этого юношу бледного со взором горящим Жене претило называть по титулу. Может, из-за симпатии к адмиралу, которому этот титул должен был принадлежать по праву? Историю опалы старшего фор Гронтеша она уже слышала, как и эскапад младшего на этой почве. В ее понимании, герцог из Реннара фор Гронтеша получился весьма условный. Не дорос еще. Ни выдержки, ни воспитания, сплошная юношеская горячность и подростковый максимализм, а титул все же обязывает.

Ларк, похоже, уловил что-то в ее интонациях: взглянул предостерегающе на нее, на Реннара, давая понять, что не потерпит ссор.

— Не тревожьтесь, ваше высочество, я не съем вашего друга, — тут же отреагировала Женья. — Я, наоборот, пытаюсь быть вежливой и, как бы сказать, соблюдать протокол. Я наслышана о некоторой обидчивости господина Реннара фор Гронтеша, особенно когда дело касается его чести... или того, что он понимает под этим термином.

Ларк вздохнул:

— Я вижу, что вам что-то не понравилось, но я даже не успел понять, что именно. Однако смею уверить, у Реннара и в мыслях не было чем-либо вас обидеть.

— А я и не обиделась, с чего вы взяли. Идет нормальный процесс знакомства.

— Джегейль, — принц снова вздохнул, тяжело и укоризненно, — спорить с вами бесполезно, так, может, давайте перейдем к делу, а там все само утрясется? Я тоже вполне прилично говорю на одарском, и сейчас я вполне свободен. — Сплел пальцы в замок, взглянул на вцепившегося в чашку Реннара, на Женю и сказал, действительно перейдя на другой язык: — Знаете, Джегейль, вот сейчас мне стало жаль беднягу Никодеса. Боюсь даже представить, как протекало ваше знакомство с ним.

Женья думала, что переключиться на совершенно незнакомый, без малейших ассоциаций, язык будет сложно, но ответ потребовал лишь небольшого усилия: сосредоточиться и... словно найти в собственной голове новую папку с информацией, так Женья это представила для себя.

— О-о, ваше высочество, наше знакомство с Никодесом было, не побоюсь этого слова, фееричным. Герцог фор Гронтеш вряд ли сумеет переплюнуть...

День как не задался с самого начала, так и продолжался наперекосяк. Ларк уже жалел, что потащил Реннара к фор Циррентам: тот слишком тяжело перенес тряску в карете и теперь с трудом держал лицо, ни намек на то веселое обаяние, от которого млели все поголовно столичные девицы. А Джегейль... Ларк не взялся бы гадать, чем Рени не понравился барышне Жене, но что не понравился, стало ясно почти сразу. Впрочем, ей, кажется, никто с первой встречи не нравится. Достаточно вспомнить его собственное с нею знакомство! Язва, а не девушка.

Однако дело есть дело; к тому же была у Джегейль нетипичная для девушек особенность — она могла спрятать неприязнь, если понимала, что общение необходимо, а в процессе общения привыкала к собеседнику и становилась к нему снисходительнее. Потому Ларк и поспешил перейти к разговору на одарском, и сразу понял, что не ошибся. У Джегейль даже взгляд тут же изменился, стал серьезным и сосредоточенным. И хотя ответила она с обычной своей иронией, интонации утратили язвительность. Теперь ее голос звучал слегка неуверенно, и это было отлично: на подобную неуверенность у Рени тут же пробуждался инстинкт защитника. Одним махом погасить неприязнь с обеих сторон — да он может гордиться своим талантом дипломата!

Однако успех следовало закрепить.

— Предлагаю немного поговорить на общие темы, вы не против?

— Знакомство, погода, распорядок дня? — Джегейль забавно сморщила носик, чему-то усмехнувшись. — Это банально, ваше высочество. Не заставляйте меня вновь ощущать себя сопливой школотой. Кажется, я задолжала вам разговор о деньгах, он еще актуален?

— Вообще-то дед мне разъяснил, но... Вот скажите, милая Джегейль, что вы бы

предприняли в ситуации, когда деньги нужны срочно и в большом количестве, а банкиры с радостью суют вам палки в колеса, отказывая в помощи даже на самых выгодных условиях? Если исключить экстренную работу монетного двора, от которой вы так рьяно меня предостерегали?

— Интересно, — пробормотала Джегейль. Подлила всем чаю, отхлебнула из своей чашки, поводила пальцем по золоченому ободку блюда с печеньем. — Зачем банкирам отказываться от прибыли? Они не верят в вашу победу? Вряд ли, насколько я поняла, до сих пор удача в конфликтах с Одаром была на вашей стороне. Или что-то изменилось? Или у них как раз сейчас есть более выгодное применение деньгам, чем военные займы?

— Вы у меня спрашиваете? — тоскливо поинтересовался Ларк.

— Нет, что вы, — серьезно ответила барышня, — это так, мысли вслух. Риторические вопросы. Хотя, если вы найдете на них ответы, вам это может подсказать что-нибудь полезное.

— Я говорил с дедом. Он считает, что нас подталкивают к займу у Тириисы.

— Двое дерутся, третий наживается?

— И поддерживает деньгами обе стороны. До их полного военного истощения. А потом придется отдавать с процентами, туда и уйдут плоды победы. Ненавижу политику!

— Сочувствую, — кивнула Джегейль. — Кому-кому, но вам от политики не отвертеться. Ларк, а какие способы быстро поднять государственные финансы приняты у вас? Налоги, конфискации, облигации, благотворительные аукционы?

— Это вам нужно у деда спросить, я никогда не интересовался особо, — Ларк недовольно дернул плечом. — Только не говорите, что пора бы интересоваться, сам знаю.

— Не мое это дело, морали вам читать. Знаете, я как-то не очень верю, что могу помочь чем-то серьезным в настолько глобальном вопросе. Хотя-я...

Тут барышня умолкла, уставившись в чашку застывшим взглядом. Просидела так с минуту, вскочила, пробормотав:

— Подождите, я сейчас!

И умчалась.

Ларк покосился на Рени. Тот уже допил чай и теперь сидел, всем своим видом выражая недоумение и скепсис.

— Удивлен? — спросил Ларк.

— Что вообще, дьявол меня побери, происходит? Я полагал, мы едем в гости к твоей пассии, а не на заседание малого королевского совета? — Рени презрительно скривился и пожал здоровым плечом, давая понять, что он вообще думает о подобных разговорах в дамском обществе.

— Во-первых, и прошу тебя запомнить это накрепко, Джегейль — не «моя пассия». — Ларк смотрел на друга молча и пристально, пока тот не пробормотал:

— Прошу прощения.

— И это я тебя защищаю, а не ее, — жестко усмехнулся принц. — Во-вторых, если уж честно, я склонен считать Джегейль фор Циррент кем-то вроде своего личного советника по нестандартным ситуациям, только она сама этого не знает.

— А ее дядюшка?

— Граф полностью солидарен со мной в этом вопросе. Поверь, он имел возможность оценить необычайный ум и прочие таланты своей племянницы.

Тут вернулась Джегейль, и принц умолк.

— Значит, так, — небрежно сдвинув в сторону свою чашку, барышня фор Циррент положила на стол несколько листов писчей бумаги и карандаш. — Я что подумала, ваше высочество. — Она в запале перешла на андарский, но Ларк не стал поправлять: для учебы он оставит ей Рени, а сейчас, кажется, назревает нечто крайне интересное, что нужно понять от и до. — Есть довольно много способов потрясти на деньги свой народ, ваш король наверняка знает их достаточно. То есть, возможно, среди тех, что знаю я, могло бы отыскаться несколько новых, но, Ларк, оно вам надо? Такие меры, прежде всего, не добавляют властям популярности. А я подумала вообще о другом, собственно, меня на мысль навели ваши слова насчет займа у Тириссы. Грабить своих — крайняя мера, а вот потрясти врага или временного нейтрала, который только и ждет вцепиться в глотку проигравшему — святое дело, так?

— Вы предлагаете ограбить Тириссу? — Ларк расхохотался бы, не будь он изумлен до полного ошеломления.

— Возможно, и Одар тоже, как получится. Я полагаю, у вас должны быть агенты влияния и там, и там... Стоп, не говорите ничего! Я понимаю, что это уже не мое дело, что вам для таких вопросов срочно нужен мой дорогой дядюшка, кстати, и правда, может, мне не стоит два раза рассказывать?

— Нет уж, говорите, — быстро возразил Ларк. — Я умру от любопытства. Если идея стоящая, понадобится не только ваш дядя, но и мой дед, но сегодня они оба катастрофически заняты.

— Ваше высочество, — взгляд Джегейль горел нехорошим азартом, — что приходит вам на ум от слова «пирамида»?

Девушка рисовала на бумаге схему, состоящую из кружочков, стрелок и цифр, объясняла по ходу, и объяснения эти походили на самый что ни на есть отменный бред. Реннар так и сказал, когда барышня фор Циррент умолкла, переводя дух:

— Бред. Никогда не слышал ничего глупее, уж простите. То есть вы нам тут пытаетесь доказать, что люди будут добровольно отдавать полновесные денежки всего лишь под обещания, даже ничем не подкрепленные? Где вы найдете столько умственно убогих?

Он думал, девушка начнет спорить, доказывать, какую отменную штуку она придумала и как этим поможет государству, короне и лично его высочеству Ларку. «Не пассива», говорите? Так, значит, хочет стать пассивой, а может, и кем поболее. В конце концов, у каждой из женского племени свои методы и охотничьи приемы; эта, по всему виду, делает ставку на оригинальность мышления, истинную или мнимую. Что, в общем, не так уж глупо: красоток вокруг Ларка вьется немеряно, да таких, рядом с которыми барышня фор Циррент покажется не лучше уличной замарашки. А интересные разговоры — наживка не такая приевшаяся, как смазливое личико и пышная фигурка.

Однако, к немалому удивлению молодого фор Гронтеша, Джегейль подняла голову и произнесла с одобрением и некоторым удивлением:

— А вы умнее, чем кажется на первый взгляд, господин фор Гронтеш. Бред, не бред, но любой разумный человек должен, казалось бы, поостеречься вкладывать деньги в столь явное мошенничество. Но вы не представляете, сколько идиотов ловятся на такие схемы! Причем там, где люди не раз и не два обжигались на подобном обмане. А уж там, где это в новинку, да если запустить правильный слухок... Знаете, Ларк, мне даже стыдно, — повернувшись она к принцу, — учу вас плохому. Ведь разойдется по миру, глядишь, и у вас

такое устроят... Так что думайте, нужно ли. Может, умнее будет забыть?

Ларк аккуратно сложил исчерканный лист бумаги и убрал в карман.

— Покажу деду. У меня, откровенно говоря, от такого мозги сворачиваются. Знаете, Джегейль, мне кажется иногда, что вы выросли в месте, где люди мыслят как-то наизнанку.

Девушка рассмеялась, но не слишком-то весело:

— Может, так оно и есть. Мне трудно судить, сами понимаете: привычка. Кстати, Ларк, вашего друга явно пора уложить в постель. И это никоим образом не пошлость, а чисто медицинское наблюдение. Может, стоит доктора пригласить?

— Нет, благодарю, не нужно доктора, — скривился Реннар. Он и впрямь чувствовал себя отвратительно, как всегда бывает, когда выезжаешь в свет после долгой болезни, толком не окрепнув. Но, с другой стороны, когда-то ж надо выползать из-под теплого пледа! Тем более, в преддверии войны.

— Мы поедем, пожалуй, — Ларк поднялся. — Отвезу Рени домой и попытаюсь все же поймать деда для разговора. Вы ведь не против, если мой друг посетит вас завтра уже без меня? Мы так и не занялись одарским.

— Разумеется, — спокойно ответила барышня фор Циррент. — Что ж, ваше высочество Ларк, господин фор Гронтеш, благодарю за визит, было весьма приятно.

Ларк рассмеялся:

— Не так официально, Джегейль. Это я должен вас благодарить, впрочем, не в первый раз.

Нет, Реннару решительно не понравились эти радостные интонации! Может, Ларк сам того не понимает, но девушка уже, считай, его окружила. Да он ни на одну девушку никогда так не смотрел!

«Надо что-то делать», — решительно сказал себе герцог фор Гронтеш. Вслух же произнес с крайней вежливостью:

— Надеюсь на скорую встречу, виконтесса.

А до этой встречи ему есть о чем подумать.

Столица пока еще жила спокойно, не растревоженная тщательно подготовленными и трижды отредактированными слухами; высший свет развлекался и танцевал, по салонам обсуждали дела любовные. Пожалуй, лишь человек десять, включая самого короля, вовсе были заняты скорой войной. Но уж эти десятеро крутились за всех, и времени не хватало катастрофически. Ночные совещания стали нормой; но впервые на таком совещании присутствовали дамы. Однако оно и созвано было из-за очередной идеи Джегейль — звучавшей, откровенно сказать, весьма бредово, но в случае успеха обещавшей немалый куш, причем, что важно, за счет врагов и соперников.

— Я сама влетела в такую аферу в нежном возрасте девяти с половиной лет, — с ностальгической улыбкой рассказывала Джегейль. — У нас тогда словно волна прокатилась, эти «письма счастья» заполнили всю школу. Играли на открытки, и, знаете, я тогда собрала очень приличную коллекцию. «Отошли одну открытку с пожеланием счастья отправителю этого письма, отправь пять таких же писем, и тебе придут пять открыток с пожеланием счастья!». Отправила я, точно помню, двенадцать штук, а получила не шестьдесят, как надеялась, но что-то около пятидесяти. Сами понимаете, открытки — не деньги, детям вполне доступно. Среди девчонок постарше модно было писать о себе, говорили, что кто-то нашел по этим открыткам любовь...

— Отличная идея, к слову, — Цинни, прикрыв глаза, накручивала локон на палец — граф прекрасно помнил эту ее детскую привычку, говорившую о глубокой задумчивости. — С привязкой на любовь и счастье... м-м-м, я уже вижу, как запустить это в Тириссе. Легко.

— Но это красиво будет смотреться именно с открытками, — возразила Джегейль. — Цветочки, сердечки, букетики... В крайнем случае — с письмами. Как тогда деньги пристегнуть? Классическая денежная пирамида играет на жадности: «отправь золотой, получишь десять».

— Прямые денежные схемы оставим для лавочников, — отмахнулась Цинни. — Видишь ли, девочка, среди людей светских меркантильность считается не то чтобы пороком, но чертой низменной и недостойной. Поэтому... М-м-м... Да вот хоть так: «Отправь свое пожелание счастья и любви тем, кто в этом нуждается, пожертвуй в фонд помощи сиротам с каждым пожеланием, и счастье найдет тебя, как уже нашло меня». Подтвердить верными случаями, это нетрудно на самом деле. Кстати, так получается другая схема, что тоже хорошо, можно будет работать с ними параллельно.

— Ты сможешь организовать подставной фонд?

— Варрен, не обижай меня, — Цинни легко улыбнулась. — Я запущу эту игру самое позднее через три дня после возвращения. Вот с денежным вариантом будет посложнее, тут нужно хорошо все обдумать, найти подходящих людей для первоначального вброса, запустить нужные слухи... Если я правильно понимаю, часть денег осядет у людей посторонних?

— Это нормально, должен же кто-то со стороны подтверждать своим примером, что оно работает. «Сосед на дурнячка кучу денег загреб, а я чем хуже?» — карикатурно изобразила Джегейль. — Оно ж так и действует, на зависти. Кстати, сейчас я скажу совсем циничную штуку, не бейте только. Если на это дело начеканить тирисских денег у вас, это станет отличным каналом вброса туда денежной массы. Главное, самим потом прибыль не фальшивками загрести.

— Или потратить все там же, — рубанул воздух ладонью Ларк. — Корабельный лес, медь, железо, шерсть.

— С фальшивками связываться не будем, — осадил король. — Сейчас в Тириссе все достаточно стабильно, так легко их экономику не расшатаете, а риск для наших людей увеличится. Невинная, совершенно добровольная и надежная не только на первый взгляд игра — только так. Что скажете, графиня?

? — Сделаю, ваше величество, — Цинни решительно кивнула.

— Когда вы сможете отправиться?

— Уже завтра, если я больше не нужна Варрену здесь. Я легка на подъем, как все в нашей семье, — Цинни улыбнулась.

— Отлично. Желаю вам удачи с этим делом, графиня. Как, впрочем, и во всех ваших делах. Что ж, господа, предлагаю отпустить дам и на этом покуда закончить.

— А я предлагаю подумать о том, как приспособить эту идею в Одаре, — возразил Ларк.

— Есть у меня кое-какие мысли на сей счет, — неторопливо кивнул король. — В Одаре легко будет ввезти это через моряков и купцов. Но я бы подождал. Подозрительно будет, если похожая игра начнет крутиться в Тириссе и в Одаре одновременно, при этом не затронув нас.

— К весне? — предложил граф. — С оживлением навигации?

— Именно.

И уже почти раскланялись, как вдруг Джегейль спросила:

— А почему бы не ввести тогда и у нас? Только без денег и письмо другое придумать. Такое, знаете... подбадривающее и патриотичное. Пожелания удачи нашим солдатам хотя бы? Вот скажите, Ларк, вашим ребятам там, в горах, было бы приятно получить открытку от какой-нибудь барышни с приглашением на танец после победы?

Несколько мгновений казалось, что тишину в королевском кабинете можно резать ножом. Девушка смутилась под сошедшими на ней взглядами, покраснела и уже, похоже, готова была забормотать что-то в духе «простите, если что не так сказала», но тут Ларк, наконец, отмер. Склонился в поклоне, подхватив ее ладонь для поцелуя, и серьезно сказал:

— Я рассчитываю на такую открытку от вас, Джегейль. Никодес, полагаю, тоже обрадуется, только не забудьте в открытке для него добавить ваше коронное: «по-дружески».

— Вот ты и организовала для себя первое серьезное поручение, дорогая племянница, — граф переглянулся с Цинни, подумав, что та еще успеет перед отъездом дать девушке несколько полезных советов. — Это дело будет на тебе, поэтому разреши поздравить с началом настоящей работы.

— Думаю, с этим я справлюсь, — серьезно кивнула Джегейль.

ГЛАВА 19, в которой Реннар фор Гронтеш пытается спасти своего принца, а Оннар фор Гронтеш — своего повара

Подозрения Реннара вполне оправдывались: с ним, но без Ларка Джегейль фор Циррент вела себя совсем иначе. Нет, она вполне мило изобразила гостеприимство, справилась о здоровье, велела подать чаю, но все это — с вежливой, но безразличной улыбкой вместо так явственно видимой вчера искренней радости.

Ей нужен был принц, это не вызывало ни тени сомнения.

Однако Реннар обещал научить девицу болтать по-одарски, а обещания свои он привык исполнять от и до. Одарским он и намеревался заняться; что ничуть не исключало другого обещания, данного себе самому: вывести очередную охотницу за короной на чистую воду. Хорошо, что Ларк пока еще вполне уверенно говорит о ней «не моя пассия»: значит, по крайней мере, приворотные чары и прочую вызывающую похоть и страсть дрянь можно исключить. Но разум она принцу чем-то все же замутила!

Говорили о той ничего не значащей ерунде, о которой Джегейль отказалась говорить вчера с Ларком: погода, знакомство, родственники. Уверенно держа маску вежливого спокойствия, Реннар все же задал несколько вопросов с двойным дном: о прошлом девушки, ее прежней семье, об отношении к принцу, планах на будущее — но ответы, достаточно красноречивые для него, не сошли бы как доказательство для Ларка, графа фор Циррента или короля.

— О, я росла в очень приличной семье, я была приемной дочерью, но ко мне относились с должным уважением. А еще у меня был замечательный брат, вот о ком я скучаю здесь, — она рассказывала неторопливо, иногда замирая на несколько мгновений, словно подбирая слова. И улыбалась. Было в ее улыбке что-то... как будто она находила ситуацию весьма забавной, хотя, дьявол ее дери, что тут может быть забавного? Реннару казалось, что барышня потешается над ним.

— Принц у вас, то есть у нас, хороший, но, помилуйте, господин фор Гронтеш, о чем именно вы хотите услышать? Я не понимаю вашего вопроса, что значит, «как вы к нему относитесь»? Как девушка, как друг, как подданная? Не испепеляйте меня взглядом, господин фор Гронтеш, я задаю вам вопрос лингвистического свойства, если вы не поняли! В моем родном языке слово «отношения» имеет довольно много оттенков.

Нет, она не просто потешается, она издевается!

— Планы на будущее? Ах, дорогой господин фор Гронтеш, самые разнообразные! Например, все-таки вынзть у вашего батюшки, откуда он берет нори для суши. Я спрашивала, но он, кажется, не принял мой вопрос всерьез. А вы не знаете, кстати? Нет? Жаль.

К воистину сладкому мигу прощания Реннар успел глубоко и искренне возненавидеть если не саму барышню фор Циррент, то уж точно ее улыбку, слегка насмешливые интонации, манеру выразительно пожимать плечами и обращение «господин фор Гронтеш». И о продолжении занятий назавтра договаривался, думая лишь о том, что нужно решительно и категорически раскрыть Ларку глаза на эту улыбчивую змею.

Ларк объявился вечером, хотя Реннар его не ждал, вполне представляя, насколько тот сейчас занят. Впрочем, посещение больного порученца оказалось не единственной и даже не главной целью принца — прежде чем хлопнуть Реннара по здоровому плечу и осведомиться, как прошел день, Ларк спросил, вернулся ли уже адмирал, и добрый час обсуждал с ним что-то в кабинете. Реннар маялся, досадуя на свою столь несвоевременную отстраненность от серьезных дел, истекая тихой ненавистью к медицине и докторам, и в сотый раз прогонял в голове предстоящий разговор. «Она околдовала тебя, мой принц, задурила тебе голову! Несет глупую чушь, а ты слушаешь и веришь, а главное — принимаешь важные для государства решения по ее советам. Откуда нам знать, что за магия у них там, на Огненных островах? Даже отец не знает. А она сама призналась, что ее воспитали в приличной семье. Она скучает по названному брату — вдумайся, мой принц, девушка из семьи фор Циррент скучает по какому-то дикарю-туземцу! А что, если она больше думает о пользе для той своей семьи, чем для фор Циррентов и Андара? Если она предана не нашему королю и тебе, как показывает всем своим видом, а самоназванному императору варварско й страны, тому самому, который приказал своим подданным стрелять в наших моряков, если они отходят от корабля дальше, чем на сто шагов? В конце концов, сюда она не рвалась, ее, как я понимаю, насильно перетащило. Может, у нее там любимый мужчина остался, жених, муж? Может, она жила там в роскоши, всем была довольна и только и мечтает вернуться? Я спросил у нее, чего бы она хотела в будущем, что она думает о тебе, она на оба вопроса отделалась глупой отговоркой! Как можно ей доверять, Ларк, сам подумай!»

Вот только, едва Реннар зашел в своей пламенной речи дальше вступления, едва Ларк понял, о чем, собственно, пошел разговор...

— Хватит, Рени. Ты не прав. Запомни, пожалуйста, — голос принца неприятно отдавал льдом и сталью, — Джегейль — мой друг, я ей доверяю. Но, даже если бы это было не так, граф фор Циррент принял ее в семью, проверил ее и ручается за нее. Я верю нашему начальнику Тайной Канцелярии. И тебе советую верить, Реннар.

И ушел, оставив Реннара с горьким чувством вины и бессилия. Не смог. Не сумел. Да кто он против Ларка — мальчишка еще, храбрость свою и верность доказавший не раз, но от всяческих государственных разговоров всегда уклонявшийся. Вот и доуклонялся, кретин. Ясно, сколько весит его мнение против слова начальника Тайной Канцелярии...

— Когда-нибудь я это изменю, — стиснув добела кулаки, поклялся он сам себе. — Лишь бы поздно не было, но я все сделаю, все... я докажу, что и мои слова чего-то стоят!

Ларк был раздосадован. Можно было бы даже сказать «разочарован», но он ведь и раньше знал, что его друг Рени весьма падок на резкие и не вполне обоснованные высказывания. Знал, но всегда смотрел на эту черту Реннара сквозь пальцы. «Дед назвал бы меня лицемером, — внезапная мысль заставила до боли сжать кулаки. — Мне нравится в Реннаре именно его прямота, именно смелость рубить сплеча, не оглядываясь на личности и последствия. Значит, ровно до тех пор нравится, пока он не рубанул в той же своей манере по моему другу? По девушке, которая такого не заслуживает? А я точно могу быть уверенным, что прочие — заслуживали?»

От этой ли досады, от неожиданности или из-за того, что мысли были заняты долгим совещанием с адмиралом, но Ларку даже в голову не пришло пришибить друга самым несокрушимым из всех несокрушимых аргументов: тем простым фактом, что барышню Женю проверял не только граф фор Циррент, но и лично король. Когда он подумал о таком

доводе, возвращаться к им же самым прекращенному разговору было поздно, да и, в конце концов, Ларк ощущал себя правым, когда говорил, что Реннар должен верить начальнику Тайной Канцелярии.

Но все же, думал он, отъехав от особняка фор Гронтешей и окунувшись с головой в круговорот мокрого снега, порывов ветра и теплого запаха стелющегося к земле дыма, все же нужно, наверное, как-то сгладить? Джегейль резка и временами слишком язвительна, Рени обидчив и скор в суждениях, да еще их общение началось так неудачно. Нужно показать Реннару, что он ошибается, наглядно как-нибудь показать, и заодно как-то вытащить перед девушкой его лучшие стороны. А может, пустить на самотек — сами со временем разберутся? Не дети все же. Нет, он бы с радостью посидел в их компании, но дела! И так времени на сон и отдых остается все меньше и меньше.

Но, по крайней мере, с адмиралом удалось прийти к соглашению. Ларк рассмеялся — правда, за воем ветра сам едва слышал собственный смех. Кто бы мог подумать, что наследный принц и первый адмирал Андара едва не передерутся в попытках поделить туземца-повара!

Что ж, Ларк и сам знал, что хочет многого. Но как не захотеть защищающих даже от пули, не требующих силы мага для зарядки щитовых амулетов — для всех?! Да, принц был весьма и весьма благодарен за амулеты для офицеров, но плох тот командир, который не захочет защитить всех своих солдат!

Адмирал его понимал. Однако возражал, сердясь:

— Я своих, с флагманского фрегата, и то так не защищаю. И не из желания сохранить тайну или не дать повода к подозрениям. Поймите же, мой принц — ничто не берется из ниоткуда. наших магов сдерживают пустеющие источники, так подумайте сами, что может сдерживать магов, которые от внешних источников не зависят? Откуда они, по-вашему, черпают силу?

— Откуда же?

— Из собственных сил, мой принц, — тихо и зло ответил адмирал. — От собственной жизни отрезают. Будьте благодарны за то, что уже получили, и не требуйте большего.

Ларк покачал головой, снова вспомнив глаза адмирала в тот миг. Что ж, он понимал, что такое побратим. «А интересно, много ли осталось бы магистров в нашей гильдии, если бы им приходилось собственной жизнью платить за волшебство?»

Покойный Верховный магистр точно был не из таких, да и нынешний вряд ли поставит возможность колдовать выше собственной драгоценной шкурки. Он даже грядущую войну рассматривает прежде всего как повод вырвать у короля право распоряжаться источниками...

Размышления прервал неровный пистолетный залп — три или четыре выстрела, неуместным громом прокатившиеся по узкой улочке. Не раздумывая, принц пришпорил коня. Выл ветер, мокрые, тяжелые хлопья снега липли к ресницам, мешая осмотреться, да и к чему было осматриваться? Не дело мишени гоняться за стрелками. Вороной любимец Громобой споткнулся и начал медленно, тяжело валиться вбок. Ларк выдернул ноги из стремян, соскочил, поскользнулся на мокрой брусчатке, едва не упав. Не сразу понял, что вновь разорвавший вой ветра гром — не запоздавшее эхо, а новый залп. Выругался. Но уже налетела, прикрывая со всех сторон, охрана, соскочил кто-то с седла, уступая своего коня принцу, кто-то бросил сквозь метель:

— Быстрее, ваше высочество. Пригнитесь и пришпоривайте!

Сорвались в галоп, оставляя позади успешную на этот раз вовремя стражу — крики, выстрелы, перекрытые проулки и намертво запечатанные ставни и двери. В голове было на удивление пусто. Мелькнула и ушла почти детская жалость к Громобою, не забилося быстрее сердце от мысли, что и сам бы там лег, если бы не адмиральский повар-побратим. Для Ларка амулет напитал дед, воспользовавшись запечатанным от магов дворцовым источником — Ларк не знал, что король может и такое. «Корону наденешь — узнаешь», — пообещал дед, когда он удивился вслух, и наследник молча опустил голову: все о возможностях законного короля Андара знал лишь сам король, и узнавать эти тайны наследный принц не торопился. Чем позже, тем лучше.

Пока же, добравшись до дворца, он скинул забрызганный грязью плащ и промокший насквозь камзол и насчитал шесть дырок от пуль — целились убийцы метко. Шесть свинцовых клякс упали на пол, когда он встряхнул мокрые тряпки. На груди, спине и плечах наливались болью синяки. На одного стрелка больше — и амулет бы уже не прикрыл, есть предел и у магии. Повезло.

Женя проснулась непривычно поздно. Вчера она уснула мертвым сном, едва дойдя до кровати — раньше обычного, сразу после ужина, чувствуя себя беспредельно уставшей и разбитой.

— Похоже, в экспресс-курсе иностранных языков нужно сделать перерыв, — пробормотала она, подходя к окну.

За окном сверкала зима. Вчерашнее серое небо сменилось яркой голубизной, вчерашняя слякоть — белейшим снегом, накрывшим землю, ветви деревьев, чугунные завитки ограды...

Нестерпимо захотелось достать из глубин шкафа джинсы, джемпер и куртку, выскочить в сад и побегать по снегу, как первоклашка на перемене. Слепить снеговика, запустить снежком в окно... а лучше — в графа или в Ларка, хотя нет, вдруг не поймут такого веселья?

— А скажите мне, дорогая тетушка, у вас здесь в снежки играют? — спросила она, спустившись в столовую. Тетушка уже закончила завтракать и допивала чай, и Женя торопливо налила и себе кружку — есть совсем не хотелось, а вот сладкого мозг даже не просил, а требовал.

— Еще как играют, — тетушка Гелли ностальгически улыбнулась. — Цинни так познакомилась со своим мужем: заигралась с подружками, да и попала прямо в лоб графу ди Скаваллю. Тот как раз пришел к Варрену что-то обсудить по работе.

Женя вздохнула: она уже поняла, что станет скучать по своей второй тетушке. Как-то слишком быстро та уехала... Нет, понятно, что дела, но... Женя тряхнула головой и впилась зубами в бисквит. Дела. У всех дела. У нее тоже. В конце концов, не навсегда же Цинни уехала. Так что не будем, как здесь говорят, предаваться пороку уныния. Лучше вернуться к теме разговора.

— Ага-а, значит, прецедент имеется. Отлично. Тогда второй животрепещущий вопрос: как одеться? Я, признаться, слабо представляю, как носиться по сугробам в юбках, хотя сугробов вроде особо и нет.

— Ты не права, деточка, даже дважды не права, — тетушка Гелли хитро улыбнулась. — Первое: уж если ты научилась носить бальные платья, костюм для прогулок не станет большой проблемой. А второе: по-настоящему животрепещущий вопрос — с кем играть будешь? Я, признаться, не ощущаю себя достаточно юной и резвой для подобных забав.

Бисквиты на тарелочке таяли, чай закончился, и Женя почувствовала себя вполне

бодрой для знакомства с костюмом для прогулок.

— Это не вопрос, — торжественно произнесла она. — Я сделаю вид, что вышла лепить снеговика, а на самом деле буду поджидать в засаде. Кто-нибудь же придет, вот я и проверю свою меткость. Хорошо бы Ларк, интересно посмотреть на его реакцию. Кстати, вообще-то прийти должен Реннар, — она слегка поморщилась. — Вроде и некрасиво нападать на больного, но ему как раз очень хочется залепить со всей дури в лоб, причем вовсе не как повод для более тесного знакомства.

— Я смотрю, молодой фор Гронтеш совсем тебе не понравился, — это был не вопрос, а утверждение, и Женя лишь кивнула, доедая последний бисквит. Потом пожала плечами:

— Если он окажется способен отнестись с юмором к снежку в лоб, я пересмотрю свое мнение. Наверное. — Она помолчала, пытаясь облечь ощущения в слова. — Знаете, тетушка, мне не нравится, как он на меня смотрит. Как будто я его личный враг. Я ведь ничего ему не сделала, мы едва знакомы. Значит, причина либо в его отце, либо в Ларке. Но почему?

— И впрямь, странно. — Тетушка нахмурилась, размышляя, и сказала решительно: — Теперь ты будешь встречаться с ним только при мне. Посмотрю сама.

Женя не удержала облегченного вздоха:

— Спасибо! Мне так будет спокойнее, это точно. Ну что ж, тетушка, в таком случае, — она встала, — я готова к борьбе с костюмом для прогулок. Вы ведь погуляете со мной?

— Да уж так и быть, окажу тебе поддержку в этой нелегкой схватке, — рассмеялась тетушка.

Костюм на самом деле оказался более-менее удобен: укороченная, не слишком пышная юбка, не стесняющий движений верх. Глубокий синий цвет, серебристые атласные вставки и ставшая уже привычной серебряная отделка. Женя осмотрела себя в зеркале почти с удовольствием.

Снег мягко хрустнул под сапожками. Ветер стих, мороз был небольшим, не больше минус пяти по ощущениям. Женя раскинула руки:

— Хорошо-то как!

Тетушка прошла по расчищенной дорожке к садовой скамейке, положила на припорошенное снегом дерево мягкую подушечку и уселась, расправив юбки. На зарумянившемся лице расцвела мечтательная улыбка. Женя прошла туда-сюда, привыкая к уютной тяжести костюма, к ощущению плотного шерстяного сукна, обвивающего ноги. Не побегаешь, пожалуй. Нагнулась, зачерпнула пригоршню снега. Слегка влажный, он легко сминался в руках.

Целилась она в дерево, но снежок лишь взрыхлил сугроб. Мало того, что не побегаешь, так и не размахнешься толком, как в куртке привыкла — рукава все же оказались тесноваты для резких движений.

— Ну уж нет, — пробормотала Женя. Еще с десяток снежков улетели в ту же цель — с разной степенью успеха, один даже долетел до ствола, но метить кому-нибудь в лоб явно было рано.

— Не маши руками, — голос из-за спины заставил подпрыгнуть. — Корпусом работай.

— Ох, дядюшка! Это профессиональное — так подкрадываться?

— Вовсе нет. Это ты слишком увлеклась. Смотри, — граф быстро слепил снежок и отправил его в полет почти без замаха. На темном стволе расцвела снежная клякса. — Поняла?

Женя смяла в руках снежок и бросила, заранее зная, что промахнется. Корпусом?

Быстрое, почти неуловимое движение графа больше подходило для боя, чем для игры. Она так только равновесие потеряет и в юбке запутается.

— Не торопись, — граф положил ладонь ей на плечо, другой рукой перехватил запястье и повел руку по нужной траектории — медленно, чтобы дать прочувствовать движение. — Не напрягайся, ногами слегка пружинь. Ты остаешься расслаблена, только плечо резко вперед идет.

Он повторил движение раз, другой, третий, и лишь потом отпустил:

— Пробуй.

Снежок ткнулся в ствол на излете, но хоть не мимо.

— Да уж, весело, — пробормотала Женя, — еще и в снежки играть заново учиться.

Почему-то она чувствовала себя неловко.

— Поучить тебя, что ли, со стилетом работать? Пригодится, по нынешним-то временам. Ах да, дамы. Я почему пришел — адмирал фор Гронтеш просил принять его с визитом. Он будет к обеду.

— Зачем ему просить? — растерянно переспросила Женя. — Тетушка ведь уже приглашала его бывать запросто, разве нет?

— Это значит, что визит будет не «запросто», а по делу, — тетушка неторопливо встала, стряхнула снежинки с юбки. — Пойдем, деточка, для гостей нужно переодеться.

Уходить в дом не хотелось.

— И снеговика я не слепила, — вздохнула Женя.

— Зима только начинается, — утешил граф, легко приобнимая ее за плечи и разворачивая к дому.

Отдых пошел Джегейль на пользу — из ее глаз исчезла затаенная нервозность, в движениях не сквозило тщательно скрываемое напряжение. Граф подумал с легким проблеском вины, что с самого начала взял слишком быстрый темп. Девушке было нелегко привыкнуть. Но теперь она и выглядела, и ощущалась спокойной. Она еще многого не знала и не понимала, но в ней появилась уверенность.

— Как прошел твой вчерашний урок одарского?

— Урок — неплохо, а вот учитель...

— Молодой фор Гронтеш позволил себе неподобающее? — быстро спросил граф.

Джегейль ответила, легко улыбнувшись:

— Он просто мне не понравился. Хотя я ему, кажется, тоже. Даже странно, такой отец — и такой сынок.

— Адмирал тебе, значит, нравится?

Граф сам не знал, какое именно чувство заставило задать столь личный вопрос. Хотя... на правах дядюшки он, конечно, мог о таком спрашивать.

— Адмирал интересный, — одобрительно кивнула Джегейль. — Умный. Да, в конце концов, взрослый! А Реннар — детский сад. Что-то сам себе надумывает и дует на пустом месте. Вот вы о Ларке как-то сказали — «мальчишка», а Ларк намного взрослее.

— За Ларком страна, и он об этом помнит, — рассеянно ответил граф. С Ларком-то все было понятно, а в отношении девушки к обоим фор Гронтешам даже сама она, кажется, не разобралась.

— Он, по-моему, у Ларка порученец? — Джегейль заговорила горячо и сердито. — Я так понимаю, если за тобой страна, то все, все твои люди должны быть абсолютно надежны!

Как вы, как адмирал. А Реннар у него — слабое звено. И не потому что предать может, нет! Просто дурак потому что. Сам не поймет, когда ошибется.

— И ведь не сказать, чтобы эти мысли не пытались вложить ему в голову, — граф вспомнил Фенно-Дераля и его с младшим фор Гронтешем постоянные словесные стычки.

— А вложенным умом умен не будешь, — возразила девушка. — Пока сам на собственной дурости шишек не набьет...

Смахнула снег с волос, пожала плечами и первой вошла в дом — граф едва успел придержать ей дверь.

ГЛАВА 20, в которой адмирал фор Гронтеш обеспечивает тылы перед войной, а принц Ларк понимает, что война уже началась

Время этой зимой летело слишком быстро, слишком опасно — как штормовая волна, как лавина с гор. Или Оннар фор Гронтеш слишком привык за последние годы к размеренному, бездельному существованию, которое и жизнью-то не назовешь?

Теперь, по крайней мере, он жил. Его мотало неотложными делами от северного побережья до южного, в него стреляли, на него писали анонимные доносы, но сам король, лично, разрешил ему действовать во благо страны так, как он считает нужным. Он собирал флот, договаривался о поставках парусины и пушек, ядер, кнippелей и картечи, зерна и солонины, он искал людей и проверял их подготовку, обговаривал с королем финансирование, а с принцем — сценарии взаимодействия флота и армии.

И он еще успевал думать о женщине!

Не о женщинах вообще, что было бы понятней, а о единственной, чья улыбка почему-то вставала перед глазами слишком часто, в самые неожиданные моменты.

Адмирал пытался не обращать внимания, не отвлекаться, сосредоточиться на делах, но, что странно, мысли о Гелли фор Циррент вовсе не мешали делам. Даже, наоборот, помогали. Стало казаться, что один ее образ приносит удачу. Помогает находить нужные слова в переговорах, подсказывает, кого из поставщиков выбрать, где задержаться, откуда уйти, а где пригнуться, избежав пули.

И, спрашивается, кто он такой, чтобы не замечать таких явных знаков? Судьба...

Поэтому где-то между руганью с маркитантами, заключением контрактов с гильдией оружейников и очередной инспекцией северных верфей, уже положив в карман подписанные королем подорожную и «открытый лист», проверив амулеты и прицепив к поясу, рядом с офицерским кортиком, Черный Лотос, адмирал попросил графа фор Циррента принять его у себя дома. Граф оглядел его тем неприятным, пронзительным взглядом, который он приберегал обычно для служебных дел, но ответил подчеркнуто добродушно:

— Отчего бы нет, адмирал, приезжайте. Да хоть нынче же к обеду.

Все оставшееся до назначенного часа время Оннар фор Гронтеш гадал, понял ли граф, о чем пойдет речь. Начальник Тайной Канцелярии был весьма проницательным человеком и славился отменным знанием всего, что происходит в Андаре и за его пределами, но сейчас его почти легендарные проницательность и всезнание наверняка нацелены вовне, а не на собственную семью. Да что говорить, всем им сейчас не до семей. Но, уходя на войну, не следует оставлять за спиной недосказанное и несделанное. Дурная примета.

Адмирал выглядел взволнованным, и Женья мгновенно взволновалась тоже: в последнее время слишком много случалось всяческих неприятностей. Но дядюшка держался абсолютно спокойно и явно был чем-то доволен, тетюшка тоже казалась вполне безмятежной, и Женья постаралась усмирить тревогу. Мало ли у человека может быть поводов нервничать, совсем не обязательно они должны быть связаны с подступающей войной и неустойчивым

положением дел.

Вот только на поясе его висела катана в лаковых деревянных ножнах, и Женя узнала потертую рукоять, тяжелую притягательную ауру и почти невидимые сейчас черные радуги.

Хотя глупо, конечно, держать зачарованный меч на стенке в гостиной, когда на тебя в любой момент снова могут напасть.

Женя раскланялась с гостем в свой черед, после старших родственников — уже привычно, не затрудняясь с должным приветствием. Освоившись с платьями, она сживалась и с этикетом.

— Граф, — адмирал резко выдохнул, быстро взглянув на тетущку, — не буду ходить вокруг да около, у всех нас сейчас слишком мало времени. Как у главы семьи фор Циррент, я прошу у вас разрешения добиваться руки и сердца вашей кузины, виконтессы Эбигейль фор Циррент.

Женя замерла, задержав дыхание. Теперь стало ясно и волнение адмирала, и хорошее настроение дядюшки. С ума сойти, настоящая помолвка! И ведь они друг другу подходят! И адмирал такой классный мужик, тетущке Гелли должно быть с ним хорошо, Женя совершенно точно это чувствовала, хотя не смогла бы объяснить, почему. Едва-едва усвоенный этикет явно давал трещину: ни граф, ни тетущка еще ни слова не сказали, а она уже чуть не завизжала: «Тетущка, соглашайтесь!»

— Зачем же добиваться, — усмехнулся граф. — Полагаю, я не ошибусь, сказав: сердце моей кузины и так уже ваше, а что касается руки, я, как глава нашего рода, с радостью благословлю ваш союз.

— Вот вечно ты, братец, все испортишь, — тетущка негромко вздохнула. — Я же должна была заставить дорогого адмирала хоть немного помучиться неизвестностью.

— И что ж вы, женщины, такие коварные. Считай, что он уже достаточно помучился, сестрица, и дай свой ответ.

Адмирал стремительно подошел к тетущке, опустил на одно колено и взял в руки ее ладонь.

— Соглашайтесь, дорогая моя. Поверьте, Гелли, я люблю вас. Да что там, я влюблен, как мальчишка! Я...

Он замолчал, тетущка вздохнула и сказала почему-то задрожавшим голосом:

— Я согласна, Оннар. Я понимаю, что сейчас не время для свадеб, но... Я буду ждать. Берегите себя, дорогой мой.

Женя прикусила губу. «Ждать». Вот почему тетущка совсем не выглядит счастливой, вот почему кажется, что она почти в панике. Она уже ждала брата. И мало того, что война впереди, черт с ней, с войной, но ведь адмирал фор Гронтеш и в мирное время дома не усидит. И он наверняка вернется еще на Огненные острова... как раз те самые Огненные острова, которые уже отняли у тетущки самого близкого человека!

Адмирал покачал головой и приник губами к ладони своей избранницы.

— Не время для слез, Гелли. Все будет хорошо, верьте мне. Благодарю вас за согласие. Если граф не против, мы можем скрепить помолвку сегодня же.

— Граф решительно «за», — глаза дядюшки довольно блестели, а улыбка была непривычно теплой.

Адмирал поднялся на ноги, тетущка осторожно высвободила руку, и вот тут-то Женя послала этикет к черту и налетела с объятиями:

— Тетя Гелли. Я так рада, так рада! Поздравляю!

Нужно ее растормошить, встряхнуть, она ведь на самом деле должна быть счастлива, ей ведь нравится адмирал, просто она, наверное, не ожидала предложения так скоро, все случилось чересчур быстро! Ну, вот куда это годится, ей такой мужчина в любви объясняется, а у нее руки дрожат!

Тетушка тайком смахнула слезинку. Граф хмыкнул:

— Пока мы ждем свидетелей, а дамы успокаиваются, предлагаю пойти в библиотеку и выпить по бокалу вина.

— Я надеюсь, что дамы к нам вскоре присоединятся, — адмирал поклонился.

— А почему в библиотеку? — спросила Женя, когда мужчины вышли. — Не в кабинет?

— Что ты, деточка, кабинет — для дел. То есть, я хотела сказать, для исключительно мужских дел, — тетушка прижала ладони к пылающим щекам, вздохнула прерывисто. — Вот уж не думала, в мои-то годы...

— Ой, вы скажете! — возмутилась Женя. — Какие еще «годы»?! Адмирал тоже не пацан сопливый, в конце концов, а вы, тетушка, вообще в зеркало на себя глядите? Вы же у нас красавица! Да такой улыбки, как ваша, вообще ни у кого больше нет! Уважаю адмирала, вот честное слово, уважаю, знает, на кого смотреть и в кого влюбляться.

Она тарахтела беспрерывно, тормошила замершую тетушку, обнимала, повторяла вновь и вновь, как рада, как счастлива за них с адмиралом, какая они чудесная пара, и тетушка, наконец, отмерла. Вздохнула еще раз, робко улыбнулась:

— Пожалуй, мне нужно переодеться. Джегейль, милая, попроси подать в библиотеку чаю, хорошо?

— Все сделаю, — радостно пообещала Женя. — Господи, вот это у нас событие! Сенсация! Сплетня сезона, а, тетушка? Вот честное слово, спорим, мое чудесное появление вы с адмиралом переплунете?

И тетушка наконец-то рассмеялась.

— Признаться, не ждал, что вы так быстро решитесь, — граф разлил вино, протянул бокал будущему родичу. — Хотя мелькнула, знаете ли, мысль, что у вас с Гелли могло бы что-нибудь получиться — на том злосчастном балу, я заметил мельком, вы смотрели друг на друга так, будто одни во всем мире.

Сейчас казалось, что он уже тогда понял: дело к свадьбе. Хотя, если быть точным, мимолетное впечатление тут же забылось, вытесненное тревогой за Джегейль, и вспомнилось лишь теперь. Но Гелли и впрямь выделяла адмирала фор Гронтеша из прочих мужчин, а после бала это буквально бросалось в глаза.

— Я и сам не ждал, — адмирал неловко усмехнулся, принимая бокал. — Но стоит ли тянуть, если уж что-то о себе понял? Жизнь, граф, дама неверная, вторых шансов не дает почти никогда. Я только представил, что оставляю Гелли за спиной, отправляясь в бой, и стало совершенно невыносимо думать, что она может так и не узнать о моих к ней чувствах.

— Понимаю.

Они отпили вина почти одновременно — медленно, смакуя. Терпкий вкус поздней осени — дыма костров, прихваченных первыми морозами ягод. Вкус зрелости...

— Мальчишки любят загадывать на «после войны», — задумчиво сказал адмирал. — Отчего-то им кажется, что это признак настоящего мужества — отказаться от чувств, отложить их на мирное время. Но это не так. Когда знаешь, что тебя ждут, чувствуешь себя обязанным победить и вернуться.

— Да, вы правы, — граф невольно припомнил кое-какие приключения своей молодости. Его не ждала любимая, зато ждали сестры, и ради них он не мог себе позволить глупо и бесславно сгинуть. Особенно после того, как пришло известие о гибели Арбальда, и Гелли была чуть жива от горя.

Адмирал размышлял о том же:

— У меня дочь и сестра. Реннар уже взрослый, но и ему, я думаю, было бы тяжело потерять отца. Но он мужчина, он и сам будет сражаться. А Сильвия и Лили-Унна... они нуждаются в моей защите. Знаете, граф, для них годы моей опалы были почти счастливыми, и я не могу их в том винить.

— Понимаю, — повторил граф. В последние месяцы его привычка к одиночеству ушла, сменившись теплым чувством присутствия семьи, и он легко мог понять такие же чувства. Гелли, наверное, тоже было одиноко в ее поместье. — Вам стоит перевезти их сюда. Пусть ждут вас вместе с Гелли, и им будет не так тоскливо, и вам спокойнее. Конечно, ваши земли далеко от побережья, но все же опасно оставлять женщин одних в военное время. Как выразилась бы моя племянница, они — ваше «слабое звено».

— Я уже думал об этом.

— В таком случае, не тяните.

— Сильвия давно просилась в столицу, но она слишком юна.

— Полагаю, здесь найдутся для нее сверстницы.

Разговор тек неторопливо и тепло — о семьях, о родных и близких. Повод позволял, и благом казалось отвлечься от мыслей и забот военных, вспомнить о будущем рода, о той незримой нити, что проходит через ныне живущих, связывая предков и потомков. Граф подумал даже — а эту мысль он не допускал до себя, пожалуй, уже лет двадцать — что и на нем лежит незримое, но весомое обязательство, ибо род фор Циррентов пока что не продолжен ни в одной из ветвей.

Вошла Джегейль, как-то незаметно на столике появилось все для чаепития, наконец-то присоединилась к ним и Гелли — она сменила темно-синее домашнее платье на праздничное серо-стальное, с перламутровым отливом, украшенное мелкими жемчужинками и серебряным шитьем, и в глазах адмирала тут же вспыхнуло восхищение. Терпко запахло любимым чаем «племянницы» и адмирала — граф подумал, что скоро и он привыкнет к этому варварскому напитку. Ланкен доложил о приезде его высочества с порученцем.

Давно у начальника Тайной Канцелярии королевства Андар не случалось таких спокойных, безмятежных дней.

И, право же, ему стоило бы вспомнить собственную, годами опасной работы выпестованную мудрость: чем прекрасней день, тем больше шансов на отвратительный вечер.

Вот уже второй день Ларком владело то ледяное, убийственное спокойствие, которое прежде накрывало его лишь в бою. Он спокойно ответил на все вопросы начальника полиции, спокойно выслушал, что Громобоя спасти не удалось, зато один из стрелявших захвачен живым, пообещал до конца расследования не выезжать без охраны и даже не напомнил, что в этот раз охрана была, вроде бы, при нем.

Наконец-то он понял всей душой то, о чем ему твердил дед и что, казалось ему, он понимает разумом — война уже идет. Здесь, совсем рядом с королевским дворцом, с домом

его друга Реннара, с особняком фор Циррентов, с городской ратушей и театром. Война — без открытых стычек и тем более сражений, но тем выше цена победы или поражения. Потому что именно сейчас одна меткая пуля может перечеркнуть все будущие победы. Уберут его, адмирала фор Гронтеша, нескольких командиров и штабистов потолковее, и поражение войскам Андара почти гарантировано.

Этого осознания хватило принцу на то, чтобы он перестал воспринимать столицу как «зимние квартиры». Теперь каждый шорох заставлял вслушиваться, от каждого звука, выбивающегося из привычного фона, ладонь дергалась к пистолету. Переход в боевой режим произошел естественно и почти незаметно для него самого — проснувшись, он сначала почистил и зарядил пистолеты и лишь затем приказал подать воду для бритья, за завтраком отставил в сторону вино, а, получив с курьером срочное приглашение к фор Циррентам, прежде всего вооружился и сообщил об отъезде дежурной смене охраны.

Всю дорогу до особняка фор Циррентов принца не оставляло тревожное, зудящее ощущение вражеского присутствия, чужого взгляда, примеривающегося, как лучше прицелиться, близкой засады. К концу пути он был настолько на взводе, что, столкнувшись с Рени, первым делом отругал его за беспечность и запретил выезжать без охраны. Реннар, и без того, кажется, не горевший желанием продолжать уроки с барышней фор Циррент, обиженно насупился и ядовито спросил, не желает ли его высочество завернуть своего порученца в вату или, еще лучше, запереть в хрустальную башню, словно какую-нибудь нежную деву из старинных легенд.

— Брось, ты просто нужен мне живым и здоровым к началу войны, — Ларк заставил себя рассмеяться, хотя сейчас ему было совсем не до смеха.

Положение спас Ланкен, пригласивший гостей проследовать в библиотеку, а охрану — пройти в малую столовую, дабы отогреться чаем и скромной закуской. Вот только ощущение вражеского напряженного взгляда и нацеленного в спину чужого оружия никуда не делось, и более того, теперь принцу навязчиво чудилось слабое, едва ощутимое эхо чужих шагов за спиной. Ларк недовольно подумал, что ни с того ни с сего становится параноиком. В конце концов, разве мало было прежде покушений? Давно бы пора привыкнуть.

Между тем в библиотеке графа фор Циррента царил спокойный семейный уют. Обе виконтессы, старшая и младшая, пили чай, а сам граф как раз наполнял вином бокалы — себе и адмиралу. Поставив бутылку, он поднялся:

— Рад видеть, ваше высочество, герцог, — несмотря на официальное приветствие, начальник Тайной Канцелярии тепло улыбался. С сияющей улыбкой обернулась к вошедшим виконтесса Эбигейль, довольно кивнул адмирал, увидев Реннара:

— Хорошо, что вы уже здесь, сын мой. Граф послал курьера за вами, полагаю, вы разминувшись где-то в пути. У нас здесь наметилось семейное дело...

И в этот миг принц встретился взглядом с Джегейль. Та смотрела на него и мимо, словно увидев что-то страшное за его спиной: рот приоткрыт, как будто приветствие замерло, не сорвавшись с языка, рука сжимает чашку, не донеся ко рту.

Еще вчера Ларк задал бы один из тех глупых и никчемных вопросов, которые первыми приходят на ум в подобных непонятных ситуациях: «Что с вами, виконтесса?» или «Не увидели ли вы призрака», — но сейчас прежде всего сработали боевые инстинкты: он отшатнулся, пригибаясь и разворачиваясь, выхватывая пистолет, и в этот миг мимо пролетела пущенная меткой девичьей рукой чашка и врезалась во что-то невидимое в полушаге от дверей и в двух шагах от принца.

Казалось, мир замер в бесконечно вязком, растянутом на вечность мгновении: темные, округлые капли крепкого островного чая, лунной дорожкой повисшие в воздухе, оглушительный в тишине библиотеки грохот выстрела, почти черные брызги крови на белых осколках тончайшего фарфора, непонятный металлический взвизг и короткий вопль позади... Злой крик Джегейль на чужом языке, взмах тонкой руки и опалившая невидимым жаром волна — как будто кровь разом вскипела в жилах и тут же застыла, прихваченная знобким холодом. Проявляющиеся из воздуха убийцы — простая, удобная одежда, длинные ножи одарского образца, изумление на неприметных, словно выпцветших лицах.

Как всегда в бою, мысли стали очень короткими и ясными, отсеялось лишнее, отложились «на потом» вопросы. Отмечать движения и даже взгляды — они ясно показывают намерения противника. Стрелять в руки и ноги — нужны пленные, но никто из своих не должен пострадать. Следить, чтобы на линии атаки не оказалась дверь — вот-вот на крики и выстрелы ворвется охрана.

Несколько мгновений. Казалось, они длятся и длятся — под девичий визг, под хрипы раненых, под короткие, резкие щелчки затвора. Но в голове, помимо мыслей и словно отдельно от всего прочего, отсчитывал мгновения незримый метроном, и принц совершенно точно мог сказать, что весь бой занял действительно несколько мгновений — не больше десятка ударов сердца.

Охрана застала троих уложенных на пол стонущих убийц, ни один из которых не остался цел, но никто и не был ранен достаточно серьезно, и единственный труп — с кривым островным клинком в сердце. Похоже, зачарованный меч адмирала вновь проявил характер.

Старшая виконтесса пряталась между шкафом и окном, адмирал прикрывал ее от убийц. Граф фор Циррент отодвинул Джегейль за спину, к стене, в его руке тоже был пистолет, но выстрелить он, кажется, не успел ни разу. Реннар цвел алыми пятнами на щеках, и принц понимал, почему: его порученец отправился в гости безоружным. Что ж, не задели, и хорошо.

— Теряю хватку, — граф спрятал пистолет, обвел тяжелым взглядом поле боя — испуганных дам, осколки стекла и фарфора и потеки крови на паркете, опоздавшую охрану. — Ваше высочество, позвольте выразить восхищение вашими боевыми навыками. Господа, отправьте курьера за начальником полиции, он нам не простит промедления. Да, передайте, что здесь нужны маг и доктор. И кто-нибудь, прошу вас, проверьте, с моим секретарем все в порядке? Он мог столкнуться с убийцами.

— Мне кажется, дамам не помешает выпить, — Ларк медленно вложил пистолеты в кобуры. Руки подрагивали. — И, к моему стыду, мне тоже. Я не вполне понимаю, что, собственно, произошло. Лазутчиков-невидимок нам раньше не встречалось.

— Или они уходили нераскрытыми, — высоким нервным голосом возразила Джегейль. Она все еще прижималась к стене, глядя перед собой пустым, остановившимся взглядом, и явно была на грани чего-то худшего, чем банальная истерика.

— Случаи нераскрытых убийств, — пробормотал фор Циррент. — Маловероятно, что эти чары знают наши маги, но в Одаре действительно было несколько крайне непонятных эпизодов. Джегейль, дорогая, успокойся, — он осторожно обнял девушку, прижал к себе, поглаживая по голове. — Успокойся. Все позади, все хорошо. Мы разберемся. Ну же, все обошлось. Кто-нибудь, налейте вина.

Ларк наполнил первый попавшийся бокал доверху. Граф перехватил, поднес к губам

Джегейль. Та выпила, как воду.

— Который раз ты меня спасаешь, — тихо сказал принц. — Но с чашкой — это было... м-м-м, неожиданно. Я чуть было не подумал, что это меня ты решила так поприветствовать.

Девушка подняла голову, улыбнулась дрожащими губами:

— Ларк, не пори чушь, пожалуйста, у тебя плохо получается. Я и так успокоюсь. Все целы? Тетушка в порядке?

— Все целы, все в порядке, — повторил граф. Он так и не выпустил девушку из рук — передал опустевший бокал Ларку, и тот, вернувшись к столу, наполнил его снова. Пусть девушки больше склонны успокаиваться чаем со сладостями, но при таком потрясении чай — слишком слабое лекарство. Будь у барышни не такие крепкие нервы, уже, наверное, лежала бы в глубоком обмороке.

Второй бокал Джегейль пила медленно, мелкими, осторожными глоточками, придерживаясь рукой за плечо графа и часто вздыхая, как будто ей не хватало воздуха. Допив, выпустила бокал из бессильно упавшей руки и сказала со смешком:

— Господа, вы меня опоили, но теперь мне точно хорошо. Тетушка, я говорила, что вы с адмиралом меня переплюнете? Я преуменьшила.

Ларк обернулся и увидел, что старшая виконтесса выглядит сейчас почти отражением младшей — стоит в объятиях адмирала, держит в руке бокал и тоже, кажется, готова не то расплакаться, не то рассмеяться.

— В нашей семье вечно так, — хмыкнул граф. — Матушка, помнится, рассказывала, что их с отцом помолвка случилась совершенно внезапно, на идущем из колоний в ТириССу корабле, через час после успешно отбитого нападения пиратов.

— Да-да, — нервно рассмеялась старшая виконтесса, — а наш батюшка встретил маму в весенний Перелом, когда она на спор изображала цветочницу. Но все же мы, кажется, и впрямь всех их переплюнули.

— Простите? — переспросил Ларк. — Боюсь, я потерял нить ваших рассуждений.

— А они просто не успели вам сказать, — хихикнула Джегейль.

— Да, ваше высочество, — кивнул граф. — Видите ли, я имел честь пригласить вас, дабы засвидетельствовать помолвку моей дорогой кузины и адмирала фор Гронтеша. И, полагаю, пока не явится Фенно-Дераль, мы еще успеем сделать то, зачем, собственно, здесь и собрались.

ГЛАВА 21, в которой Женя теряет магию, зато сохраняет семью и друзей

К тому, что в этом мире она вечно оказывается не в том месте не в то время, Женя уже почти привыкла. Но того, что «не тем местом» вдруг обернется такая уютная, давно обжитая ею библиотека графского дома, совсем не ожидала! Оттого, наверное, и среагировала слишком уж нервно.

Она как раз собиралась поприветствовать Ларка — запнулась на секунду, сообразив в последний миг, что приветствие-то нужно официальное, — и тут заметила, как следом за принцем и его порученцем в дверь проскальзывают омытые радужными всполохами силуэты. Радуги слепили глаза, и Женя замерла, вглядываясь, не веря, не понимая, что происходит — до того мгновения, когда радужная рука с радужным клинком, похожим на тесак, змеей метнулась к горлу принца, а другие фигуры с быстротой и неотвратимостью ниндзя скользнули к графу и адмиралу.

Время замерло и рухнуло на голову ледяной снежной лавиной, валунами горной осыпи, многотонной толщей набежавшего на берег цунами. Мгновенно поняв, что — снова убийцы, что — не успевает, что — никто их и не видит, кроме нее, — Женя совершенно не соображала, что должна делать. Кажется, сначала она завизжала. Или заорала:

— Да что ж это, мать вашу, снова! Проявитесь! — и что-то совсем уж матерное, благо, что родного великого и могучего никто здесь не знает.

Кажется, она совершенно по-бабски, истерично, швырнула чашку в морду того типа, который уже чуть не зарезал принца. Или сначала на каком-то непонятном инстинкте махнула рукой, приказывая долбаным радужным ниндзя проявиться, посылая в них всю магию, которую не чувствовала в себе, но знала, что она есть? Как она при этом оказалась в нескольких шагах от столика, у стены, прикрытая спиной графа, Женя даже не пыталась понять. Грохотали выстрелы, в ушах бухали молоты и сверлили дрели, пел Черный Лотос, в очередной раз найдя чье-то сердце, распуская вокруг алую злую ауру. «Дурдом», — убито прошептала Женя, и тут все закончилось.

Ну, то есть как — закончилось? Ворвалась охрана, укладывая и увязывая вполне уже видимых убийц, Ларк сунул пистолеты в кобуры, кто-то что-то говорил, а Женю трясло от запоздавшего ужаса и ледяного озноба. И лишь когда граф обнял ее, прижав к себе, уговаривая успокоиться, словно ребенка, она и впрямь начала успокаиваться.

От его рук шло тепло, а сердце стучало размеренно, как будто ничего особенного и не произошло. И правда, подумаешь, очередное покушение, такие развлечения здесь, судя по прошлым разам, чуть ли не по расписанию происходят.

Женя истерично хихикнула, и граф вновь зашептал:

— Ш-ш-ш, тихо, девочка, успокойся. Все хорошо, ты умничка, ты все правильно сделала...

Довершили дело два бокала вина. Стало тепло, в голове больше не стучали молоты и не сверлили дрели, а тихо, чуть слышно шумел прибой, и она даже начала понимать, о чем говорят с ней рядом, и вставлять какие-то свои реплики. Хотя, спроси кто, о чем только что говорили, не факт, что ответила бы.

Окончательно отпустило, когда все-таки вспомнили о помолвке. «Черт с ними, с

убийцами, — мысленно сказала себе Женя, — их здесь, как собак нерезаных, давно пора привыкнуть, а вот помолвка — не каждый день».

Труп посреди библиотеки и связанные пленники как будто снова стали невидимками — на них попросту перестали обращать внимание. Граф, мимолетно пожав Женину ладонь, отпустил ее и взял за руку тетушку.

— Я, граф Варрен фор Циррент, старший в роду, благословляю помолвку и будущий брак моей кузины, виконтессы Эбигейль фор Циррент, с Оннаром фор Гронтешем.

— Я, Оннар фор Гронтеш, обязуюсь любить и оберегать мою нареченную Эбигейль, даровать ей полные права и защиту рода фор Гронтеш.

Граф вложил руку тетушки в руку адмирала и отступил на шаг. К парочке подошел принц, накрыл сомкнутые ладони жениха и невесты своими:

— Я, Ларк-Элиот-Дионн, второй наследный принц королевства Андар, свидетельствую и желаю счастья.

Его место занял Рени:

— Я, герцог Реннар фор Гронтеш, свидетельствую и клянусь оберегать нареченную невесту своего отца всей силой рода фор Гронтеш.

Женя поймала взгляд дядюшки, и как толкнуло что-то: «Твоя очередь».

— Я, Джегейль фор Циррент, свидетельствую и желаю счастья.

Тетушка улыбнулась, адмирал крепче сжал ее ладонь.

— Скреплено и объявлено, и да будет так, — торжественно объявил Ларк. — Свидетельствую.

И в этот миг вошел Ланкен — живой, целый и невредимый, и доложил буднично и ворчливо, напрочь разрушив торжественную атмосферу:

— Дом оцеплен, господин начальник полиции просил подождать, он занят внешним осмотром. Маг работает с ним, за доктором послали.

Граф усмехнулся и предложил:

— Еще вина, господа и дамы? Полиция полицией, а праздник праздником.

— Одно другому не мешает, — все еще нервно хмыкнула Женя. — Я так понимаю, весь этот разгром, — она обвела рукой осколки чайного сервиза на полу, — до осмотра трогать нельзя? Пойду, сделаю свежего чаю.

— Нет уж, сиди, — остановил граф. — У тебя руки еще дрожат. Ланкен, попросите подать чаю для дам.

Ланкен, кивнув, вышел, а Женя почти упала в кресло и закрыла глаза. Она не знала, дрожат ли руки, но внутри и в самом деле никак не проходила мелкая ознобная дрожь. Даже вино помогло ненадолго...

Граф фор Циррент уже привык к мысли, что у его названной «племянницы» на редкость крепкие нервы. Эта удивительная девушка оставалась спокойной и не теряла способности здраво мыслить в ситуациях, которые почти любую довели бы до панического визга и истеричных припадков.

Но сейчас она боялась и нуждалась в утешении точно так же, как всякая девушка, в чей дом неожиданно проникли убийцы. При мысли о том, что Гелли и Джегейль могли пострадать, охватывала ярость, и три живых, пусть и не вполне целых, пленника обещали прекрасную возможность ее удовлетворить. Но это позже. Прежде следовало позаботиться о дамах. И так как заботу о Гелли легко и непринужденно взял на себя адмирал, графу

оставалось приглядеть за Джегейль — остановить порыв самой заняться чаем, согреть в руках ледяные ладони, поговорить о какой-нибудь ерунде, отвлекая от трупа посреди комнаты, от крови на паркете, от пороховой вони.

«Ерунда», правда, на ум не шла.

— Как они пробрались в дом? — жалобно, почти шепотом спросила Джегейль.

— Сам хотел бы знать, — зло ответил граф. — Разберемся. Грент мага привел...

— Грент? А-а, ваш друг из полиции.

— Да, он. Ты сама-то что видела? Как их заметила?

— Как всегда, — она пожала плечами. — Магия. На них, наверное, всяких чар повешено было, как гирлянд на елке — аж светились. Но я думала, что уж у нас-то охрана на доме должна быть?

«У нас» отдалось неожиданным теплом на сердце, но ответил граф по существу:

— Никакая охрана не абсолютна. Появляются новые чары, новые хитрости. Выясним, что именно они использовали, и можно будет думать о том, как учесть это в защите.

— А-а, гонка вооружений, — кивнула девушка. — Ну да, логично.

Похоже, вино на нее все же подействовало, хотя совсем иначе, чем в тот вечер, когда она шокировала их с Грентом своими откровениями. Джегейль стала тихой и вялой, отвечала коротко, словно через силу. Наверное, лучшее, что можно было сейчас для нее сделать, это подмешать снотворного в чай и отправить в постель, но сначала придется дожждаться ее показаний. Хотя, по большому счету, и так все ясно, но порядок есть порядок.

Вошел доктор — снова Заккендаль, как будто ему на роду написано оказываться там, где дело связано с Джегейль. Следом стремительно ворвался Грент, за ним просочился маг — надо же, отметил граф, снова знакомый, как там его, Тил Бретишен? Похоже, бывший ученичок покойного Страунгера прижился в полиции. И отлично, им давно нужен свой маг.

— Соберись, — мягко попросил граф. — Как только Грент расспросит вас с Гелли, пойдете отдыхать.

— А вам теперь долго будет не до отдыха, — понимающе вздохнула Джегейль.

Они замолчали, прислушиваясь к репликам мага: у Тила была, похоже, привычка болтать за работой, сходу озвучивая наблюдения и выводы.

— Итак, что мы имеем, господа, кроме очевидных следов кровавого, простите, побоища? Яркий магический фон, я бы даже сказал, слепяще яркий, здесь должны быть не только амулеты, возможно, даже вероятно, проводился ритуал усиления. «Мягкий шаг» на сапогах, амулеты... м-м-м... какая-то странная модификация чар полной незаметности, впервые такое вижу. Направлены как на самих, э-м-м, лазутчиков, так и вовне, на окружающих. Новодел, заряжены полностью, почерк не наш, напоминает южную школу, но не классическую. Я бы сказал, одарская магическая традиция в авторской вариации довольно сильного и изобретательного мага. Тонкая работа. Уровень магистра, несомненно. Блоки конфиденциальности на разуме, допрашивать без сильного менталиста не советую, помереть могут. Убитый... так-так, это мы уже проходили, господа, знакомый клинок, здесь все то же, что и в прошлый раз. Своенравное оружие, рискну предположить. Господин адмирал, прошу вас... Благодарю. К вашему клинку опасно приближаться, когда он в такой, я бы сказал, зримой ярости. М-м-м... у убитого все то же, плюс еще один странный амулетик. Что-то ментальное, но, верите ли, господа, впервые такое вижу. Я бы предположил либо связь, либо подавление, но нужно проверять. Определенно скажу, что меня ничему подобному не учили, и в доступных мне трактатах я не встречал ничего даже

отдаленно похожего. Крайне интересно. Вы разрешите мне исследовать?

Заккендаль тем временем наспех подлатал раненых лазутчиков, Грент отдал приказ их увезти и подступил к Джегейль с расспросами. Девушка рассказывала, лишь изредка вздрагивая, коротко, но внятно, не путаясь, и в какой-то миг Грент даже сподобился ее похвалить:

— Вы отличный свидетель, барышня.

И тут же переспросил:

— Что, вы говорите, вы закричали, швырнув в него чашкой? «Проявись»?

— Кажется, — виновато ответила та. — У меня как смешалось все в голове, помню, что орала, помню, как будто оттолкнуть пыталась, что ли... или не так, простите, я правда не могу объяснить, у меня слов не хватает для магических ощущений. Вот сейчас еще вспомнила, что ругалась на родном, но уж это точно не заклинания... хм, хотя дома всякое об этом шутят.

— А скажите, барышня, — вклинился, не спросившись, Заккендаль, — вот сейчас вы что-нибудь магическое наблюдаете?

Джегейль подняла голову, медленно обвела взглядом библиотеку, и с каждым мгновением этого очень долгого взгляда на ее лице проступало все большее изумление.

— Ничего не вижу, доктор. Вообще ничего необычного, даже аура у Черного Лотоса куда-то делась. Стопроцентно нормальный мир.

— Что ж, я знаю, что вам этого хотелось, поэтому позволю себе вас поздравить. Полагаю, вы истратили весь свой оставшийся запас магии на... как вы сказали, проявление?

— Очень своевременно, должен заметить, — ввернул граф.

— Добро пожаловать в компанию обычных людей? — Джегейль тоненько хихикнула. — С тириским не успели, простите, граф. Ну, с другой стороны, в самом деле, хотя бы в нужный момент сработало. И то хлеб.

Фенно-Дераль покачал головой:

— Боюсь даже предположить, что бы мы здесь обнаружили без вашей магии, барышня. Вполне возможно, что лишь обгоревшие трупы на пепелище.

— Не нужно ее пугать, Грент, — вздохнул граф. — Если у вас все, предлагаю поручить дам вниманию доктора. Дальше, полагаю, мы обойдемся без их присутствия.

Гелли встала, отставив опустевшую чашку:

— Пойдемте в гостиную, доктор. Деточка плохо выглядит, ей и впрямь нужна ваша помощь. — И добавила, покачав головой, с легкой улыбкой: — Деточка ошиблась, сплетни сезона из нашей помолвки не получится. Ведь все это, как я понимаю, следует держать в строгой тайне?

— Не переживай, — подбодрил граф, — что-нибудь придумаем. Правдоподобное и романтическое, чтобы вашему кружку любительниц чая пришлось по душе.

— Да уж пожалуйста, братец, — рассмеялась Гелли. — Нельзя же упускать такую чудную возможность!

Новость о магии Женю добила. То есть да, она не хотела этой непонятной, странной силы, она ждала, когда заемная магия в ней иссякнет, и можно будет снова верить собственным глазам, точно зная, что именно ты видишь. «Бойтесь своих желаний»...

Она еще помнила кровавую ауру вокруг Черного Лотоса, но теперь это была просто катана, торчащая из пронзенной груди просто трупа — не мерцающего радугами, вполне

видимого и полностью обиденного, от намокших в крови русских волос до кончиков стертых сапог. А если снова объявятся такие вот невидимки?! Она больше не сможет увидеть. Все они, ее друзья, семья, окажутся беззащитны.

Бойтесь своих желаний...

В конце концов Женья разрыдалась, прижимаясь к обнявшей ее тетушке и бессвязно пытаюсь объяснить, какая же она дура, что не ценила таких полезных возможностей. Вдруг, если бы она сразу начала как-то их развивать, магия прижилась бы в ней?!

Заккендаль покачал головой:

— Нет, барышня, рано или поздно, но закончилось бы именно так. Магом нужно родиться, а заемная сила как приходит, так и уходит, и те, кто полагаются на нее, обычно плохо кончают. Вам повезло, барышня, вы использовали отведенную вам судьбой магию разумно, хотя, полагаю, по большей части это получалось случайно.

— Погляди с другой точки зрения, пока у тебя была эта сила, ты всех нас спасла, — мягко сказала тетушка. — Куда хуже было бы, если бы твоя магия ушла вчера.

— Она не могла уйти вчера, — хлюпая носом, возразила Женья, — доктор говорил, еще месяц-полтора...

— Но вы сумели выплеснуть ее разом, направив на тех, кто желал вам зла. Вот, барышня, выпейте.

— Что это? — зубы стучали о край чашки, и Женья чуть не расплескала пахнущую мятой и чем-то еще воду.

— Успокоительное. Вам нужно заснуть сейчас. Такие резкие выбросы магической силы даже для урожденных магов тяжелы. Может быть сильная слабость, не пугайтесь. Я прописываю вам покой, отдых и приятные эмоции, будьте добры исполнять, барышня.

Женья всхлипнула еще раз и достала платок.

— Поняла, доктор. Спасибо. И вам спасибо, тетушка. Черт, ну вот что ж я так расклеилась? Все равно ничего уже не изменишь.

— Вот именно. Лучше порадоваться, что все сложилось на редкость удачно. Отправляйтесь в постель, барышня, это довольно сильное успокоительное, вы совсем скоро уснете.

— Солли, проводи деточку и помоги ей лечь.

До спальни Женья добрела, как в тумане. Солли помогла снять платье, прохладная мягкая подушка притянула голову, словно магнитом, а как старая служанка укрывала ее одеялом, девушка уже не почувствовала.

Ей ничего не снилось.

На этот раз расследование не обещало быть сложным: след явно и без всяких ухищрений вел к Одару. Очевидно, пославший убийц враг и помыслить не мог, что их невидимость подведет в самый решающий миг. Граф уже предвкушал подробный и обстоятельный допрос вместе с Фенно-Дералем, уже прикидывал, какими путями добывать новую разработку одарских магов и в чьи руки можно отдать ее здесь, в Андаре. Очевидно, один из захваченных амулетов невидимости придется пожертвовать в качестве опытного образца, а вот остальные, пожалуй, разумней всего отдать Ларку, в горах пригодятся. Да и утечки секретных сведений не будет, он-то уже видел лазутчиков-невидимок.

Или приберечь все же хоть один для собственных агентов?

Граф отдавал себе отчет, что в таком вопросе окончательное решение будет за его

величием, но тем важнее заранее подготовить убедительные доводы.

Предстояло много, очень много работы. Но эта работа была понятна, увлекательна и сулила многое. Сегодняшнее происшествие, пусть крайне неприятное, дало Андару преимущество: как выразилась однажды Джегейль, «кто владеет информацией, тот владеет всем».

Грент, очевидно, думал о том же.

Когда Ларк и оба фор Гронтеша распрощались, наверняка мысленно проклиная манеру Фенно-Дераля вести допрос, когда вокруг дома была выставлена дополнительная охрана, а Тил Бретишен отправился накладывать новые щиты и сигнальные чары на окна, граф оглядел разгромленную библиотеку, поморщился и пригласил друга в кабинет. Разлили вино, и Грент, усмехнувшись, поднял тост:

— За покойного Страунгера. Хотя и мерзавец был изрядный, а его желание дармовой силы в который раз уж нас спасло.

Выпили, и граф предложил в свой черед:

— За девушку, которая постоянно оказывается в нужном месте в нужное время. За Джегейль фор Циррент.

Терпко-сладкое, густо-багровое одарское горное — такое же они с Грентом пили в тот вечер, когда решали, верить ли бредовому рассказу невесты откуда взявшейся девушки. Что ж, тогда они решили верно.

— Да, с этой девушкой вам повезло, друг мой. Давайте, однако, выпьем и за ее удачу. Пусть барышне Джегейль и впредь улыбается счастье.

— Я бы этого хотел, — кивнул граф. Разлил еще по бокалу, пригубил, кивнул снова, уже собственным мыслям: да, он хотел бы, чтобы Джегейль была счастлива, и хотел бы ей в этом помочь. В конце концов, Гелли оказалась права: этой девушке самое место в их семье

...Конец второй книги

Больше книг на сайте - Knigolub.net